

**ИСТОРИЯ
ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ**

У Р А Л Ь С К И Й

ISSN 0134-241X

следопыт
2 • 2000

**ЗАГАДКИ АРКАИМА • БАНИ ДРЕВНЕЙ РУСИ • ВЕРНИСАЖ • ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН • ТОЛКИН В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА • СКАУТЫ В РОССИИ**

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Огонь-камень

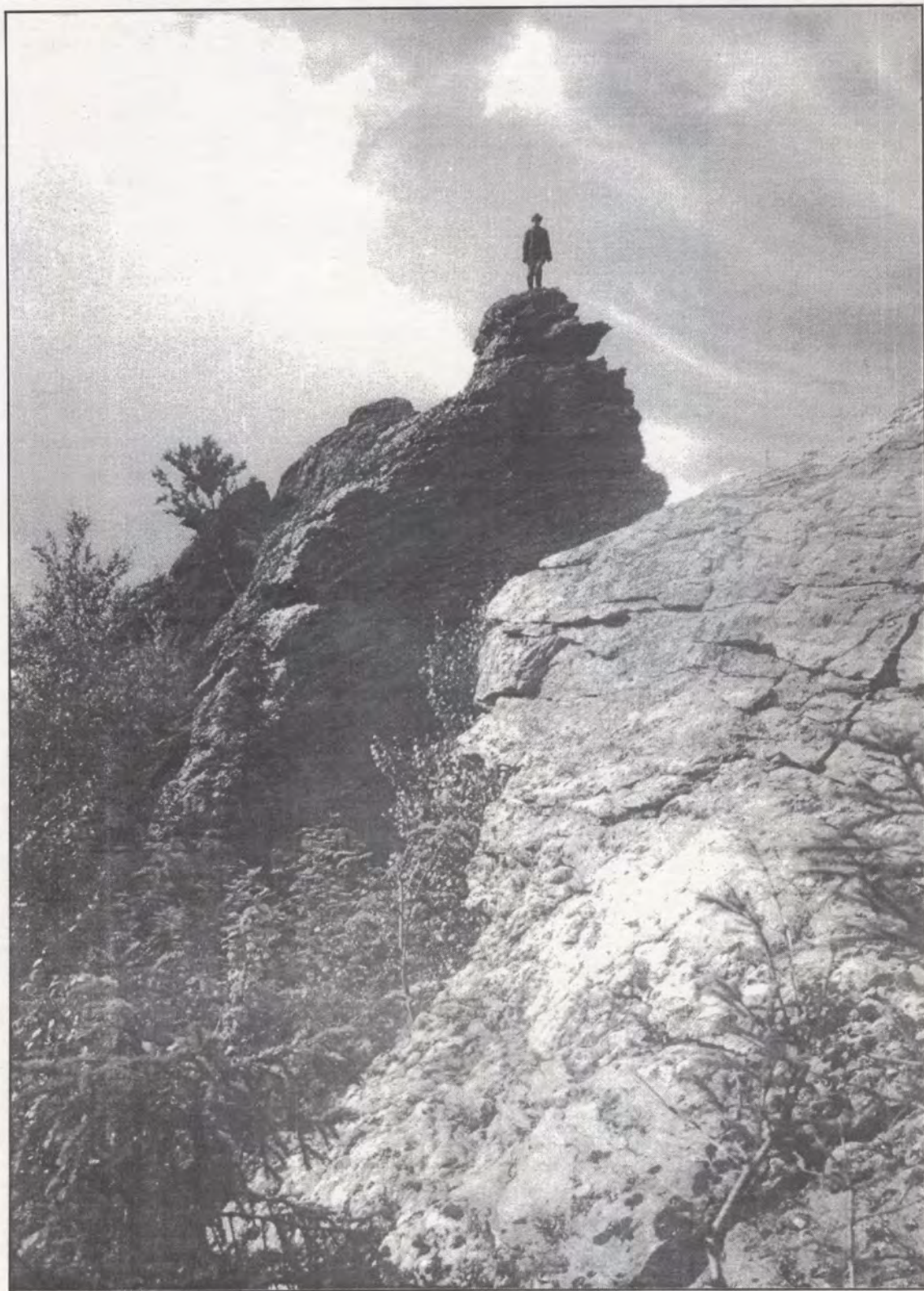

Фото из архива автора

**«Хочешь
двигаться -
ищи
попутчика»**

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

**УРАЛЬСКИЙ
следопыт**

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере: 2 '2000

Валентина КОВАЛЕВА
Василий ЖУРАВЛЕВ
Елена БАГИНА

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

ИСТОРИЯ
КРАЕВЕДЕНИЕ
ПРОЗА
ПОЭЗИЯ

СТР. 3-16

Владислав КРАПИВИН
Сергей СМИРНОВ

АЭЛИТА

ФАНТАСТИКА
ФЭНТЕЗИ
КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА

СТР. 17-52

Валерий НЕСТЕРОВ
Юрий КУНЦЕВИЧ
Владимир СТЕПАНОВ
Валерий ПЕРШИН
Михаил АЗЁРНЫЙ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СПОРТ

СТР. 53-79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УралРелком

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС ЮНЫХ ДАРОВАНИЙ «АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ»

Ежегодный областной фестиваль-конкурс юных дарований «Алмазные грани», учрежденный Благотворительным фондом «Дети России» и Министерством культуры Свердловской области ставит перед собой благородную цель:
поддержать творчество тех, кто в XXI веке будет создавать славу России.

НОМИНАЦИИ КОНКУРСА:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ:

- «**Река времени**» — история, краеведение;
- «**Аэлита**» — фантастика, фэнтези;
- «**Встречный ветер**» — путешествия, приключения, спорт.

В конкурсе принимают участие авторы произведений в жанре художественной прозы, поэзии, свободной прозы и публицистики. Соорганизатор конкурса: журнал "Уральский следопыт".

«ПОРТРЕТ УХОДЯЩЕГО ВЕКА» (художественная номинация)

В конкурсе принимают участие авторы художественных произведений: живопись, графика, скульптура. Соорганизатор конкурса: Лицей искусств им. С.П.Дягилева.

«МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА» (музыкальная номинация)

В конкурсе принимают участие юные композиторы и исполнители. Конкурс проводится в рамках Областного конкурса учащихся Детских музыкальных школ (II-III этапы).

Возраст участников конкурса не должен превышать 18 лет.

Подведение итогов фестиваля-конкурса состоится в **г. Екатеринбурге на Гала-концерте, 15 мая 2000 года**, где будет представлена художественная выставка конкурсных работ, будут исполнены со сцены произведения юных поэтов и музыкантов, пройдет чествование победителей и торжественные награждения.

Дипломанты конкурса будут награждены **призами, денежными премиями, пленэрными практиками за рубежом** от организаторов и спонсоров конкурса.

Лучшие литературные произведения **будут напечатаны в журнале «Уральский следопыт», детской газете «Тихая минутка», оформлены отдельными изданиями.**

Лучшие художественные произведения будут отпечатаны в виде **плакатов-календарей на 2001 год.** Все участники конкурса будут отмечены **поощрительными призами.**

Заявки на участие в конкурсе и конкурсные работы принимаются до 1 мая 2000 года:

Музыкальная и художественная номинации по адресу:

620002, г.Екатеринбург, К-2, а/я 30, Благотворительный фонд «Дети России», конкурс «Алмазные грани» (почтовый адрес Фонда); г.Екатеринбург, ул. Мира, 28, корпус 3, (офис Фонда)

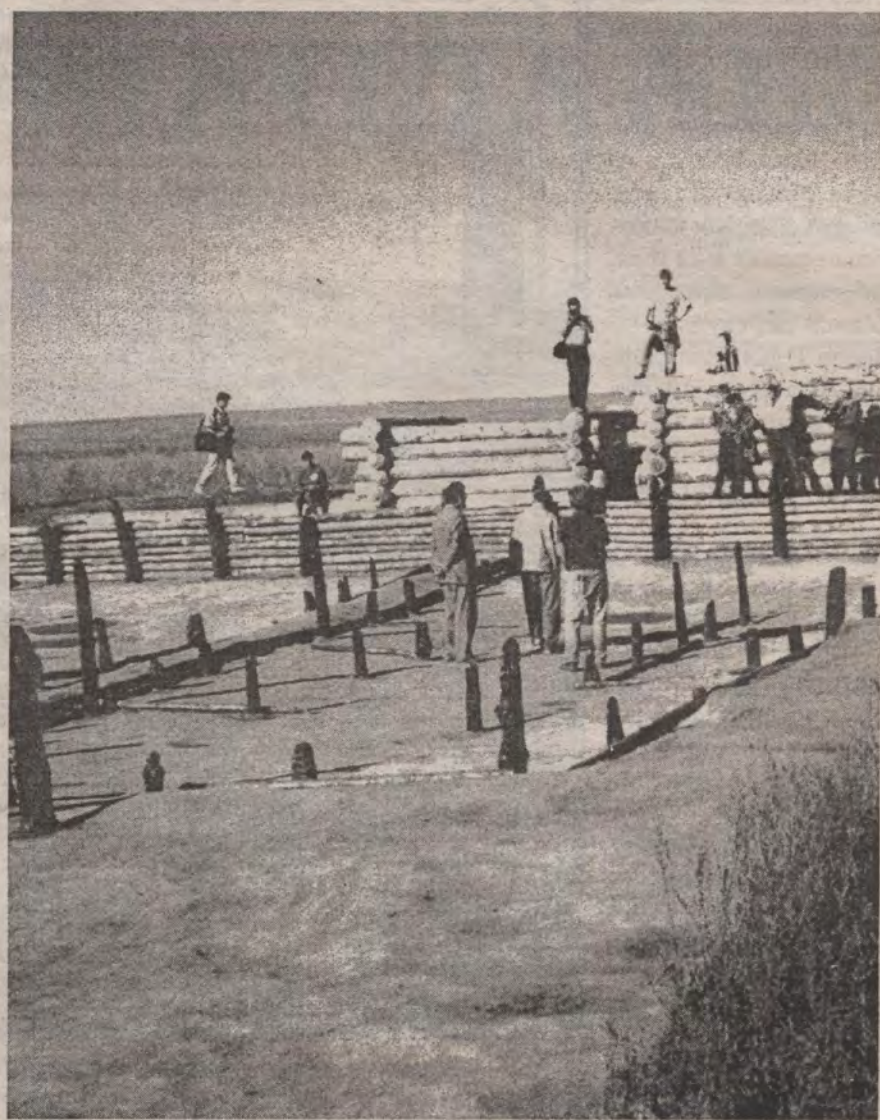
Литературные номинации по адресу:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67 (редакция журнала «Уральский следопыт»)

Телефоны для справок:

- (3432) 74-28-15, 74-25-58** Благотворительный фонд «Дети России»
- (3432) 51-74-67** Методический отдел Министерства культуры Свердловской области
- (3432) 22-45-01** Редакция журнала «Уральский следопыт»
- (3432) 24-49-91** Лицей искусств им. С.П. Дягилева.

РЕКА ВРЕМЕНИ

«Аркаим расположен в живописной долине реки, окруженной горами. Уставший от цивилизации человек, здесь вдруг чувствует себя в согласии с Природой».

Валентина КОВАЛЕВА «Магия Мандалы», стр. 5

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА:

Новости	стр. 4
Валентина КОВАЛЕВА «Магия Мандалы»	стр. 5
Василий ЖУРАВЛЕВ «Бани Древней Руси и России»	стр. 10
Елена БАГИНА «Несколько слов об армянской живописи «эпохи перемен»	стр. 14

ОТКРЫТИЯ — ДЕЛО МОЛОДОЕ

Интересно, заметило ли цивилизованное человечество, что все открытия до неприличия молоды, прямо сказать, юны. Беру на память несколько имен, что оказались под руками. Вот Исаак Ньютон со своим хрестоматийным яблоком. Прославивший его в веках закон тяготения юноша открыл в 22 года, оказавшись по случаю эпидемии чумы в отдаленной деревушке.

Сэмюэль Морзе. Идея телеграфной азбуки посетила его в 19 лет. Остальные 60 он употребил на то, чтобы доказать всему миру полезность и неизбежность своего изобретения.

Наш земляк, уроженец уральского городка Карпинска, Николай Петрович Вагнер. Свое главное зоологическое открытие — педогенезиса (самопроизвольного размножения гусениц у некоторых насекомых) — он сделал к 30 годам. Потом ему уже ничего не оставалось, как заняться сочинением сказок под псевдонимом Кота Мурлыки.

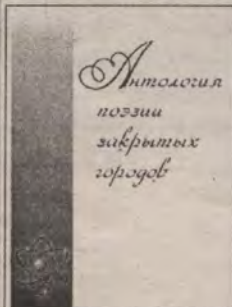
Повторяю, это не специальная выборка исторических имен. Они, буквально сказать, первыми попали под руку, утверждая собой, что открытия, способность заглянуть за горизонт — удел молодости.

Да вот и городище залетных ариев — Аркаим, а также более раннее их поселение Ташково II, — которым мы нынче отдаем несколько страниц «Следопыта», тоже ведь открыли и «населяют» молодые.

Тут только одна и напрашивается оговорка: молодость — понятие не всегда возрастное. Говорят, лет много, но душа молода...

Словом, молодые, спешите объявить миру о своем открытии. Ждем вас в «Следопыте».

Необычную книгу принесла в редакцию бандероль из г. Трехгорного Челябинской области — «АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ». Нашему взору предстали стихи служителей муз из десяти городов так называемой «оборонки», совсем недавно обретших собственные имена. В их числе пять уральских: Лесной (Свердловск-45), Ново-

уральск (Свердловск-44), Озерск (Челябинск-40), Снежинск (Челябинск-70), Трехгорный (Златоуст-36). Кажется, что вслед за городами и стихотворные строки нынче обретают имена. Исполать им! А имен в «Антологии» аж 287, причем едва ли не половина — женские. Девятый вал поэзии! Любопытно было бы узнать, скольким из них повезет добраться до Парнаса. Книга издана в г. Железногорске Красноярского края.

23 августа 1896 года ЕКАТЕРИНБУРГ ПОСЕТИЛ крупный государственный деятель России МИНИСТР ФИНАНСОВ С.Ю. Витте. Московским мастерам был заказан для встречи серебряный поднос и солонка. На вокзале собрался весь состав городской Думы. Воспользовавшись визитом, управа ходатайствовала о разрешении облигационного заема для погашения краткосрочных городских долгов. Дума, в свою очередь, попросила Сергея Юльевича принять звание почетного гражданина Екатеринбурга, ввиду участия его в позитивном решении вопроса о соединении Уральской и Западно-Сибирской железных дорог, что привело к постройке ветки Екатеринбург-Челябинск. Министр благосклонно принял звание. А опоздавшие к приезду гостя серебряный поднос и солонку пришлось возвратить в Москву неоплаченными.

А. Иглин

В пещерах Стреффонтейна (ЮАР) АНТРОПОЛОГИ ВПЕРВЫЕ НАШЛИ ОКАМЕНЕЛУЮ РУКУ австралопитека. Это доисторическое человекообразное существо обитало на юге Африканского континента 3,3 млн. лет назад. Антропологам редко удается найти конечности первобытных человекообразных, так как обычно их поедают хищники. Теперь ученые располагают почти полным скелетом австралопитека, череп и костяк которого были обнаружены в позапрошлом году.

СНЕПОНЯТНЫМ ЯВЛЕНИЕМ СТОЛКНУЛИСЬ АРХЕОЛОГИ летом минувшего года. И не где-нибудь, а на проспекте Ленина в центре Екатеринбурга, во дворе Музея истории каменного и ювелирного искусства (бывшая горнозаводская аптека). Их находка — деревянное сооружение, уходящее на три метра в землю, стены которого сложены из сосновых плах и скреплены коваными гвоздями. Есть предположение, что археологи вышли на уровень нерегулярной застройки первой половины XVIII века.

Тамара КУРАШОВА

Валентина КОВАЛЕВА

МАГИЯ МАНДАЛЫ

С помощью мандалы человек существует как космический житель.

(Хосе и Мириам Аргуэлес)

Аркаим с птичьего полета

На рубеже III-II тыс. до н.э. на Южном Урале и Среднем Зауралье появились поселения с упорядоченной планировкой, в основу которых был положен круг (овал) — ограниченное, замкнутое на центральную площадь пространство — мандала. Граница поселения отделяла Космос от Хаоса, своих от чужих; здесь изначально властвовала концепция центра, круговращения, защищенности, повторности событий. На санскрите мандала озна-

чает «круг» и «центр». Традиционно ее обозначают кругом — символом Космоса и квадратом — символом земли или мира.

Стремление человека первобытной эпохи к осмысленному образу жизни привело к пониманию «себя» как микрокосма. Если человек ощущает себя микрокосмом, его жизненный путь приобретает характер космического закона. Он воспринимает пространство упорядоченным, а себя чувствует в нем защищенным.

В основе градостроительного плана современного города лежит не круг, а крест; здесь доминирует концепция линейного движения. Такой способ проведения границы помещает чужого вовнутрь. Современный человек чувствует себя изолированным в космосе, испытывает дискомфорт. Он утратил глубокую эмоциональную энергию, которую давала ему символическая связь с космосом.

Уже более двух десятилетий уральские археологи раскапывают необычные для региона укрепленные (на Южном Урале) и неукрепленные (в Среднем Зауралье) круглопланные поселения, которые, по всей вероятности, появились в результате миграции на Урал ин-

доевропейского (арийского) населения из западных районов (Передняя Азия, Юго-Восточная и Центральная Европа) и колонизации им местного, в том числе финно-угорского населения. Арии, продвигаясь на восток и северо-восток, распространяли на далекие расстояния богатейшую духовную культуру, «священное знание», которые нашли отражение в письменных источниках — Ригведе и Авесте, в архитектуре поселений, вещном мире.

Одним из выдающихся достижений не только уральской, но и российской археологии, стало открытие в 1987 году укрепленного поселения Аркаим на юге Челябинской области в долине реки Большая Караганка, левого притока реки Урал. В 1991 году территория памятника объявлена фи-

КОВАЛЕВА Валентина Трофимовна.

Доцент кафедры археологии УрГУ, кандидат исторических наук, автор более 60 научных работ и монографий. Живет в Екатеринбурге.

лиалом Ильменского государственного заповедника. Инициатором его создания, как и основным исследователем Аркаима, является профессор Челябинского университета Геннадий Борисович Зданович, ныне директор заповедника «Аркаим». Его имя навсегда связано с Аркаимом. Аркаим надо было открыть, Аркаим надо было спасти, когда нависла угроза его уничтожения в связи с планировавшимся строительством Большекараганского водохранилища. Раскопки грандиозного памятника, как и его осмысление, накладывают на исследователя особую ответственность, тем более, что Аркаим с момента его открытия привлекает внимание не только ученых, но и представителей различных религиозных сект, экстрасенсов, эзотериков, мистиков, пророков и т.п.

Поселение занимает площадь около 20 000 кв.м. Планировка близка принципу мандалы: вокруг прямоугольной площади, размером 30х40 м расположены два кольца валов. Валы — это остатки оборонительных стен, сооруженных из глинобитных блоков и бревенчатых срубов. Вокруг каждого кольца, словно спицы в колесе, расположены дома. Диаметр внешней стены около 150 м, толщина по основанию до 4-5 м, а высота в древности доходила до 3,5 м. Внутренняя оборонительная стена — цитадель — имела диаметр до 85 м, толщину до 3-4 м в основании. Полагают, что поселение состояло из 60 домов, 35 из которых располагались по внешнему кругу и 25 — по внутреннему. Дома примыкали плотно друг к другу так, что длинная сторона одного дома являлась общей для другого. Выходы из жилищ находились в коротких торце-

вых стенах и были обращены в сторону площади. Противоположные торцы домов пристроены к оборонительной стене. К настоящему времени раскопано 26 жилищ. Это трапециевидные в плане здания площадью 100-180 кв.м. Внутри домов сохранились следы очагов, колодцев, ям для хранения продуктов, металлургические печи.

При огромной площади поселения и четкости архитектурных форм, поражает малочисленность находок. Исследователи пришли к выводу, что поселение погибло от пожара, вероятно, устроенного самими жителями поселка. Прежде чем поджечь поселение из него были вынесены не только нужные вещи, но и мусор. В жилищах и на площади чисто. Признаки паники, тем более жертв — отсутствуют.

Фактам надо было найти объяснение. Челябинские археологи, тщательно раскапывая поселение, изучая его стратиграфию, архитектуру, описывая и классифицируя находки, не спешили с его научным осмыслением, прибегая зачастую к журналистским, а порой и конъюнктурным, версиям значимости Аркаима. Во многих «толстых» журналах появились статьи, в которых Аркаим характеризовался то как прародина ариев, то как родина Заратустры (Зороастра), то как обсерватория, равной которой нет во всем мире. Знаменитый Стоунхендж померк. По мнению Константина Быструшкина, Аркаим — обсерватория древних ариев по своей конструкции сложнее и древнее британского Стоунхенджа. Сам Г.Б. Зданович считает Аркаим и жилым поселком, и крепостью, и храмом, и религиозным центром одновременно.

Аркаим. Раскрытое жилище ариев. Крайняя справа — автор очерка.

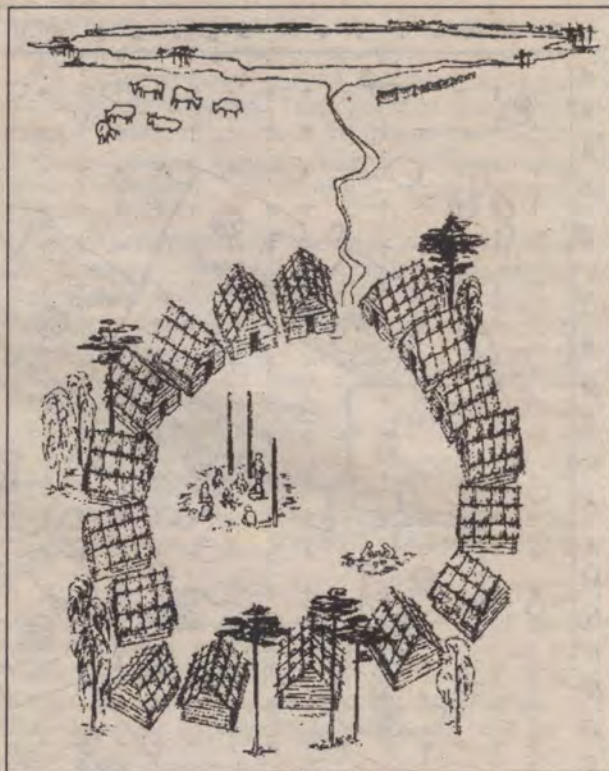
В научно-популярных и научных изданиях, посвященных Аркаиму, постоянно демонстрируется каменная антропоморфная скульптура из случайных находок, которая, по всей вероятности, относится к другой эпохе — энеолиту. Для изобразительной деятельности аркаимской культуры характерно господство геометризма (архитектура, орнаменты на посуде и культовых предметах), а реалистическая скульптура пока не найдена ни на одном памятнике этого круга. Антропоморфная скульптура, как правило, связана с культовой практикой, но для реконструкции культа и религиозных представлений необходимо пользоваться только достоверными фактами.

Аркаим — прекрасно сохранившийся памятник древности; особенно зрелищен его вид сверху, но он не уникален. Известно более 20 памятников, аналогичных Аркаиму. Это и Синташта, и Устье, и Аландское, на которых также производились раскопки и выявлен тот же архитектурный стандарт, в основу которого положено сочетание круга, квадрата, прямоугольника. Кольцевая планировка вряд ли вызвана необходимостью астрономических наблюдений. Фортификация поселений продиктована исторической обстановкой, но она не обязательна. Встает закономерный вопрос: почему на определенном этапе развития культуры на Урале неожиданно появились, а затем исчезли кольцевые поселения?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к характеристике и анализу полностью раскопанных поселений с круговой планировкой в Среднем Зауралье, которые объединены мною в ташковскую культуру. Название дано по деревне Ташковой в Каргапольском районе Курганской области, где впервые было исследовано круглоплановое поселение Ташково-II. В Тюменской области раскопаны еще два поселения: Андреевское озеро-XIII у г. Тюмени и Иска-III — на берегу р. Иски, левого притока Тобола. Эти поселения также оставлены мигрантами — ариями в конце III — начале II тыс. до н.э. По возрасту они более ранние, чем аркаимские, площадь их гораздо меньше — от 1000 до 3000 кв.м, но принцип планировки во многом сходен с южноуральскими: они тоже с круговой планировкой, хотя и неукрепленные.

По-видимому, круг был символом Вселенной. Поселения с кольцевой планировкой ташковской культуры можно считать древнейшими архитектурными ансамблями на Урале. Оказывается, архитектура, как вид искусства, возникла задолго до появления городов. Любое архитектурное сооружение есть воплощение образа, заранее разработанного, оно устойчиво во времени, тесно связано с ландшафтом, включено в него.

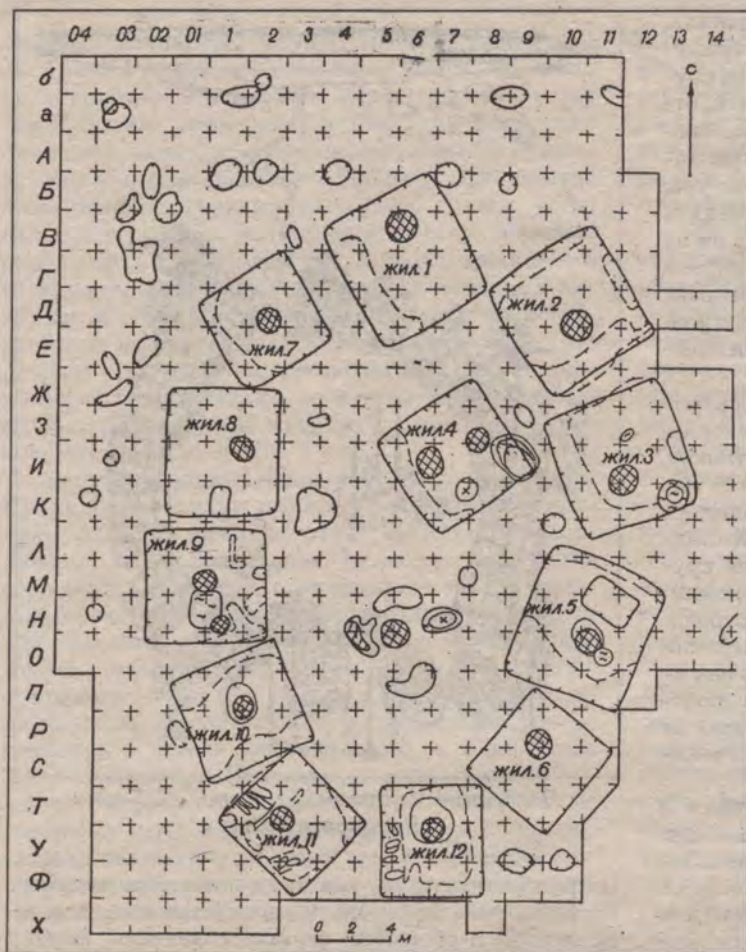
Наиболее ранней и, можно сказать, универсальной формой архитектурных сооружений был круг. Возможно, древние архитекторы учитывали воздействующий на психику фактор защитной фигуры «охранительного круга». Круговая планировка поселений — круг, овал, — по-видимому, была моделью Вселенной и в то же время отражала социальное устройство общества. Такая простая гео-

Поселение Андреевское озеро. XIII век.
Реконструкция.

метрическая фигура, как круг, позволяла человеку воплотить и передать множество смыслов о Вселенной и обществе, формах поведения, выразить свое понимание пространства и времени. Для людей первобытной эпохи основным способом понимания мира были мифология и «космическое» мироощущение. Для выражения и начертания мысли в архаичных обществах использовались числа и геометрические фигуры. Архитектура — один из важнейших способов коммуникации, связывающей людей через пространство и время — закодированная «летопись мира».

Круг мог быть символом освоенного пространства — Космоса, в отличие от неосвоенного, лишённого формы, Хаоса. В то же время Хаос вмещал в себя все элементы Космоса в их рудиментарном состоянии. Из Хаоса человек творил Космос. Творение Космоса начиналось с некоторого центра. Да и само наличие окружности, круга предполагает существование центра. На памятниках ташковской культуры таким центром, по-видимому, были места жертвоприношений. На поселении Ташково II под центральным домом находилась довольно глубокая, 0,8 метра, яма, которая выходила за пределы жилища и была выкопана раньше, чем началось строительство дома. Рядом с ямой было кострище. В яме археологи обнаружили керамику, наконечник стрелы, рыболовные грузила, обломки тиглей для плавки металла. По-видимому, яма с находками — строительная жертва земле. Строительные жертвы широко известны не

Поселение Ташково II. План раскопа.

только по археологическим и этнографическим, но и по письменным источникам. Плутарх описал «этрасский обряд», совершенный при основании Рима и уходящий корнями в глубокую древность: «Вначале был вырыт ров, куда положили начатки всего, что считается по закону чистым, но по своим свойствам — необходимым». Этот ров, должно быть, служил как бы центром круга, обозначавшим черту будущего города.

И в Ташково II на месте жертвоприношения позднее был построен дом, который, по-видимому, занимал особое место, являясь сакральным центром поселения. Круг с вписанным в него квадратом — мандала — космическая диаграмма соединения путей неба (квадрат) и земли (круг). В мандале противоборствующие силы соединены в целое; она является графическим выражением священного брака, гармонии. Все древние космогонические модели построены на комбинации мужского и женского начал.

В архитектуре поселений ташковской культуры отражено стремление связать их структуру со структурой Вселенной. Условная ось, проходящая через северные и южные ворота, делила поселение на две половины — восточную и западную.

Первобытное сознание, мифологизируя пространство, использовало систему бинарных оппозиций, набор которых являлся универсальным средством описания Вселенной. В индоевропейской мифологии восток был символом света, активного мужского начала, а запад ассоциировался с тьмой, пассивным женским началом. Место дома в кольце застройки и положение по ту или иную сторону от оси восток — запад определяли многие важные стороны общественного поведения члена общины. С мифологизацией пространства связаны зоны социальной топографии. Планировка как бы автоматически регулировала отношения внутри поселения. Этнографические исследования свидетельствуют, что социальные подразделения племени и общины почти всегда соотносятся со сторонами света.

Геометрический символ мандалы отражал и философские воззрения, основу которых составляло диалектическое взаимодействие противоположных начал как созидательной силы. Символ мандалы как бы передавал сценарий взаимодействия прямолинейного и криволинейного, мужского и женского, востока и запада, ощущения как бы взаимного вхождения друг в друга двух компонентов, принадлежащих к противоположным началам явлений (квадрат вписан в круг).

Чтобы чувствовать себя уверенно, богам приносились обильные жертвы:

Это жертвоприношение — пуп мироздания.

Восток у индоиранского населения был основной магистралью Вселенной, олицетворял рождение, светлое начало:

*Исходя из восточной стороны,
Земным обитателям он (Агни)
Назначил времена года,
Распределил их как положено.*

В «Ригведе» отражено циклическое восприятие времени, воплощением которого являются и геометрические символы (мандала):

*О двенадцати спицах — ведь оно не изнашивается
Вращается колесо закона по небу.*

Сакральный брак мужского и женского начал лежал в основе акта творения:

*Когда страсть к наслаждению
охватила господина людей*

*(Отец) — Небо при (любовном соитии испустил)
чистое семя, которое разлилось.*

В иранской мифологии укрепилась идея сочетания квадрата и круга. Земля — шар — две чаши, слитые в сферу. Квадрат определяет кардинальные стороны пространства. Поселение округлое, но круг состоит из квадратных домов. В центре квадратного дома — округлый очаг, семейная святыня. Геометрический стиль, как способ осмысления

бытия, охватывает все сферы мироздания. Образ мандалы имеет явную цель — провести магическую борозду вокруг центра, являющегося источником всех ценностей жизни. В нем воплощены основные духовные принципы: единение (круг как мир, община), порядок (само слово «космос» означает порядок), иерархичность (доминирование одной из экзогамных половин общины). Мандала воспринимается как союз неба и земли, как священный брак, порождающий Вселенную.

Человеческое стремление к осмысленному образу жизни привело к пониманию «себя» как микрокосма. Поселение уподоблялось Вселенной. Ритуальное сожжение поселений имитировало очищающий мировой пожар, который, по верованиям всей индоевропейской культурной общности, должен был обновить мир. Огонь — обновляющая космическая сила.

Отсутствие сложных культовых сооружений на поселении может свидетельствовать об ориентации населения поселка на открытость, на представление о доступности богов, обращенности небесной сферы к миру и человеку, постигаемости небесной сферы.

Возвращаясь к вопросу о том, что же такое Аркаим, можно с уверенностью сказать, что это было укрепленное поселение бронзового века. Некритический подход к источнику породил такую

ненаучную терминологию, как «Страна городов», «Страна протогородов», квазигород, протогород и т.д. Более трезвая оценка Аркаима дана челябинским археологом С. Григорьевым. Для него Аркаим — это городище, и необычно оно лишь на фоне различных культурных стереотипов местного и пришлого населения. С этим трудно не согласиться.

И второй вопрос: существует ли магия Аркаима? Конечно, существует. Аркаим расположен в живописной долине реки, окруженной горами. Уставший от цивилизации человек, здесь вдруг чувствует себя в согласии с Природой. О каждой горе сложена легенда: на одну приходят влюбленные, на другую — встречать рассвет и заряжаться энергией... На Аркаиме множество польней, и все они по разному пахнут. Там есть все, чтобы человек почувствовал себя счастливым. Посетители, поднимаясь на гору рано утром, невольно протягивают руки восходящему солнцу, ощущая его тепло и свет.

Древние арии постоянно заботились о своем комфорте, поэтому и места для поселений выбирали красивые, и строили круглые поселения-крепости, защищая себя не только от врагов, но и от Хаоса. Ежедневно воздавая жертвы богам, они надеялись на их благосклонность. И боги их не подводили.

Поселение Асландское (Челябинская область).

Василий ЖУРАВЛЕВ

БАНИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ

Баня — мать вторая: кости расправит, все дело поправит.
(русская пословица)

ПЕРВЫЕ БАНИ НА РУСИ

На Руси бани были известны с самой глубокой древности. В своих летописях Нестор относит их возникновение к первому столетию нашей эры, когда св. Апостол Андрей, проповедуя в Киеве евангельское слово, отправился потом в Новгород, где он увидел чудо — парившихся в бане. По описанию Нестора люди, парившиеся в бане, похожи были по цвету кожи на сваренных раков:

«...Накалив печь в деревянных банях, туда вхо-

дили нагими и там обливались водой. Потом брали розги (веник) и начинали себя бить, и до того секли, что едва выходили живыми. Затем, окатив себя с головы холодной водой, оживали».

Нестор в своей летописи заключает: «Ни кем не будучи мучимы, сами себя мучили, и совершали не омовение, а — мучение».

...Водные процедуры в виде купания, обливания и парения с похлестыванием веником по телу широко использовались и славянскими племенами Древней Руси. Из древних летописей мы узнаем, что на Руси баня появилась задолго до крещения славян. Одни историки полагают, что баня на Русь завезена, якобы, арабами или спартанцами. Другие историки-археологи предполагают, и вполне обоснованно, что русская баня является собственным изобретением славян. В подтверждение последнему говорит совершенно особый, не похожий ни на какой другой, ритуал мытья славян.

Но некоторые исследователи утверждают и обратное — что первая баня проделала путь на Север через славянские племена с Востока. Еще древне-греческий ученый и путешественник Геродот писал о том, что скитяне, у которых были бани в виде шалашей, получали пар, бросая на горячие камни конопляное семя. Есть у Геродота упомина-

ЖУРАВЛЕВ Василий Никифорович — начальник отдела Учебно-производственного центра «Уралтрансгаз», в течение 20 лет увлеченно изучает историю и традиции банного дела как элемента российской культуры.

Проживает в г. Екатеринбурге.

Мы предлагаем вашему вниманию главы из неопубликованной еще книги «Щедрый пар — путь к здоровью и долголетию».

ние и о том, что еще скифы после погребения покойника очищали себя парной баней.

Византийский историк Прокопий Кесарийский, живший в V в. н.э. пишет, что баня сопровождала древних славян всю жизнь: здесь их омывали и в день рождения, и перед свадьбой, и... после смерти.

«И не имеют они купален, но устраивают себе дом из дерева и законопачивают щели его зеленоватым мхом. В одном из углов дома устраивают очаг из камней, а на самом верху, в потолке, открывают окно для выхода дыма. В доме всегда имеется емкость для воды, которой поливают раскалившийся очаг, и поднимается тогда горячий пар. А в руках у каждого связка сухих ветвей, которой, махая вокруг тела, приводят в движение воздух, притягивая его к себе... И тогда поры на их теле открываются и текут с них реки пота, а на их лицах — радость и улыбка». Так писал о древних славянах один арабский путешественник и ученый.

НА РУСИ В БАНИЮ ХОДИЛИ ВСЕ

В летописях X-XII веков часто упоминается о банях на Руси. Бани в те далекие времена наши предки называли по-своему: мовь, мовня, мовница, мыльня, влазня и др.

Из летописи 966 г. мы узнаем:

...В уставе князя новгородского и Киевского Владимира, который ввел на Руси христианство, и названного в народе — «Красное солнышко», бани именовались заведениями для немощных. Это были, своего рода, народные лечебницы, по всей вероятности, первые на Руси.

В 1091 году епископ Ефрем, в последствии — Киевский митрополит, повелел «заводить строение — банное врачуе и всех приходящих безмездно (т.е., бесплатно. Авт.) врачевать». В эти же годы монах Киево-Печерского монастыря Агапий, прославившийся как искусный врачеватель, исцелял больных травами и баней. По монастырскому уставу больных полагалось мыть в бане три раза в месяц.

В Лаврентьевской летописи, составленной в 1377 году, упоминается о бане при дворе Княгини Ольги. Интересно название этой бани — «истобька». Наверное, образовано от слова — истопить?

Известный деятель, историк и ученый России Карамзин в своем труде «История государства Российского» приводит свидетельство иноземных путешественников, побывавших на нашей земле в древние времена:

...«Житель полуночных земель любит движение, согревая им кровь свою. Привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется... Презирает непогоду, свойственную климату северному... Закаляется своей огненной баней».

В летописях XI-XII в.в. упоминается водопровод, построенный для «Ярославова дворица». Московские князья брали воду для бани из Москвы-реки или из реки Неглинной. Позднее, в начале XVI в., по приказу Ивана Каметы проложили от реки вглубь берега за стены Кремля дубовую трубу и подавали воду к глубокому колодцу-тайнику, из которого уже бадейками ее разносили куда нужно.

Самые древние бани внешне напоминали землянки

ПОЧЕМУ УРУСУТЫ ЗДОРОВЫЕ И СИЛЬНЫЕ?

Зимой 1237 г. внук Чингисхана Батый подошел со своей конницей к Москве. Его взору предстали бревенчатые срубы у реки, из которых валил густой пар. Оттуда часто, второпях, выскакивали люди нагишом, бросались в ледяную прорубь и окунались, иные же — валялись в сугробах снега.

Вот как описывает этот исторический эпизод писатель и историк Василий Ян в романе «Батый»:

«Бату хан метнул плетью на срубы:

— Что делают эти безумцы?

— Эти домики называют мыльни, — объяснил толмач. — Там жители Мушкары (Москвы) бьют себя березовыми венниками, моются горячей водой и квасом, затем — окунаются в проруби. Это очень полезно для здоровья. От того урусуты (русичи) такие сильные».

Еще в первой половине XII века внучка киевского князя Владимира Мономаха — Евпраксия, с детства увлекаясь народной медициной, обратила внимание на пользу для здоровья русской бани. Собирая различные, полезные для человека, целебные травы, она приготавливала из них отвары и лечила ими не только знатных людей, но и простых крестьян. «Леками людям добро делала», — говорили о Евпраксии в народе, за что ее и прозвали Добродеей.

В возрасте пятнадцати лет она была просватана за Византийского царевича. Переехав к мужу в Царьград, Евпраксия изучила за короткий срок греческий язык, зачитывалась книгами греческих ученых: Гипократа, Галена и Асклепиада. Со временем, став выдающимся врачом своего времени, она собрала и изучила многочисленные рецепты народной медицины, боролась за соблюдение чистоты людьми, без чего «не быть здорову». Евпраксия уже тогда говорила об «особенности» русской бани, ее пользе, которая «предохраняет от болезни и укрепляет тело».

БАНИ-ЛЕЧЕБНИЦЫ

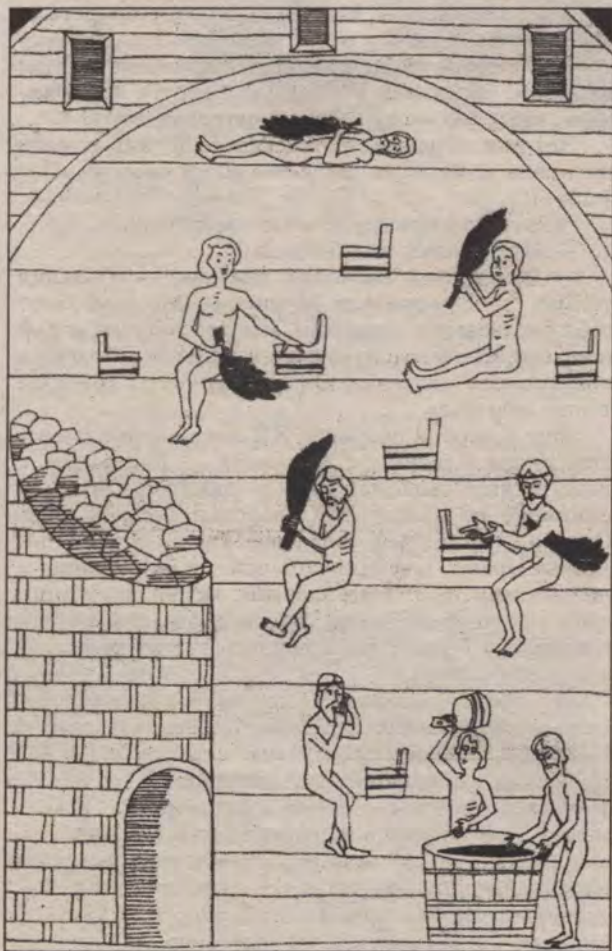
Петр I не только чтит русскую баню, но был и организатором первых водолечебных курортов в России. Посетив знаменитые европейские курорты, царь распорядился разыскивать «лечительные воды» в российских Землях.

Когда в 1703 году был основан Петербург, он разрешил строить бани всем желающим; и не бралось за то никаких пошлин.

С петровских времен прижилось в России почитание античной культуры. Возводились сооружения в стиле Древней Эллады и Рима. Тот, кто ездил на экскурсию в город Пушкино (бывшее Царское село), видел в помещениях Большого дворца так называемую холодную баню. Это, своего рода, копия римских терм. Здесь же, в Екатерининском парке, на третьем уступе Старого сада, — здание верхней ванны или «мыльни их высочества».

В павильоне нежного светло-желтого цвета несколько помещений: сени, раздевальная, ванна, парильня и восьмигранный зал для отдыха, в котором скопированы росписи из знаменитого древнеримского дома Нерона. Неподалеку построена более скромная Нижняя баня для придворных.

Баням на Руси всегда придавалось оздоровительное значение.

Внутренний вид русской бани.
С миниатюры начала XVIII века.

В государственном архиве по истории государства Российского сохранилась интересная запись о том, что 11 мая 1733 г. от медицинской канцелярии получено разрешение завести в Москве «лечебную баню». Хозяина этой бани строжайше обязывали «...пользоваться в той бане только наружные болезни и трудных операций без ведома и совета докторского не чинить. И за труд свой цену брать настоящую и без излишеств, дабы на него жалоб не происходило».

Немаловажно подчеркнуть в этом историческом, интересном для нас трактате, что при посещении бани «...запрещено держать горячие вина, водки и всякий заповедный напиток».

МОСКВА БЕЗ БАНЬ НЕ МОСКВА

Большим знатоком и любителем бань старой Москвы считался в свое время известный писатель В.А. Гиляровский. В изданной им книге «Москва и москвичи» он вспоминает: «Единственное место, которое ни один москвич не миновал, — это БАНЯ». «Москва без бань — не Москва», — утверждал Гиляровский.

В прошлом столетии бани в Москве, как правило, строились у реки, чтобы быстро окунуться в воду, а потом — вернуться в жаркую парилку. Зимой же для этого специально делали проруби. Таких бань, по словам московского писателя Гиляровского, в Москве в то время было около шестидесяти, и «...все они имели постоянное «население», свое собственное, сознававшее себя настоящими москвичами». Каждое сословие имело свои излюбленные бани. Люди со средствами шли в дворянское отделение, рабочие и беднота — в простонародные, за пятак.

Такое сохранилось, можно сказать, у москвичей и по сей день. Об этом, например, рассказывает А.А. Бирюков в своей книжке — «Приглашаем попариться» (Москва, 1987 г.), где читаем:

«Если вы спросите у танцоров из ансамбля И.А. Моисеева, какие бани лучше, они, не задумываясь ответят: «Оружейные». И добавят: «Там большая, светлая парилка, всегда чисто». Спартаковские футболисты называли Центральные бани, а большинство борцов и боксеров — Сандуновские».

Для многих сторожилов Москвы любимыми считались Домниковские бани. (Сейчас они снесены, на месте старой Домниковской улицы сегодня построен Новокировский проспект).

«Домниковские бани всю хворь из тела выгоняют. Такой воды ни в одной московской бане не сыщешь», — нахваливали ее приверженцы.

Действительно, в 1779 г. начали постройку Мытищенского водопровода, которую завершили почти через двадцать пять лет, то есть, в 1804 году. Московский журнал «Вестник Европы» в конце 1804 года писал об этом:

«Сия вода чистая и прозрачная, эта первая после воздуха потребность жизни проведена в столицу из Мытищенских колодезь, доставляется в нее каменными трубами из-за семнадцати верст».

В Москве еще помнят старейшие каменные бани возле Каменного моста, которые топились «по-черному» — ради экономии дров.

Самое большое количество москвичей и гостей Москвы посещали все же Сандуновские и Центральные бани. В роскошных Сандуновских банях, которым сегодня приближается двести лет, парилась и Пушкинская, и Грибоедовская Москва.

Вот что пишет о московских банях А.А. Бирюков, мудрый знаток и ценитель банной процедуры:

«В начале XVIII века стояли возле Кузнецкого ряда ... у реки Неглинной, деревянные бани. Мылся в них торговый люд — кузнецы, грузчики, возчики. А на другой стороне Неглинной, неподалеку от Охотного ряда, топились бани Авдотьи Ламакиной.

Каждый посетитель бани сам доставлял себе воду для мытья, черпая ее из Неглинной при помощи журавля».

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ «САНДУНОВ» И «КИТАЙСКИХ БАНЬ»

Так уж случилось, что во время большого пожара в 1737 года бани Ламакиной уцелели, так как они стояли вдали, на пустыре, между двумя прудами.

Знаменитые в ту пору актеры, москвичи Петровского театра — Сандуновы, прикинули доход общественных бань Москвы, и, убедившись, что дело это выгодное, решили построить на месте своей московской усадьбы современные каменные бани.

Осуществить свой замысел актерам Сандуновым удалось лишь в 1806 году. Хотя сами Сандуновы банными, хозяйственными делами непосредственно не занимались, а сдали их в аренду Ламакиной, эти бани и по сей день называются в Москве Сандуновскими.

Центральные (китайские) бани появились в Москве чуть позже.

Знаменитый московский купец и фабрикант Хлудов, видя, что Сандуновские бани дают их владельцам огромный доход, решил построить в Москве новые, более комфортабельные. И сегодня служат москвичам эти сказочные бани — Центральные. Но в то время они назывались «Китайские» — по наименованию проезда, где их построили.

В новом издании — «Все о банях» (составители книги авторы М.О. Орлова и С.М. Тес, Москва, 1999 г.) мы узнаем дальнейшую судьбу Сандуновских бань. Предлагаю, дорогой читатель, прочесть про это:

«В 1833 году в Москве состоялось открытие Китайских бань. По этому случаю в зале высшего мужского разряда был дан банкет, на котором присутствовала вся Московская знать, в том числе — сын известного Российского генерала Гонецкого. Во время пиршества о Китайских банях говорили как о великолепном храме, и посмеивались над Сандуновскими банями.

Вдруг, неожиданно для всех, Гонецкий заявил, что на месте старых Сандуновских бань он построит новые, лучше Китайских.

Дома Гонецкий подсчитал, во что обойдется строительство новых бань, какую они принесут прибыль и новую славу его жене — московской миллионерше Фирсановой, на чьи деньги он планировал и строить роскошные бани.

Ему удалось склонить свою супругу к осуществлению задуманного им проекта, и деньги на строительство были ему гарантированы.

При строительстве и оборудовании новых бань было учтено все лучшее, достигнутое на то время в существующем банестроении от Востока и Запада, от Турции и Ирландии.

Трудились десятки опытных мастеров-строителей, сотни квалифицированных рабочих: каменщиков, штукатуров, плотников, кровельщиков, сантехников и других. Стройка шумела от зари до зари. Поэтому, сравнительно за короткий срок, всего за три года, новые Сандуновские бани были построены и в 1896 году пущены в эксплуатацию.

В новых банях был построен свой водопровод: воду брали из Москвы-реки, в тех местах, где она была чище всего.

В бассейн бани через каждые два часа приходил человек в белом халате, на глазах у купающихся зачерпывал пробу воды и относил в соседнюю комнату, где исследовали содержимое ковша.

В «банные» дни, то есть, по субботам и накануне больших праздников, каждая из 60 бань Москвы использовала около трех тысяч веников, которые привозились в Москву из глухих деревень как Московской, так и соседних областей.

Русская парная баня.
С миниатюры XVII века

Елена БАГИНА, канд. арх.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРМЯНСКОЙ ЖИВОПИСИ «ЭПОХИ ПЕРЕМЕН»

Тигран Овумян в своей мастерской.

Спиральные оболочки мёртвых моллюсков, выброшенные на берег Севана, хрупки и прозрачны. В пресной воде высокогорного озера мало солей. Армения сегодня стремительно теряет соль своей земли — интеллигенцию. Многие учёные, художники и музыканты уезжают на заработки за границу. Уходят из жизни последние из поколения Сарьяна, Кочара, и Тер-Терьяна. Своё мастерство они успели передать молодым, но их мудрость осталась не востребованной. Государство, в котором они жили и творили, ушло в небытие. Империя распалась. Разорвано пёстрое лоскутное одеяло Союза. На границах таможни. И если в Армении ощущается тяга к России, то в России официальная пропаганда, пугающая обывателей Кавказом, день за днём разрушает связи, которые складывались в течение нескольких веков. В России сегодня почти ничего не известно о новостях культуры современной Армении. Библейская земля, колючей проволокой отгороженная от горы Арарат и экономическим кризисом от ближайших соседей, переживает не лучшие времена. Но «чудо-ракушки» художественного творчества несмотря

*Я римский мир периода упадка,
Когда встречаю варваров рои,
Акrostихи слагаются в забвенье
Уже, как вечер, сдавшего порядка.*

Поль Верлен

*На склоне откоса ангелы машут своим
шерстяным одеянием среди изумрудных
и металлических пастбищ.*

Артур Рембо

*Художник-творец похож на улитку, которая
после себя оставляет чудо-ракушку,
подталкивая людей додумываться о
тайнах вселенной.*

Тигран Овумян

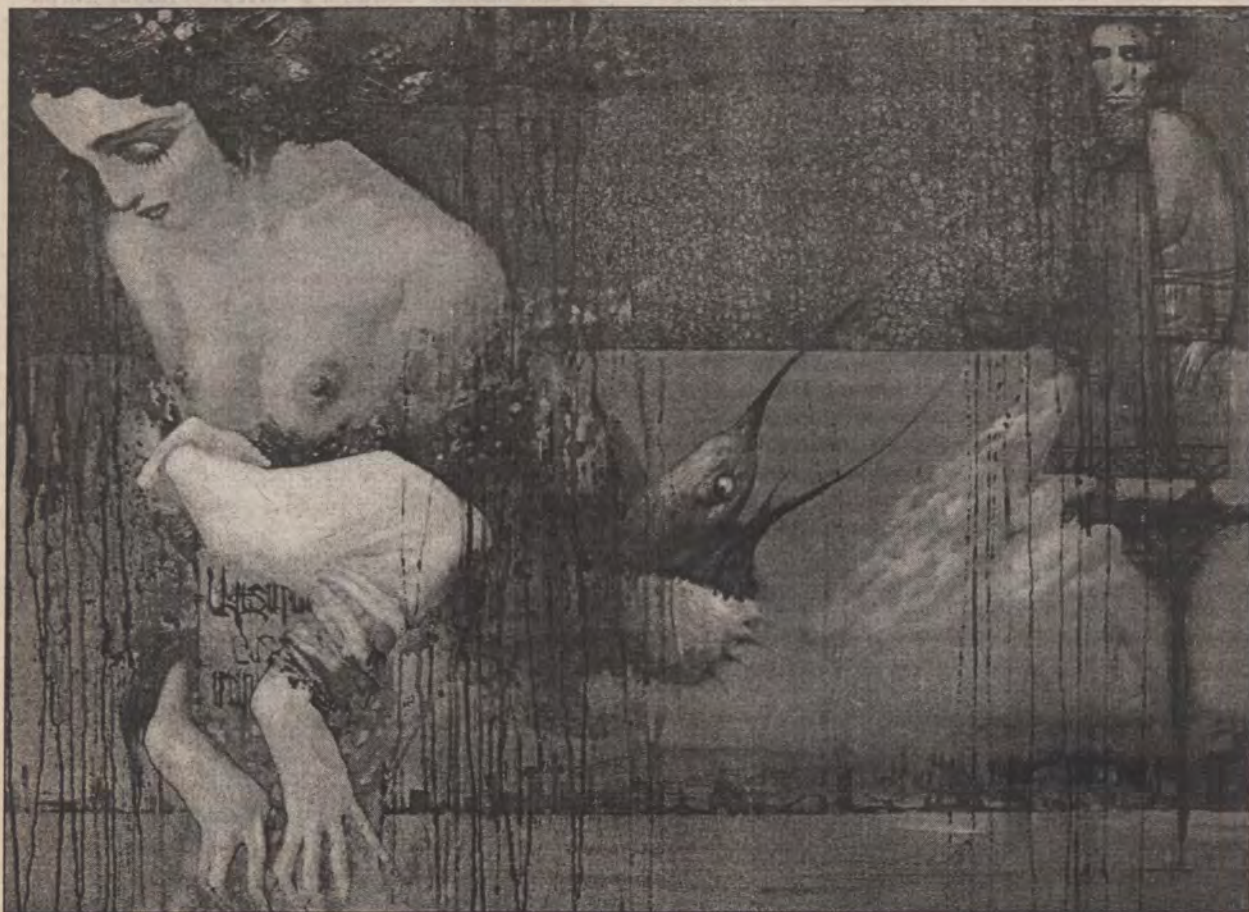
ни на что рождаются здесь, и в их причудливых формах уже проглядывают контуры нового тысячелетия. Кто знает, какое количество витков будет в их спирали.

В искусстве Армении сегодня восстанавливается прерванная почти на семьдесят лет традиция осмысления жизненных коллизий через символические сюжеты христианства, смысл которых каждое поколение постигает на собственном горьком опыте. В библейских и евангельских образах, созданных средствами живописи и скульптуры в конце 90-х годов, в мистических видениях «горнего мира», в реалистических портретах и картинах природы появляются не свойственные предшествующим десятилетиям масштабные обобщения. В Библии, Евангелии, национальной истории художники сегодня выбирают сюжеты, имеющие ассоциативные связи с сегодняшней жизнью. В частности, с проблемой новой диаспоры. У разных художников появляются интерпретации скитаний Святого семейства, Исхода из Египта. Обретение новой государственности делает актуальными героические и трагические сюжеты национальной

истории — деяния Андраника и Тиграна Великого, геноцид 1915 года и др.

С другой стороны, острое ощущение нестабильности и напряжённости жизни в современной Армении в рамках художественного творчества инициирует появление «параллельных миров», казалось бы, очищенных от примет современности. Бег времени в них замедлен, власть стабильна, а природа чиста и нетронута. Эти миры имеют у разных художников полярно несходные черты. Иные из них рождаются на основе аллюзий и цитат из произведений искусства прошлого. Они мозаичны, нарядны и призрачны, подобно параджановским коллажам. В других акцентируется внимание на идиллических картинах природы и архаической архитектуры (Люсик Самвелян). В некоторых образы языческих богов и небожителей, властителей и магов древних цивилизаций, мифических животных создают, как в творчестве Тиграна Овумяна, фантастическую феерию. Но объединяет их то, что все они фиксируют и восполняют в пределах своих возможностей остро ощущаемый дефицит стабильности, порядка, спокойствия, доброты, недостаток общения с нетронутой цивилизацией природой.

Тигран Овумян — художник, становление которого проходило в «эпоху перемен». В этом году ему исполнится тридцать. За плечами художественная школа им. Коджояна, художественный колледж им. П. Терлемезяна, Ереванский Театрально-художественный институт. В 1995 году состоялась его первая персональная выставка в Ереване. В 1996-1998 г.г. его работы экспонировались в Торонто, Лас-Вегасе, Лос-Анжелесе, Москве. Он член Союза художников Армении и Международной федерации художников при ЮНЕСКО. Генрих Игитян — создатель Музея современного искусства Армении, приобрёл несколько работ Тиграна Овумяна для своей галереи в Лас Вегасе... Когда создатель музея современного искусства покупает работы молодого художника, это означает, что у него есть мастерство и незаурядный потенциал. Действительно, живопись Тиграна Овумяна необычна и по выбору тем и по своим формальным качествам. Его герои — мифические персонажи и сильные личности, обладающие сверхъестественной властью и могуществом. Тигран изображает торжественные мерные шествия властителей, воле которых подчиняются гигантские фантастические животные, похожие на носо-

Библия от Марка. 70x90 см. Холст, масло, 1999 год.

рогов или ящеров; жрецов, владеющих тайнами магических обрядов, с помощью которых можно путешествовать в астральном мире, ангелов и архангелов, размышляющих о проблемах добра и зла. Мир живописи Тиграна Овумяна несёт в себе причудливо переплетённые черты реальности и фантастики. В этом «параллельном мире» отсутствует современная техника. Там не торопясь путешествуют на лошадях, ослах, фантастических животных, умеют обращаться с магическими мечами и жезлами. Одеваются в богатые причудливые одежды. Это мир, где власть абсолютна и её иерархия определена раз и навсегда. Это сказочный ирреальный мир, куда художник прячется от повседневной суеты, новостей, изобилующих сводками боевых действий и хроник катастроф, от бесконечного передела собственности и власти, шаткости и неуверенности. Его «параллельный мир» стремится к устойчивости. Но и туда просачивается тревога. Он очень хрупкий, этот мир. Хрупкий, как севанская ракушка, лишённая соли, условный, как пейзаж на византийской иконе. В мире живописи Тиграна Овумяна очень много театрального. Дальние перспективы с плоскими равнинными пейзажами, тщательно выписанные шёлковые и бархатные занавеси на переднем плане, идеальные разграфлённые плоскости, на которых разворачивается действие. Трагедии здесь нет места. Чудовища покорны, и мечи нужны только для магических обрядов. Но здесь не разыгрывается и комедий. Может быть, это театр снов, театр образов, вывезенных из путешествий в запредельное. Вот кардинал возвращается из такого путешествия. Он в пограничной полосе, разделяющей два мира — мир видимого и мир невидимого. Его голова уже возникает как земная трёхмерная реальность, но волшебная золотая шапка ещё принадлежит другому, двумерному пространству. Она держит кардинала-визионера в ином мире, откуда он черпает тайные знания. Лошадь как бы возникает из небытия. Да и сама фигура кардинала в процессе становления. Он материализующийся мираж, он в пограничье. И стоит ему выпустить из слабых изнеженных рук жезл — произойдёт непоправимое. Он останется в пограничье навсегда. «Всё существенное для меня содержит реальное и сверхреальное, — говорит Тигран. — Сам пишу темы, пробуя создавать сильные образы, которые существуют в сказочном пространстве, где полностью отсутствует трагедия. Стараюсь создать настроение чуда. Идея создания чудесного — наверняка память о рае, которую каждый человек носит в себе. Люблю изображать королей, жрецов, богов и богинь, архангелов, которые посещают людей, свободных ангелов, которые стоят выше добра и зла и никому не служат, реальных, вымышленных или мифических животных, которые мне помогают раскрыть образы моих героев. В некоторых моих картинах присутствует нота бедствия, и я пытаюсь

превратить бедствие в чудо. Иногда использую библейские темы, которые представляются в моей интерпретации и импровизации». Палитра Тиграна Овумяна узнаваема. В ней все оттенки синего, голубого и бирюзового в сочетании с жёлтым, пурпурно-красным и коричневым. Но больше всего в палитре Тиграна голубого, серебристо-серого и синего.

История некоторых героев развивается. И нужно смотреть последовательно несколько картин, чтобы понять, какое продолжение приобретает тот или иной сюжет. Особенно интересны философские картины-размышления о миссии художника. Не случайно в картине «Тайна художника» (см. вкладку) и в картине «Архангел» герои имеют сходные черты, а в «Танце жреца» (см. вкладку) жрец прижимает к себе палитру и раму.

Художник-жрец, художник-властитель, художник-маг. Композиция «Измышление старых символов», где жрец-художник стремительно движется вперёд, как бы расчищая дорогу идущим вслед за ним и усилием духа открывающий миру красоту, богатство и тайны ушедшей жизни, одна из самых интересных в этой серии. В этой картине используются аллюзии ренессансной венецианской живописи.

Религиозные сюжеты в интерпретации Тиграна Овумяна приобретают подчас совершенно неожиданные черты. Особенно интересна картина «Бегство в Египет» (см. вкладку), где фигуры женщины и ребёнка повернуты назад, а фигура мужчины устремлена вперёд. В условном пейзаже с небесами-занавесом, на котором начертаны иероглифы, и разграфлённой квадратами плоскостью земли, пирамиды на заднем плане как бы повторяют композиционный приём изображения святого семейства. Динамика создаётся вытянутой параллельно земле шеей осла, морда которого уходит в пространство за плоскостью изображения и срезанной верхней частью головы Иосифа. Символичность сюжета и его актуальность подчеркнута несоответствием характера одежды героев и выражения их лиц. Лица современны. Одежда подчеркнута архаична. С любовью выписаны шёлковые складки, вышитые на рукавах орнаменты. Колорит картины строится на контрасте приглушённого синего, оранжево-жёлтого и красного. Темы, которые затрагивает в своих композициях Тигран, масштабны и вечны. Его волнует проблема власти («Триумф», «Шествие короля»), сосуществование материального и духовного миров, соприкосновение реального и сверхреального, возможность путешествий в запредельное («Путешествие кардинала»). Тайные знания, мистические озарения, свобода выбора пути («Измышление старых символов», «Всевидающая богиня», «Танец жреца»), место художника в современном мире («Тайна художника»). Не случайно в литературе Тиграну Овумяну близок Борхес, Камю, Умберто Эко. В живописи — итальянские художники эпохи Ренессанса.

Тигран Овумян. Карета снов. 60x100, холст, масло, 1999 год.

*Тигран Овумян. Танец жреца.
90x120, холст, масло, 1998 год, частная коллекция*

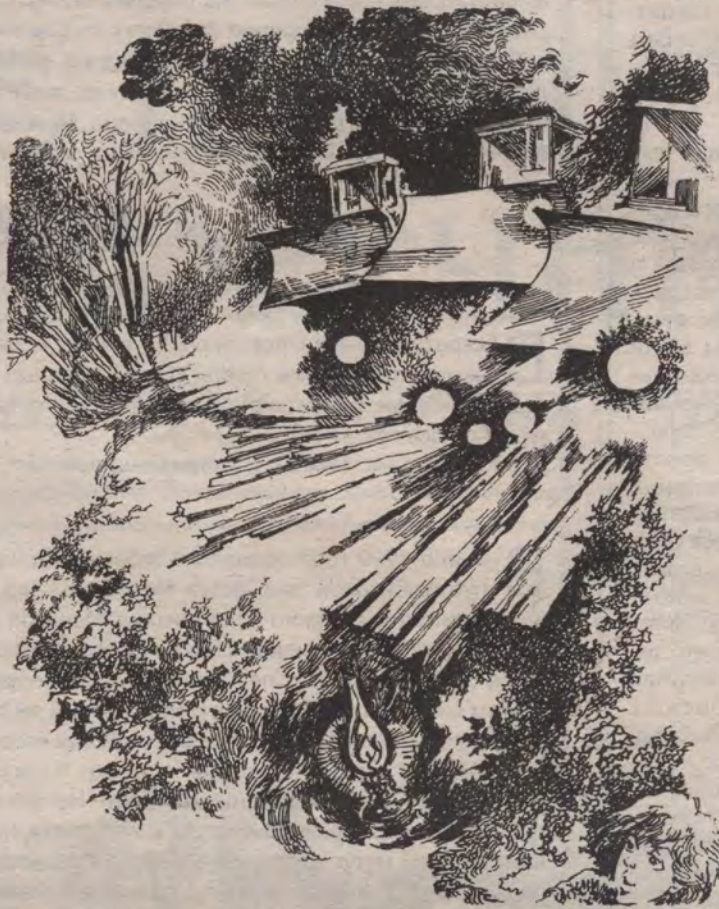

Тигран Овумян. Тайна Художника. 70x90, холст, масло, 1998 год.

Тигран Овумян. Бегство в Египет. 80x100, холст, масло, 1998 год.

АЭЛИТА

«— Что случилось-то?! Все спокойно, все тихо кругом...
— Ну да, — горько отозвался Кей, — в том-то и дело. Послушай эту тишину».

Владислав Крапивин «Лужайки, где пляшут скворечники», стр. 19

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА

Владислав КРАПИВИН «Лужайки, где пляшут скворечники» (роман, окончание)	стр. 19
Сергей СМИРНОВ «J.R.R. — Как жертва «национального» перевода»	стр. 41
Дж.Р.Р. Толкин «Сказание о Тинувиэль»	стр. 47
Вернисаж	стр. 48
«Арда-на-куличках» (байки с грициц)	стр. 50

колонка редактора

ПУТЬ СЛОВА

Когда рыцари, закованные в блестящие латы, неудержимо мчатся на врага; когда от топота копыт, от ржания, криков и лязга ломит в ушах, а от мелькания рук, лиц, оружия пестрит в глазах — это кинопанорама исторического фильма.

Когда мальчишки и девочки, облачившись как бы в средневековые наряды и кольчуги и вооружившись деревянными палками, символизирующими мечи и колья, начинают гоняться друг за другом по лесам и полям, — это игра.

Когда кто-то не просто путешествует в компании друзей, а, рискуя жизнью, постоянно сражается или спасается от серьезной опасности, стремясь исполнить определенную миссию — это фэнтези — литература о благородных рыцарях и прекрасных принцессах, о волшебных мечах и магических кольцах; литература острых ощущений, невероятных приключений, а также путешествий по выдуманному миру.

И хотя со дня смерти Джона Рональда Руэла Толкина прошло почти двадцать семь лет, он до сих пор остается самым главным реалистом мира фэнтези. Самым основательным. Самым оригинальным. Самым мудрым. Одним словом — Профессором.

И потому книги Толкина читают все новые и новые поколения. И все новые и новые поколения переосмысливают их и стремятся привнести в мир Профессора что-то свое. Эру им в помощь!

ВСЯКИЕ НОВОСТИ

26 января на 88-м году жизни скончался АЛЬФРЕД ЭЛТОН ВАН-ВОГТ — легендарный писатель-фантаст, который наряду с Робертом Хайнлайном, Клиффордом Саймаком, Айзеком Азимовым и Теодором Старджоном считался одним из ведущих авторов «золотого века» американской НФ. Первый же опубликованный рассказ («Черный разрушитель», 1939) принес Ван-Вогту популярность. Дальнейшая его писательская судьба была отмечена как взлетами, так и многолетним молчанием. Последние несколько лет Ван-Вогт боролся с прогрессирующей болезнью Альцгеймера. Многие его произведения еще не переведены на русский язык, хотя заслуживают этого.

По материалам газеты **книжное обозрение**
The BOOK REVIEW

В Астрахани уже в который раз (а точнее, в шестой) увидел свет выпуск специальной газеты «Гном» (главный редактор В. Лебедев). Основные темы газеты — фэнтези, НФ, а также публицистика на почве все тех же НФ и фэнтези.
Адрес редакции: 414000, г. Астрахань, почта, а/я 211.

В начале 1999 года объявил о своем рождении «виртуальный» клуб любителей творчества Кира Булычева, руководителем и вдохновителем которого стал Михаил Манаков (Челябинск). Этот проект — попытка реанимировать существовавший в начале 90-х годов заочный клуб по переписке «Алиса Селезнёва», но уже на другом витке истории — в век компьютерных информационных технологий. Нынешний клуб (или любительская ассоциация ЛАБИринТ КБ) базируется на Официальной странице Кира Булычева в Интернете (<http://rusf.m/kb/labirint/index.htm>). Но это не значит, что желающие, но не имеющие доступа к Интернету, не смогут попасть к нам. Все они могут поддержать работу ассоциации путем обычной переписки. Все желающие могут получать бумажный вариант периодического вестника новостей — «Вестника ЛАБИринТ КБ», в котором отражаются сведения о последних публикациях Кира Булычева в России и за рубежом, новости и планы работы ассоциации, публикуются творческие материалы членов ассоциации, стихотворения Кира Булычева, проводится интервью с писателем.
Адрес для контактов: Россия, 454000, г. Челябинск, ул. Советская, 65, 190, Манакову Михаилу Юрьевичу.

Совет ЛАБИринТ КБ

Традиционный екатеринбургский праздник фантастики «Аэлита» в этом году пройдет с 30 марта по 1 апреля. Ожидается, что фестиваль 2000 года посетят многие из писателей-лауреатов прежних «Аэлит»: В. Крапивин, К. Булычев, Г. Прашкевич, В. Михайлов, С. Другаль, С. Лукьяненко.

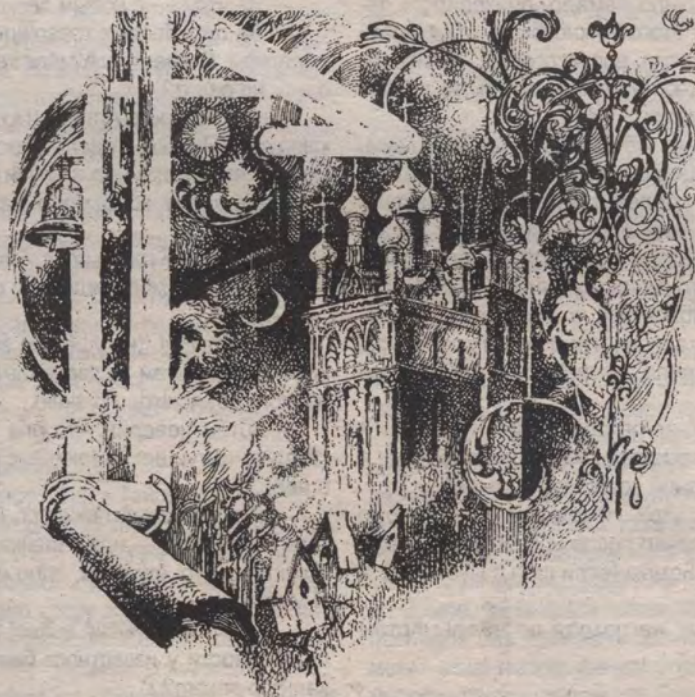
Владислав КРАПИВИН

ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

РОМАН БЕЗЛЮДНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Памяти Виталия Бугрова,
который лучше всех понимал,
что нет никакой фантастики,
а есть только жизнь.

Окончание. Начало в №№ 11, 12, 1999 г., № 1, 2000 г.

III. Мечь Снежной королевы

1.

Выпал первый снег. Укрыл поляны, мохнатыми шариками застрял в серых засохших кустах репейника. На снегу отчетливо рисовались заячьи следы, их было много. Это Евсейка и его приятели резвились, радуясь пушистой нехолодной зиме. Некоторые зайцы заметно побелели, но Евсейка остался прежний, рыжий.

Среди заячьих следов иногда встречались и другие — будто от крупных куриных лап...

Ребятишки радовались зиме не меньше зайцев. Многие уже и не помнили, что такое снег. Теперь им казалось, что пришла сказка. Дни сделались короткими, но в ранних сумерках тоже была сказочность. Остроконечный месяц, который теперь не уходил с неба, сделался большущим, ярко-серебряным. Внешний край у него был резко очерченный, а тот, что внутри, — неровный, как поспешно оторванная бумага. Казалось порой, что месяц позванивает, как фольга... А круглая луна оставалась прежней. Появлялась она лишь изредка. Но если уж появлялась, все Пустыри застилал феерический зеленоватый свет, и самые корявые черные развалины и эстакады казались волшебными сооружениями...

Но сказочность эта не сделала жизнь более легкой. Приходилось думать о дровах. В двухэтажном доме, где обитало семейство тетушки Агнессы, исправно работали батареи. Были они и в некоторых одноэтажных домиках (в том числе и у Артёма), но там они то грели, то нет. Последнее — чаще. Хорошо, что стояли там и печи. Но возни с ними было немало, приходилось топить каждый день. Для этого нужно было отыскивать штабеля старых шпал, балки, доски, столбы, пилить их, рубить... А отвыкшие от огня печи дымили, то и дело требовали ремонта и чистки.

По утрам, когда в доме зябко, а за окнами еще зимняя тьма, ребята подымались неохотно. А ведь надо в школу! Артём и Нитка сперва сами обходили заснеженные кварталы, стучали в окна, собирали ватагу одетых кто во что пацанят и девчонок, провожали их до школы. Потом за это взялся умница Бом. И привлек зайцев. Зайцы разбегались по Пустырям и барабанили в окна. Бом гавкал так, что с лип и кленов сыпался снег и, отчаянно вопя, срывались возмущенные вороны.

Затем Бом, как опытная овчарка, сбивал «отару» и вел ее до школы, что светилась квадратными окнами в двух кварталах от западной границы Пустырей...

Но не все учились с утра. Некоторые — во вторую смену. Таких Артём встречал после уроков. Сам. Часто не один, а все с тем же Бомом (если шел с Пустырей, а не из института).

Один раз, в декабре, не доходя до школы Артём столкнулся с Птичкой.

Надо сказать, в последнее время Артём о Птичке не вспоминал. Дни проходили в заботах. Дрова, еда, ребята, лекции и зачеты...

И вот он опять — Птичка. В рыжем свете фонаря, что одиноко болтался на столбе в квартале от школы.

— Ха, птичка! Не ожидал, Студент?

Был он в широченной темной куртке, в черной вязаной шапочке. Этакий «крутой» из мелкой мафиозной компании. Знакомая растянутая улыбка...

— Как живешь, Темрючок? Не скучно ли там, на ваших мусорных свалках?

— Что ты знаешь про те с в а л к и, — спокойно отозвался Артём. — Ты там не был и не будешь. Те места не для таких п е р н а т ы х...

— Как знать, как знать... — игриво хихикнул Птичка. — Так и знай...

Птичка вдруг присел, быстро вынул из-за пазухи большой пистолет с набалдашником..

— Ха!.. Ну?

Артём не испугался. Своим пистолетом он так и не обзавелся, но особые силы Странной Страны Сомбро уже прочно жили в нем. Он знал, что в самый последний момент сумеет уйти из-под пули. А в следующий миг прыгнет на Птичку Бом.

Пес деликатно сидел в трех шагах, но Артём знал, как напряжено его бойцовое тело.

Птичка опять сказал «ха» и крутнул пистолет на пальце.

— Не дрожи, Студент. Время твое еще не настало. Я же обещал, что буду изничтожать тебя медленно. Что-бы ты усыхал от страха.

— Клоун ты все-таки, Птичка, — слегка зевнул Артём.

— Ага! А ты думал! Клоуны, они бывают пострашнее иных. Так что бойся, Тёмчик, это твоя расплата.

— За что? — с новым зевком спросил Артём.

— За трех боевых товарищей, которых ты отправил к предкам, Студентик. А? Или хочешь сказать, что в тебе о н о не сидит?

О н о сидело в Артёме. Но не так страшно и колко, как думал Птичка. Сидело просто как память, без муки. Потому что он помнил и спасительные Ниткины слова. В начале осени, когда опять заговорили про это, Нитка сказала:

— Артём, не грызи себя. Это судьба. Я уверена: когда ты спас тех мальчишек, ты спас и Кея...

— Как?!

— А вот так! Кей ушел из автобуса п о т о м у, что ушли с Бейсболки те два мальчика. Тут взаимосвязь. Я не могу объяснить, но знаю...

И Артём поверил, что она з н а е т. Может быть, какая-то интуиция Безлюдных пространств проникла и в нее...

— Ты хреновый психолог, Птичка, — вздохнул Артём. Твое место — или в шайке, или в мелкой охранной структуре, что, впрочем, одно и то же. Там и служишь? Я угадал?

— Ха, птичка! Бери выше! Я консультант по делам безопасности у известного бизнесмена Хлобова. Слышал про такого?

— Слышал. Говорят, большая сволочь.

— Ха! Ба-альшая... с точки зрения глупого честного обывателя.

— А я такой и есть.

— Не-ет! Не совсем! Ты ведь убийца! За то и пла-тишь теперь... За то и боишься!

— Недоумок ты, Птичка. Я же сказал тебе в тот раз: это ты должен меня бояться. Потому что недостре-ленный...

— Ха!.. Ну и что? Так даже интереснее. Дострели-вай, если можешь! — Он подбросил пистолет и поймал на ладонь. — Хочешь подарю? Уравняем шансы!

— Засунь его себе в задницу. Глушителем вперед. Или рукояткой, если больше нравится.

— Ха! А еще интеллигент, — сказал Птичка и убрал пистолет за пазуху. — Ну, бывай, боевой друг. До сле-дующей встречи. Она будет не такая мирная. — И спи-ной вперед ушел в темноту улицы. Пусто стало под фо-нарем, только летели снежинки.

Артём не сказал Нитке про эту встречу. Ей, бедной, и так было нелегко. Она «тянула на себе весь дом». И не только свой. Ей хватало забот и о чужих, полубесп-ризорных ребятишках. Артём порой замечал с трево-гой, как похудела, даже потемнела лицом Нитка. Порой она сердилась. На Кея кричала, когда приносил двойки и тройки. На Артёма дулась, если что-то не сделал, не успел, забыл... «Конечно, ты институтский человек, в ученых кругах, а я тут кручусь, кручусь...»

Он прижимал ее к себе, лицом зарывался в пуши-стые волосы, целовал в затылок. Случалось, что она обмякнет и растает, а бывало — высвободит плечи и отойдет.

«Ничего. Наступит весна, и все наладится», — уте-шал себя Артём.

К тому же, какими бы ни были трудными дни, а ве-чера всегда приносили мир и тепло. Потрескивал огонь в самодельном камине. Посапывал у стола над задач-ками старательный Кей. Возилась в углу с игрушками пришедшая в гости Лелька. Деловито выкусывал блох прилежавший у порога Бом. Неугомонный Евсей постуки-вал снаружи по стеклу, звал пса-приятеля: айда, погу-ляем.

Нитка и Артём сидели у огня. Огонь был похож на костер в лагере «Приозерном». Нитка читала вполго-лоса Гумилева или штопала носки Артёма и Кея.

Порой удавалось наладить добытый на свалке теле-визор, но он принимал только две программы: на одном канале взрывались автомобили и палили авто-матчики, на другом сытые сенаторы обливали друг дру-га словесными помоями — близилась очередные вы-боры.

Один раз Нитка сказала:

— Артём, мы тут совсем как в тайге...

После этого они дважды ходили в театр. Один раз на чеховские «Три сестры», а потом на «Синюю птицу» в ТЮЗе, вместе с Кеем и Лелькой. А еще раз, когда Артём получил стипендию сразу за три месяца, были в кафе «Неаполь» на дискотеке. Нитке там, кажется, по-нравилось, Артём же этот музыкальный лай и элект-рическое мигание утомили до полусмерти. К себе на Пустыри он вернулся, как возвращается в воду с раска-ленного берега измученный дельфин.

Впрочем, Нитке он этого не сказал и старательно радовался...

На другой день Нитка спросила будто случайно, между делом:

— Артём, а мы будем жить здесь всегда?

— Нет, конечно! Кончу институт, получу направле-ние. Уедем в новые места, накопим денег на квартиру! Нитка почему-то вздохнула и наинулась на Кея:

— Я же просила тебя не разбрасывать учебники по кровати!

— Это не мои, а Тёма! Погляди хорошенько!

— Вы два сапога пара!

Дни стояли без сильных морозов, светило низкое желтое солнце, под ним, как мелкие кусочки слюды, искрились снежинки. Подошло Рождество.

Церковь — та, что в летние дни возникала в Про-странстве лишь по средам, теперь прочно стояла сре-ди заснеженных кустов и сугробов. Ребята поставили там елочку, украсили самодельными игрушками и це-пями из фольги. Никто не знал, разрешают ли это стро-гие христианские каноны, но Егорыч решил: «То, что на радость детям — всё от Бога».

В сочельник зажгли перед образами свечи, Егорыч рассказал девчонкам и мальчишкам о Марии, Иосифе и Святом Младенце, о Вифлеемской звезде и волх-вах. Слушали тихо, шел от лиц чуть заметный парок, потрескивали огоньки. Кое-кто из ребятишек неумело крестился.

Потом был праздник в большом доме тетушки Аг-нессы, в «классной» комнате. Было угощение из кар-тошки и добытой на складе тушенки, сладкий чай с плюшками, которые напекли Нитка и тетя Агнесса (опять же из муки, найденной в подземельях стратегического склада).

После ужина расселись у печки с открытой дверцей, и Егорыч стал рассказывать историю про Снежную ко-ролеву. Переплелись в истории и сказка Андерсена, и пьеса Шварца, и фантазия самого Егорыча...

Речь старика текла неторопливо, угли потрескива-ли, луна и месяц заглядывали в окна с разных сторон. Месяц при этом спустился так низко, что порою каза-лось, будто нижний серебряный рог его просовывается сквозь двойные стекла в комнату.

— ...И тогда ледяные иглы в сердце Кея стали таять одна за другой. Превращались в безобидные теплые капли. Сердцу сделалось больно, но это была спаси-тельная боль. С нею в сердце оживала память. Он уз-нал Герду! Они обнялись. Прозрачные колонны и пира-миды рушились теперь вокруг счастливых мальчишка и девочки, но ни одна ледяная глыба не задела Кея и Гер-ду. Снежная королева увидела, что ее царство гибнет безвозвратно. Она кликнула еще уцелевших снежных коней и умчалась куда-то на другую планету. Здесь-то, на Земле, ей больше нечего было делать. Правда, на-последок она прокричала, что когда-нибудь еще ото-мстит этим непослушным упрямым детям, а заодно и многим другим людям, но Герда и Кей не слушали ее. Они взяли за руки и отравились домой. Дорога пред-стояла длинная, впереди их ожидало много трудностей,

но детей они не пугали. Теперь они были вдвоем, и это — самое главное...

Старик замолчал и повозился на скрипучем стуле, давая понять, что сказке конец.

— А все-таки как они добрались домой? — полушепотом спросил тихий Валерчик.

— А вот этого я не знаю, — ворчливо отозвался Егорыч. Он устал и фантазировать больше не хотел. — Главное, что добрались. А как, придумывайте сами.

— А я знаю, — вдруг сказал Андриушка-мастер. К нему заборачивались. Он смутился, но все же объяснил:

— Им повстречался летчик Максим. Посадил их в свой самолет и отвез в ихний родной город...

И никто не заспорил. Видимо, все решили, что такой конец — самый подходящий.

А когда кончились новогодние каникулы, Нитка ушла от Артёма. Вместе с Кеем.

2.

В тот день Артём вернулся из института рано, желтые лучи еще падали в окно — прямо на покрытый синей клеенкой стол. И там ярко светился вырванный из тетради лист.

«Тём, прости меня! Хотя здесь нечего прощать, никто не виноват. Мы разные. Ты врос душой в эти Пустыри, а я не могу. Я хочу нормальной жизни. И Кей. Ему надо нормально расти и учиться, у него жизнь впереди. Я не прошу тебя: уйдем вместе. Ты не уйдешь. А я больше не могу.

Не сердись. Н.»

Бесшумная лавина пошла на Артёма, накрыла его с головой. Какой-то нездешней прозрачной тьмой, глухой, полной не н у ж н о с т ь ю жизни.

Он постоял, медленно втянул в себя воздух, зажмурился, рванулся. Стряхнул с себя глыбы этой глухой н е ж и з н и.

Как это «ты не уйдешь»? Он сию минуту! Немедленно, следом! Но... куда?

Артём повернул листок: нет ли чего-нибудь на обратной стороне? Ничего, только прилипшая кожурка луковицы.

Артём сел на кровать, вжался теменем в стену. И сидел так, сидел, сидел. И понимал, что э т о должно было случиться. Э т о или что-то т а к о е же. Птичка грозил не зря. Он, Птичка-то, понимал: расплата не обойдет Студента. Судьба не забудет вину ефрейтора Темрюка.

«Господи! Ка-ку-ю ви-ну? Разве у меня был выбор?»
«А судьба казнит и без вины виноватых. Наверно, для баланса...»

«Да какая судьба! Просто я дурак! Затащил девчонку в берлогу! Разве ей э т о г о хотелось?»

Он догонит, найдет, вернет!.. Нет, не вернет, а уйдет следом! Вместе уйдут!

Артём оттолкнулся теменем от стены. Встал. Помогал головой и начал методично собирать вещи в обшарпанный чемодан. Белье, бритва, тетради с конспектами...

А куда идти? Где искать?

Сейчас он пойдет к тетке, переночует там. Составит за ночь план: список всех мест, всех знакомых, где могут быть Нитка и Кей. Он их найдет и скажет ласково, без обиды: «Ну, куда мы друг без друга? Мы же связаны одной ниткой. Одной Ниткой...»

За окнами уже синел вечер. Артём с чемоданом шагнул с порога в холод, захлопнул за собой дверь. Наверно, навсегда. Звезды вздрогнули. Серебряный месяц съезжился и смущенно укрылся за черной заводской трубой. Артём со скрученным нетерпением в душе зашагал по тропе среди занесенных снегом репейников. Стрекнули с тропы несколько зайцев.

Артём дошел до поворота, и там навстречу ему шагнули трое.

Артём тут же понял, кто они. Потому что двое были взрослые, а третий — Зонтик. Артём сразу узнал его.

Мужчины были в длинных старомодных пальто и меховых шапках, а Зонтик в короткой расстегнутой курточке и с непокрытыми длинными волосами.

— Артём Викторович, простите, — сказал один мужчина голосом старого курильщика. — Можно вас на полминуты? Тут такое дело...

— Какое еще дело! — Они что, намерены удержат его?

— Тём, ну пожалуйста, — вдруг попросил Зонтик. Голосом, похожим на голос Кея.

— Ну... что? — Артём обмяк.

Второй мужчина (с голосом и повадками молодого человека) начал осторожно:

— Мы всё понимаем. Но если вы уйдете сейчас...

— А я уйду!

— Да... но тогда здесь никогда не наступит весна.

— Почему? — глупо спросил Артём.

— Не знаем... Мы ведь тоже не всё знаем. Видимо, таковы законы Пространств.

— Мне-то что до них... теперь?

— Вам-то уже, возможно, ничего, — виновато откликнулся «курильщик». — А и м до вас — много чего, Пространствам-то. Вы здесь самый молодой из взрослых жителей, самый сильный. На вас замкнута н а д е ж д а.

— Мне-то что...

— Тём, но без тебя не будет весны, — тихо и, кажется, со всхлипом вставил свои слова Зонтик. — И тогда... как же ребята? И Лелька, и все... А Нитку и Кея все равно до весны не найдешь.

— Почему?!

— Потому что надо, чтобы не перестал разрастаться Город...

Самый момент был, чтобы психануть для облегчения души. Чтобы скинуть всю эту чертовщину! Но «и Лелька, и все...»

«А разве я за них отвечаю?»

«А разве нет?»

Артём с отчаянием представил цепь грядущих одиноких вечеров.

«Нет!»

Но сказал угрюмо и неуверенно:

— А когда же весна?

— Возможно, скоро, — отозвался «молодой». — Возможно, совсем скоро, если попросить Егорыча заварить поплотнее на трубе заслонку. Чтобы не сочился холод.

«Вот и попросите? А я-то при чем?!»

Но вслух Артём ничего не ответил. Вместо отчаянного желания спешить, искать было теперь вязкое утомление.

А Зонтик сказал шелестящим шепотом:

— Тём... если ты уйдешь, дом станет пустой. Вдруг они вернутся, а тебя нет?

«Да! А вдруг они вернутся?»

Месяц выплыл, и у Зонтика в волосах заискрились застрявшие снежинки. Зонтик повернулся и стал уходить. Двое мужчин пошли за ним. Бесшумно так...

Артём постоял и пошел домой. Разжег в камине дрова. Бросил в пламя Ниткино письмо. Обессиленно сел у стола, лег щекой на клеенку. Оранжевый огонь плясал, трещал. Даже чуточку успокаивал. Конечно же, зашевелились в памяти стихи (то ли бунинские, то ли чьи-то еще):

*Что ж, камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить...*

Пить было нечего. Покупать собаку не было необходимости. Она пришла сама, умело открыв лапой все двери. Положила морду Артёму на колени.

— Ты уже про все знаешь, Бом?

Тот виновато шевельнулся.

— Бедолаги мы с тобой, Бом...

Пес вздохнул. Он-то не был бедолагой, но выразил Тёму полное сочувствие.

— А может, они и правда вернутся?

Бом неуверенно постучал хвостом. Видимо, он не исключал такой возможности, но большой уверенности не испытывал.

На дворе холодало, ледяное кружево быстро затягивало окна. Снаружи его серебрил месяц, а из комнаты золотил огонь. Узоры мельтешили, складывались в незнакомые рисунки. На миг возникло в окне лицо Снежной королевы — как в известном с детства мультфильме.

Артём еще малышом-дошкольником любил смотреть этот фильм. Вместе с мамой. Любопытно было и страшновато: не пробралась бы в комнату прямо с телевизора или через щель в форточке эта красивая, но ледяная тетка. Однажды Тём, будто шутя, спросил маму: не проберется ли? Мама засмеялась:

— Не проберется, если будешь хорошо себя вести.

А сейчас? Он вел себя хорошо? Или кругом виноват? Мама-то все равно простила бы. А Снежная королева не прощает — никого и никогда...

Потом пошли дни и вечера одиночества. Впрочем, днем одиночество почти не ощущалось. Артём глушил себя делами. Сжав зубы, сдал зимнюю сессию (а что делать: не сдашь — останешься без стипендии, тогда хоть подыхай). Занимался с ребятами историей, раздобыл для них на институтской турбазе старые, списанные лыжи, устраивал походы по дальним окраинам Про-

странств. Их было много, неизведанных окраин...

Ребята деликатно не спрашивали про Кея и Нитку. Только Лелька сперва приставала с расспросами. Артём сказал, что у Нитки завелись всякие простудные хвори и ей пришлось уехать на юг, к дальним родственникам, а Кей не мог отпустить сестру одну в дальнюю дорогу.

— А когда они приедут назад?

— Когда Нитка поправится.

— А когда поправится?

— Ох, Лелька, кабы знать. Может быть, к лету...

— А когда лето?

— Не знаю, Лелька. Может быть, скоро...

Однажды по дороге в институт Артём встретил скульптора Володю. Тот с осени жил в своей городской квартире, у сестры, и на Пустырях появлялся редко. Но, оказалось, он знает про Нитку и Кея. Мало того!

— Еще бы не знать, Артём! Она и Кей два дня жили у меня, прежде чем уехали из города.

— Куда уехали?!

— Не знаю, честное слово. Они не сказали, чтобы я тебе не проболтался.

— А когда они жили у тебя, ты не мог мне сообщить?!

— Я обещал Нитке, что не скажу. Иначе она сразу ушла бы... Артём, это все равно не помогло бы, если бы ты прибежал. Только хуже...

— Володька, почему она так? В чем я виноват?.. То есть виноват, да, но почему она ничего даже не сказала?

— А я знаю?.. Тём, она мне говорила, что, может быть, потом...

— Что потом?

Он пожал плечами, молча пожал Артёму руку и ушел, сутулясь.

3.

Вечера были порой невыносимы. Иногда Артём покупал четвертинку. Но водка помогала ненадолго. После нее приходила новая тоска. Спасаясь от тоски, Артём часто уходил к Егорычу. Пили чай, говорили о том, о сем. Егорыч иногда рассказывал про детские годы. Говорил, что думает написать про них книжку «Солнце Лопуховых островов». Она будет совсем не похожа на «Черных кирасир».

О Нитке и Кее не говорили. Но однажды Егорыч не выдержал, оборвал рассказ о пережитом, глянул внимательно.

— Тём, друг любезный, так нельзя, перестань изводить себя.

— Да я, вроде бы, и не извожу...

— Изводишь. У тебя уже лица нет, остались очки да нос. Взгляни сам... — Старик снял с полки зеркальце. То, перед которым брился по утрам.

Зеркальце было размером с открытку. Простенькое, без рамки. Артём взял. Плоское стекло оказалось почти невесомым. И... будто не зеркало, а окошко в соседнее пространство. Из того пространства глянул на Артёма худой, похожий на очкастую растрепанную ворону парень с кровавыми трещинками на губах.

«Это я?» — охнул Артём.

Он и раньше видел себя в зеркале. Ведь брился же, хотя и не регулярно! Однако, э т о зеркало было особое. Слово выпивало всю его, Артёма, сущность, всю правду...

— Что это за... оптический аттракцион?

— А ты такие штучки не видел раньше? Их много на свалках.

Не попадались...

— Это элементы облицовки боевых звездолетов...

Было время, когда господа генералы решили: на Земле воевать уже тесно, пора выбираться с этим делом в космос. И разместили на заводах заказы, чтобы построить несколько орбитальных крейсеров. Но дело оказалось чудовищно дорогое, не потянули. А потом началось вообще другие времена... А обшивку успели сделать, валяется теперь на складах и в мусоре... Говорят, эта чешуя способна была отразить даже термоядерный удар. Мало того... смотри...

Егорыч взял зеркальце, поймал им свет яркой лампочки, пустил на стену зайчик.

— Ну-ка подставь ладонь.

Артём подставил. Мягкое тепло надавило на кожу, разогрело ее. Сделалось горячо. Артём отдернул руку.

— Видишь, — с удовольствием сказал Егорыч. — Собирает и усиливает всякую энергию. Идеальный отражатель. Я этими штучками выложил изнутри заслонку трубы, когда заваривал окончательно. Чтобы не просочилось никакое космическое зло...

— Крепко заварил-то? — спросил Артём, потирая обожженной ладонью холодную щеку.

— Намертво...

Но каждый вечер торчать у Егорыча было неловко. Артём оставался в своем доме сам с собой. Иногда — с Бомом. А случалось, что с Бомом и рыжим Евсеем, который вел себя, как домашний кот, только не мурлыкал.

Что было делать? Вспоминать и ждать. Но вспоминать — значит, травить душу. А ждать... чего? Сколько? Однажды... пришел Зонтик. Постучал в дверь, шагнул через порог и сказал просто, будто уже не раз бывал здесь:

— Здравствуй. Можно я у тебя посижу?

— Входи... — Артём посторонился. Со странным, похожим на слабенькую ожившую надежду чувством.

Зонтик сел у огня, вскиннул на Артёма курносое лицо.

— Я не помешал?

— Ничуть... — Артём сел напротив.

Зонтик был в легкой расстегнутой курточке и клетчатой рубашке, в мешковатых подвернутых джинсах, в плетеных сандалетках на босу ногу.

— Ты чего так по-летнему гуляешь? Сугробы на улице.

— А, нам все равно! — он улыбнулся, как умел иногда улыбаться Кей.

Артём дрогнул сердцем, но сказал ворчливо:

— Кому это в а м? Сомбро? Тогда почему те двое были в зимних пальто?

— Для порядка. Они же большие, соблюдают правила.

— А ты... для тебя правил нет?

Зонтик посмеялся негромко, сандалеткой безбоязненно шевельнул горящее полено.

— Для меня как когда. Как захочу...

«Зонтик, ты кто? Ты человек?» — чуть не сказал Артём. Но вместо этого сказал другое:

— Хочешь чаю?

— Ага! А то я с утра ничего не ел.

«Ты человек. Ты пацан, у которого какие-то неприятности...»

Зонтик выпил две кружки с большущими порциями сахара. Сжевал несколько черствых ватрушек, которые вчера принесла от бабы Кати Лелька.

— Тём, а можно я у тебя переночую?

— Да пожалуйста! Хотя насовсем оставайся... А что случилось-то?

— Да ну их! Я с ними опять поругался. С теми, с большими...

— Почему?

— Потому что... думают, если взрослые, значит, всё понимают. А на самом деле... Я им говорю: когда начнется весенняя миграция скворечников, надо их обязательно пустить через Нулевой темпоральный пояс. Это в сто раз увеличит распространение. А они: «Ты безответственный мальчишка! Мало тебе той истории с картой! Опять вызовешь временной дисбаланс...» Я бесполокво объясняю, да?

— Вполне толково... Зонтик, а ты ничего не знаешь про Нитку и Кея?

Он поскучнел. Поцарапал ногтем заплату на джинсах.

— Ничего не знаю. Правда... Я бы и сам хотел знать, ведь мы с Кеем стали почти совсем уже друзья. А он вдруг... — И Зонтик стал смотреть в огонь.

— Зонтик. А может, знаешь другое? Когда придет весна?

Зонтик опять посмотрел на Артёма. Глаза были темные от серьезности. И все-таки — уж не мелькнула ли в них искорка лукавства?

— Тоже не знаю, Тём. То есть точно не знаю. Может, через две недели, а может, и завтра...

Плотный и мягкий, совсем не зимний ветер потрянул стекла и крышу. Шарахнулось в камине пламя, замигала и ярче разгорелась лампочка.

Зонтик повернул к потолку лицо. Быстро встал.

— Тём, я, пожалуй, не буду ночевать у тебя. Кажется... уже...

Он шагнул к двери. Та открылась сама собой (ветер затрубил в дымоходе). Зонтик прыгнул с крыльца, махнул Артёму ладонью и пропал в сером влажном сумраке. И... почти сразу вернулся. Шагнул опять к дому.

Нет, не Зонтик. Тоже мальчишка, но в длинной куртке, в шапке с пушистым шариком.

— Тём...

Сон? Причуда тьмы и ветра?

— Кей?.. Господи, Кей!

IV. Зеркала

1.

Артём сразу понял: Кей — один. Но все равно счастье! Все равно это ниточка! «Ниточка — к Нитке...» Да и сам Кей — это же радость! Братишка...

Он втащил Кею в дом, вытряхнул из заснеженной куртки, усадил к огню. «Откуда ты явился? Где ты был? Где Нитка? Что с ней?» Ничего этого он не сказал. Спросил как недавно у Зонтика:

— Хочешь чаю?

— Конечно! Я целые сутки не ел. Сперва поезд, потом автобус, а деньги я посеял, карман дырявый... Тём...

— Что?

— Тём, я вот... пришел. Потому что больше не могу. Ну, без всего, что здесь... Без Пространств... Сперва Нитка не отпускала, трудно было одной, а теперь полно подружек, помогают. И она сказала: «Иди уж, ничего с тобой не поделаешь...»

Тогда Артём все же сказал:

— А где она, Кей?

— В Неплянске, в общежитии живет, у нас отдельная комната. Работает в ателье «Атлантида»... Тём, ты не думай... про такое. У нее никого нет, только подружки...

— Я и не думал, — с облегчением соврал Артём. — Кей, но все-таки...

— Тём, подожди. Я поем и расскажу...

Они, не раздевшись, улеглись рядом на кровати. Кей притих под боком у Артёма. И Артём понял, что пришло время спрашивать.

«Почему же она ушла? Как она тебе объяснила? Как вы там жили? Что будет дальше?.. И что делать мне?»

Вместо этого он неуклюже спросил:

— Ты в школу-то там ходил?

— Ага... Тём, Нитка ушла, потому что боялась.

— Чего?

Кей вздохнул.

— Пространств? — тихо сказал Артём.

— Да...

— Но... мы же могли уйти вместе!

— Она поняла, что ты не сможешь. Что ты слишком врос.

— Что за чушь!

— Не чушь, Тём... Я тоже врос. Но про меня она думала, что это не совсем, потому что не взрослый. А потом поняла и отпустила... И еще не хотела, чтобы ты тут был один...

— Спасибочки... — глупо буркнул Артём.

— А еще не хотела, чтобы ты уходил отсюда... потому что Птичка...

— Что — Птичка?

— Она боится, что он достанет тебя. Сюда-то он не сунется, а в других местах...

— Вот уж бред-то! — старательно возмутился Артём.

— Не бред...

— Что же мне теперь? Из-за Птички всю жизнь си-

деть на Пустырях? Все равно я каждый день хожу в институт, ребят встречаю у школы...

— Ага. Я так же говорил. А она свое... А главный ее страх — за ребенка.

Артём быстро сел.

— За кого?

— За ребенка... Ну, ты чего? Как в детском садике. Столько прожили вместе, и ты думаешь, никто в ней не завёлся?

Артём посидел. Лег навзничь. Сказал тихо и железно:

— Завтра же поедем к ней. Покажешь дорогу.

— Ладно. Только... Тём...

— Что еще?

— Давай не завтра, а через несколько дней. Нитке там ничего не грозит, а ребенок будет только через три месяца.

— Но зачем эти несколько дней?

— Понимаешь, весна только-только началась. А надо, чтобы появилась трава. Это будет скоро, дней через пять...

— Ну и что?

— Начнутся весенние переходы скворечников и в Пространствах откроются пути. Ну, такие, вроде как до Города. И можно до всяких дальних мест добраться за полчаса, без автобусов и поездов.

— Бред какой-то, — опять сказал он.

— Ну, Тём... Ты же знаешь, что не бред.

— Ничего я не знаю... А почему она боится за малыша? Думает, что здесь он родится уродом каким-нибудь? Мутантом?

— Боится, что родится «вросшим». И не сможет без Пространств, как рыба без воды.

«А что, если правда?»

— Чушь!

— Тём, я ей тоже говорил, что чушь! А еще говорил: «Ну, а если даже и так? Разве нельзя жить на Пустырях? Чем плохо?» А она: «Всю жизнь в этих развалахах и буераках?»

— А ты?

— А я... Тём, ну и пусть буераки! Зато кругом друзья! Никто никого не обижает!

— Кей, ты рассуждаешь как дитя. От жизни не спрячешься ни в каких Пространствах. Не будешь ведь до старости играть в индейцев среди репейников и развалин.

— И не надо! Скоро тут будут не только репейники и развалины!

— А что будет?

— Город же растет! И приближается! Ну, тот Город, где мы нашли лекарство! Скоро он будет виден сквозь Пространства. Как тень. А по пятницам станет открываться полностью... Помнишь, как церковь открывалась по средам? А потом, как она, Город сделается настоящим. Насовсем...

— Представляю, какой в з д е ш н е м городе подыметесь тарарам, — сказал Артём утомленно. Почти без удивления.

— Никакой не подыметесь! Все решат, что так и надо. Что так было всегда...

— Кей, я, может быть, и в р о с, но еще не готов к такой мистике.

— Ну и не надо. Когда она случится, привыкнешь.

И Артём... стремительно привык. Будто наяву увидел, как они втроем — Нитка, Кей, Артём — идут по вечернему Городу среди старинных домов, среди запаха цветущих трав и шороха фонтанов, под неярким светом узорчатых фонарей. Кто-то смеется в сумерках, а на руках у Артёма, уткнувшись носом в его плечо, тепло посапывает малыш с пушистой, пахнущей одуванчиками головой. И нет впереди ни горестей, ни страха...

Но на самом деле горести и страхи были. И Артём дернулся опять:

— Кей, мне надо к ней скорее... Если я... если ей на меня наплевать, то пусть! Это ее дело! Но малыш-то не только ее, но и мой!

— Тём, ей не наплевать. Иначе она разве бы отпустила меня к тебе...

— Тогда почему она...

— Я же сказал. Бойтся за маленькую. Я ей говорю: ну и пусть родилась бы у нас, где жили, росла бы на Пустырях с малолетства. Стала бы как ниточка между Пространствами и всей Землей. И где бы она потом ни оказалась, вокруг нее появлялось бы новое такое же Пространство... А то пока лишь скворечники делают эту работу.

— Кей, а почему ты говоришь «она»? Мне кажется, будет мальчишка...

— Врачи сказали, что девочка. А что? Разве плохо? Будет сестренка. Вроде Лельки...

— Да нет, не плохо... Кей, а почему Нитка ни разу не написала? Я ходил на почту, спрашивал, нет ли писем до востребования, а она...

Но Кей уже спал, подтянув к подбородку колени в продранных джинсах. А за стеклами и крышей победно трубил весенний ветер.

Весна пришла стремительно. Так бывает лишь в сказочных странах. Утром все увидели, что почти не осталось снега. К полудню он исчез совсем и проклюнулись первые травинки. К вечеру зацвела мать-и-мачеха. Набухли почки и замелькали первые бабочки.

— Дождались-таки тепла, слава Создателю, — крестилась бабка Катя. По случаю весны она приняла «граммолечку». Лелька утром как вцепилась в Кея, так и не отходила от него ни на шаг. И Кей вместе с нею носился по Пустырям, отыскивая старых друзей.

В полдень кто-то ударил в колокол, откликнулись другие колокола и рельсы, и поплыл над Пространствами перезвон, которого не было слышно с осени.

Да, весна неудержимо набирала силу. По крайней мере, на Безлюдных пространствах. Как там на улицах, за границей Пустырей, Артём не знал. Он не выходил в город. Весь день просидел в доме у окна, слушая звон и ребячи крики. Были в нем и странная расслабленность, и тревожное нетерпение... и боязнь пошевелиться. Вдруг двинешься — и пропадет весна, пропадет надежда и окажется, что не было Кея.

Кей примчался под вечер. Сдернул и кинул в угол курточку.

— Тём, ух и теплынь! — Он загремел на кухне крышками от кастрюль. — А почему пусто? Ты весь день ничего не ел?

— А ты?

— Я-то у ребят!..

— А мне не хотелось...

— Твое счастье, что Нитки нет! Она бы тебе показала «не хотелось»!

«Ох уж счастье...»

— Кей, трава уже показалась. Когда пойдем?

— Ну, Тём... Скворечники еще не двинулись, только сбиваются в стаи.

— Ну тебя со скворечниками! Давай поездом.

— Тём...

— Что еще?

— Понимаешь... прежде, чем уходить, надо убедить-ся, что Пространствам ничего не грозит.

— Новое дело! Что им может грозить? Старик намертво заварил трубу.

— Не из трубы... Зонтик сказал, что о н и чуют опасность снаружи. Может, и ничего страшного, но давай подождем пару дней, а? На всякий случай...

2.

Опасность проявила себя буднично, казенно...

На следующее утро Артём пошел в институт, чтобы узнать о предстоящем февральском семинаре по философии. Какой там семинар! Оказалось, что на улице уже конец марта. Причем, такого же теплого, как весна на Пустырях.

«Ох и скандал будет в деканате...»

Артём зашел на почту, и там ему дали письмо. Нет, не от Нитки. На конверте был жирный гриф: «Городская управа. Отдел социальных программ». Внутри оказался листок с тем же грифом и мелким компьютерным текстом:

«Г-ну Темрюку А.В.

Настоятельно просим Вас 28.03 с.г. зайти в удобное время в наш отдел к г-ну Хатову Ю.Ю. по вопросам, касающимся Вашего земельного участка и др.» И стояла рукописная закорючка.

Выяснилось, что (конечно же!) двадцать восьмое именно сегодня. Время было не очень-то удобное, надо бы в институт, но тревожное ожидание неприятностей оказалось сильнее здравых рассуждений. И Артём на троллейбусе поехал в центр, в мэрию.

«Что им за дело до моего участка? И какие там еще «др.»? Наверняка Зонтик был прав...»

Г-н Хатов Ю.Ю. оказался молодежавым гладко причесанным клерком довольно интеллигентного вида.

— Садитесь, прошу вас, Артём Викторович. Очень хорошо, что откликнулись на приглашение. Суть дела вот в чем. Компания господина Хлобова договорилась с городскими властями о строительстве кооперативного рынка и зоны с автостоянками и гаражами на северо-западной окраине города. Частично строительство захватывает и так называемые Пустыри. Вы, как нам известно, некто вроде неформального лидера в этом... гм... своеобразном жилом районе. И Управа была бы

благодарна вам, если бы вы провели среди населения разъяснительную работу. Так сказать, о необходимости переселения...

— Какого переселения? У меня там законный земельный участок! Собственность? Или уже отменили конституцию? В угоду господину Хлобову?

— Артём Викторович, всем, у кого участки, будет выплачена положенная по закону компенсация...

— Знаю я ваши компенсации! Гроши!

— ...Положенная по закону. Однако же большинство участков там занято самовольно и строения заселены, как говорится, явочным порядком. Не хотелось бы эксцессов, но вы же понимаете, что городские власти при необходимости не остановятся перед самыми интенсивными мерами...

— Господин Хатов Ю.Ю., — сказал, закипая, Артём. — Надеюсь, вы не самая высшая инстанция в решении этого вопроса?

— Разумеется, нет. Я лишь исполнитель. Но решение принято во всех инстанциях. Расчистка начнется уже завтра, так что советую поторопиться. Бригада бульдозеров уже выдвинута на границу Пустырей...

Уходя, Артём изо всех сил грохнул дверь. Вернее, хотел грохнуть. Но она пошла плавно и тихо чмокнула мягкими амортизаторами, словно подчеркнув беспомощность протеста.

В самом деле, куда жаловаться, с кем спорить? Этот Хлобов наверняка заплатил за нужное решение столько, что куплена вся Управа. И, к тому же, они в самом деле поступают «по закону».

Неподалеку от Городской управы (вот уж одно к другому!) Артём столкнулся с Птичкой. Тот был в добротном костюме и при галстукке. Но прежний.

— Ха, Студент! Пытался обжаловать свои Пустыри? Не выйдет, птичка, наша фирма сбоек не дает.

— Значит, в этом сволочном деле есть и твоя доля?

— Не доля, а идея! Я же обещал тебе «сладкую жизнь».

— П-понятно. Выходит, отказался от пистолета?

— Он мне пока ни к чему...

— Значит, сделал с ним то, что я советовал? Молодец, — злорадно сказал Артём. И пошел прочь.

Он возвратился на Пустыри и первым делом пошел к Егорычу. Тот уже все знал. Потому что у него сидел Володя. Здесь же притулились по углам несколько пацанов: Андрюшка-мастер, очкастый Костик, белобрысый Валерчик. И, конечно, Кей с Лелькой.

Артём сумрачно изложил беседу с «Ю.Ю.»

— Ничего у них не выйдет, — вдруг подал голос тихий Валерчик. — У бульдозеров на Пустырях заглухнут моторы.

— Боюсь, что не заглухнут, — отозвался Володя. — Машины мощные. Да и вообще «против лома нет приёма...»

— Задержать бы их до того дня хотя бы, когда приблизится Город, — тихо сказал Кей. — Зонтик говорит, что никто уже тогда не сунется.

— Мифы Безлюдных пространств, — вздохнул Володя.

— Да не мифы, — возразил Егорыч. — Но... как задержишь-то?

— А может, они сюда не скоро доберутся? — неуверенно сказал Артём. — Пока что собираются расчищать западный край. Я видел — бульдозеры стоят именно там. А жилья там, к счастью, нет.

— Не все ли равно, в каком месте проткнут воздушный шарик, — мудро заметил очкастый Костик.

Они с Кеем посмотрели друг на дружку и стали пробираться к выходу. Поманили за собой Андрюшку и Валерчика, а потом Кей незаметно поманил и Артёма.

У домика Егорыча по-прежнему висела на столбе железная пластина. Кей поднял с земли березовую колотушку, ударил по ржавому металлу. Звон упруго разошелся в теплом воздухе. И всюду послышались ответные удары. И еще, еще: колокола, рельсы, гулкие стальные баллоны... И пошло звенеть — празднично и беззаботно — над всеми Безлюдными пространствами, которые уже курчавились весенней зеленью, желтели россыпями одуванчиков.

Но разве этот звон может прогнать реальные беды и тревоги?

Артём поглядел на ребят.

— Боюсь, вы что-то надумали...

— Почему ты боишься? — хмыкнул Кей.

— Вот и хочу знать, почему...

Кей тряхнул головой:

— Не бойся. Зонтик сказал, что Пространства защитят себя.

— Значит, вмешаются сомбро?

— Нет... Сомбро не имеют права воевать с людьми. Ни с какими. Это разрушит их структуру. Но мы ведь тоже частичка Пространств!

— И вы хотите воевать? — холодея в душе, но с усмешкой умудренного взрослого спросил Артём.

— А чего? — бросил зеленый взгляд исподлобья Андрюшка. А Костик стал протирать очки подолом грязной майки.

— П-понятно. Даже догадываюсь, как именно. Взяли бутылки с горючей смесью — и на бульдозеры. Да?.. Уши оторву.

— Тём, ну при чем тут бутылки? — сказал Кей с тихой укоризной.

— А тогда — что?

— Помнишь, как Архимед сжег вражескую эскадру?

— Не помню, меня там не было... А! Он направил на корабли солнечные отражения зеркал!.. Ну и что? Там были громадные бронзовые зеркала. Где вы возьмете такие?

— А нам и не нужны такие! Помнишь то, которое у Егорыча?

«О-о-о...» — сразу все понял Артём.

— Вы обалдели? Там в бульдозерах люди!

— К счастью, там нет людей, Артём, — деликатно возразил Костик. — Это машины-роботы. Кто же пошлет водителей живьем в аномальную зону...

— Ну, сожжете, а что дальше?

— А дальше они поймут: нечего сюда соваться, — дерзко отозвался Кей. — Себе дорожке...

— Ничего у вас не выйдет, — сумрачно сказал Артём. — Зеркала маленькие.

— Выйдет, — веско сообщил Андрюшка-мастер. — Мы уже пробовали. Железные бочки загораются как бумага.

— А если будет пасмурно, без солнца?

— Пфы! — сказал Кей. — Зачем этим зеркалам солнце? Им хватит одной свечки. Ты только не мешай нам, Тём.

— Что значит «не мешай»?

— Ну... не говори все время «пошли, пошли к Нитке». Потерпи до завтра...

Утро и правда было пасмурным. Серым и теплым. Ребята, будто играя в войну, заняли позиции в репейниках. Было человек пятнадцать мальчишек, девочек на опасное дело не взяли.

Артём остался в стороне — как взрослый, которому неудобно участвовать в детских шалостях. Он сохранял насмешливо-снисходительный вид. «Если не веришь, зачём идешь?» — незадолго до этого сказал ему надушенный Кей. «Балда! Чтобы никто не попал под гусеницы!»

Андрюшка-мастер зажег не свечу, а старую керосиновую лампу. Издалека огонек ее казался желтым, похожим на озябшую бабочку.

«Господи, на что они надеются? Они просто играют...»

Андрюшка пристроил лампу на пропелшине среди молодых лопухов. Костик заслонил ее со стороны «противника» ржавой железной пластиной.

«Противник» расположился по ту сторону щелястого забора, который на этом участке огораживал Пустыри. Семь громадных оранжевых бульдозеров с задранными лемехами. Они стояли на голой кремнистой площадке, которую обступали низкие кирпичные здания (не то старые казармы, не то мастерские). Артём видел их сквозь широкий пролом в досках забора, напротив которого занял наблюдательный пост. (Чувствовал он себя по дурачки и тревожно; а позади ожидания и тревоги настойчиво толкалась мысль, что надо скорее в Неплянск, к Нитке).

Вокруг бульдозеров было тихо и пусто. И казалось, что так будет всегда. Ребят тоже не было видно. Лишь скользили иногда по лопухам и доскам желтые пятна — усиленный «космическими» зеркалами свет керосинового огонька. Артём мельком посочувствовал лампе: она, старушка, в давние времена освещала, наверно, уютный стол в какой-нибудь кухне или гостиной и не помышляла о войне в аномальной зоне, и вот на тебе... Он и сам-то ощущал себя чем-то вроде такой лампы, против воли ставшей деталью боевого излучателя.

Желтые зайчики металась по забору. Несколько сошлись было в яркое пятно и сразу разбежались, потому что доска задымилась.

Надсадно вскрикивали вороны...

А если сегодня бульдозеры не начнут работу? Ждать и маяться еще сутки?

На площадку выехал пыльно-зеленый железный фургон. Вроде походного генератора (Артём видел та-

кие в армии). Никто из фургона не вышел, но бульдозеры ожили. Замигали фарами, зарокотали, залазгали. Выстроились в тесную неровную шеренгу. Опустили свои блестящие лемехи, как рыцари перед атакой опускают забрала. Дернулись туда-сюда, зарычали сильнее и двинулись вперед.

Стая ворон с гвалтом поднялась над ближними березами.

Чего хотели машины? Вернее, люди, которые командовали ими из фургона. Разровнять ближние мусорные кучи? Снести несколько полуразвалившихся кирпичных будок? Или просто показать, кто здесь настоящий хозяин?

Бульдозеры смяли забор, как ограду из спичек, прошли еще несколько метров и... дальше все случилось очень быстро.

Машины вспыхнули одна за другой оранжевым огнем. И выше этого огня выбросили черный крутящийся дым. Да, ребяташки действовали умело.

Некоторые машины стали сразу. А другие проползли еще метров пять, закрутились на месте и тоже замерли. Пламя было бесшумным, стояла тишина (только орал вороны).

Ребята стреканули из зарослей назад. Кей подскочил, дернул Артёма за рукав.

— Всё! Уходим!

И они побежали. И Артём чувствовал себя, как один из мальчишек, поджегших сарай вредного соседа...

Остановились только в сотне метров от «поля боя».

— Тебе не кажется, что мы преступники? — часто дыша, сказал Артём.

— Не-а... — Кей беззаботно вытаскивал мусор из кудлатых светло-пепельных волос.

Вдали послышался вой пожарных машин.

— Не проедут, — с удовольствием сказал Кей. — Тоже загорятся. Не сразу, конечно, сперва задымят... Сейчас будут загораться все, кто захочет проехать сюда для всяких вредных дел... — Он хихикнул: — Ученые станут ломать голову. А разгадка легкая: Пространства впитали в себя программу...

— Ох, Кей... — только и сказал Артём, глядя на дымные столбы.

В это время разошлись облака, и горячее утреннее солнце буквально вылилось на Пустыри. От пасмурности не осталось следа. И поплыл над Безлюдными пространствами привычный перезвон.

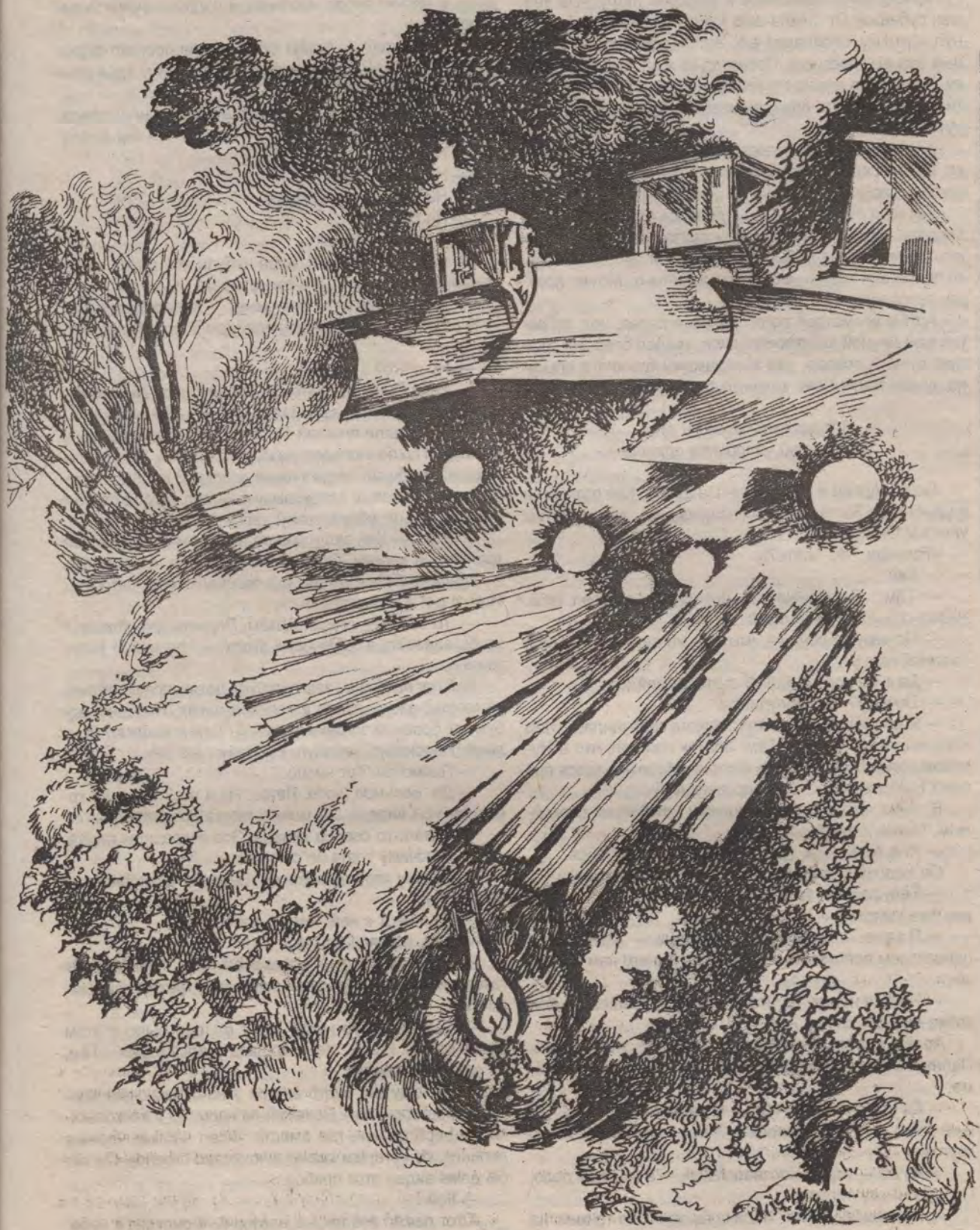
Артём шагнул было к дому.

— Ты куда? — весело сказал Кей. — Идем в Неплянск. Пора...

3.

Пустыри не кончались. Они незаметно перешли в луга и перелески. Возможно, это было продолжение все тех же Безлюдных пространств. Сделалось уже совсем лето. Цвел на полянах клевер, травы сделались высокими, над ними гудели шмели. Струился жаркий луговой запах.

Кей снял свою тонкую курточку, начал скручивать жгутом. Что-то мешало. Кей выхватил из кармана зеркала. Одно из т е х.

— Тём, возьми себе, пожалуйста...

Артём сунул зеркальце в широкий нагрудный карман рубашки. От стекла шло приятное тепло. Кей свернул курточку, опоясался ею. Затем сдернул разорванные вконец кроссовки. Повертел их и зашвырнул в траву. Подвернул джинсы и зашагал босиком. Артём заметил, что он опять прихрамывает. Но не сильно, чуть-чуть.

Артёму тоже захотелось разуться, но он не решился. Он опасался излишней беззаботности, словно можно было искутить судьбу.

Так шли они через лето с полчаса или дольше. Кей впереди, Артём за ним в двух шагах. Иногда впереди кто-то шастал среди высоких стеблей и листьев — будто пробегали стайки небольших животных. Может, правда, скворечники?

Артём посмотрел по сторонам и слева, над заброшенной линией электропередачи, увидел бледную круглую луну. А справа, над верхушками ближнего ельника, висел маленький, какой-то карманный месяц.

— *Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна,* —

сказал Артём в спину Кею. Он думал, Кей оглянется и улыбнется. Тот и правда оглянулся, но... какая уж там улыбка! Он чуть не плакал.

«Господи, что опять?!»

— Кей...

— Тём... Я не знаю... Я, наверно, зря повел тебя. Наверно, ничего не выйдет...

— Почему? Боишься, что она не захочет со мной разговаривать?

— Да я не про то! Боюсь... что не дойдем.

— Почему? Ты заблудился?

— Я не заблудился... Это... дорога заблудилась. Или нарочно ведет не туда. Тём, Зонтик говорил, что в Нулевом поясе бывают такие истории. Но мы-то здесь при чем? Мы шли точно за скворечниками!

В таких случаях кто-то должен оставаться спокойным. Очень спокойным.

— Кей, иди сюда, поближе. И ничего не бойся.

Он подошел, вскинул большущие мокрые глаза.

— Тём, разве я за себя боюсь? Мне-то что... я один раз уже умирал. — И уронил голову.

— Я тоже, — холодно сказал Артём. — Значит мы в одинаковом положении. Не паникуй. Ничего нам не грозит.

— Я даже не про то, что на м. Я... вообще... — Кей зябко съежил плечи.

Артём впервые видел его таким беспомощным. Полным страха. Этот страх едко просочился и в Артёма.

— Да что с тобой! Очнись! — рявкнул Артём (на Кей и на себя). — Что случилось-то?! Все спокойно, все тихо кругом...

— Ну да, — горько отозвался Кей, — в том-то и дело. Послушай эту тишину.

Артём прислушался. Тишина была полна тонким, на грани ультразвука, звоном. Не тем добрым звоном без-

молвия, который нагоняет обычно летний загородный день, а чем-то вроде неслышной напряженности электросхем.

— Ну и что? — Артём старательно прогнал страх. — Все нормально. Выражаясь поэтически, «дыханье летнего полдня»...

— Это дыхание Нулевого темпорального пояса, — обреченно сообщил Кей. — Боюсь, что мы вляпались, Тём.

— Но куда?

— Не «куда», а в «когда».

— Не понял.

— Я и сам не понял...

— Кей, не вибрируй. Куда-нибудь все равно выберемся. Наткнемся на знакомые места, и...

— Да места-то и так знакомые! — звонко сказал Кей. — В том-то и дело! Сейчас перейдем холм и будет шоссе!

— Ну и что?

— Если бы знать, «что», — со взрослой ожесточенностью отозвался вредный мальчишка. — Ладно, идем...

Они перешли плоский бугор и оказались в высоком сосняке. Пахло молодой разогретой хвоей. Сквозь лесок шла разбитая асфальтовая дорога. В кюветах синели густые тяжелые колокольчики. Стоял кривой столб с числом 144 на облупленной табличке.

— Вот... — Кей сел у кювета и обхватил продранные джинсовые колени. Оглянулся на Артёма через плечо. — Здесь то самое место, где взорвался наш автобус... Или до л ж е н взорваться.

— То есть? — сказал Артём. Подчеркнуто холодно, чтобы задавить в себе новый страх. — Что значит «должен»?

Кей лег навзничь, закинул руку, дотянулся до обрывка газеты, застрявшего в колокольчиках. Наверно, эту бумагу бросили неряхи-туристы. Кей поддержал ее у лица. Непонятно хмыкнул. Протянул Артёму.

— Посмотри. Тут число...

— Да. Восьмое июля. Лето... Ну и что? Мы и не такие фокусы видели... А может, газета прошлогодняя?

— Бумага-то совсем свежая. Это вчерашняя газета.

— А почему тогда не сегодняшняя?

— Потому что это местная «Вечёрка». Сегодня еще не вышла.

— Ну и черт с ней! Нам-то что?

— Тём, погляди на год...

— Ну и... о черт! — На свежем, еще сохранившем газетный запах клочке значилась дата трехлетней давности...

— Тём, восьмое июля того года было в этом месте всегда. И это... день, когда случился взрыв... Тём, он еще не случился.

Артём ощутил, будто внутри у него тикающий прибор с шестеренками. Похожий на часы, но с несколькими циферблатами, где вместо чисел частые черные деления, по которым скачет множество стрелок. Он как бы даже видел этот прибор...

— Кей...

А тот лежал все так же, навзничь, и смотрел в небо. И сказал устало, уже без боязни.

— Ну, Тём, ты же все понимаешь. Мы шли через Н и к о г д а. Так называется Нулевой пояс Пространств. И Пространства привели нас с ю д а. А время еще не наступило, автобус еще не проезжал.

Все стрелки на циферблатах щелкнули и замерли вертикально. Только самая маленькая еще пометалась, подрожала и лишь через несколько секунд застыла, как другие.

— Кей, ты уверен, что это т о т день?

— Да, Тём... И времени осталось полчаса.

— Надо встретить и предупредить!

— Тём, его встречали и предупреждали. Шофер не поверил, обругал только...

— Ясно.

Оно и в самом деле было ясно. Видимо, судьба (или Пространства, или этот чертов Нулевой пояс, или еще что-то или кто-то) давала последний шанс.

«Почему — мне?»

«А почему — там, на Бейсболке?»

«Может быть, это искупление?»

«Искупление ч е г о? Не комплексуй, идиот, теряешь время».

— Кей, от чего случился взрыв?

— Говорят, под асфальтом была мина. Или заряд...

— Но зачем?! Кому это надо?!

— А кому э т о надо вообще? Во всем мире?

Артём выпрямился (стрелки дрогнули и замерли опять). Он окинул взглядом узкий асфальт — с трещинами и колдобинами. В трещинах росли ромашки.

— Автобус пойдет в к а к у ю сторону?

— Вон туда... — слабо махнул Кей.

Артём опять метнул взгляд. Недалеко от кювета он различил кусок асфальта, очерченный трещинами, в которых не было травы. Этаким неровный шестиугольник чуть не метровой ширины. Артём с усилием, будто по колено в болоте, шагнул к нему.

— Тём! — Кей быстро сел. — Тём, постой... Я должен сказать...

— Что?

— Если ты сделаешь э т о, мы можем не попасть в Неплянск... И вообще...

— Что «вообще»?

— Многое будет совсем не так. Или... не будет совсем.

— Не понял.

— А ты пойми! — со злой слезинкой сказал Кей. — Ты можешь никогда не увидеть Нитку. Не встретиться ни с ней, ни со мной. И... не будет малышки...

«Правда?»

«Да, правда. Ведь сейчас т р и г о д а назад. И я изменю ход событий».

Он замер на миг и сразу как бы встряхнулся от данной себе оплеухи.

— Кей! Там же двадцать пацанов! И в том числе твой Валька!

— Ну да! — звонко отозвался Кей. — Да, Тём! — Он вскочил и прыгнул к нему.

— Кей, стой!.. И слушай. Бес-пре-кос-лов-но. Отойдешь на сто шагов. Ляжешь в кювет. И будешь ждать, когда позову. Марш!

Кей послушался удивительно легко.

— Ладно! — И стал уходить спиной вперед. И сказал уже издали:

— Тём, не бойся, ты не взорвешься.

А он уже и не боялся. Лишь бы найти, успеть... Вцепился в край асфальтового пласта. Мягко, но с пружиной силой поднял его, отвалил...

«Эта штука» оказалась круглая, плоская, размером с небольшой таз. Примитивная. Артём слабо разбирался в саперных делах, но сразу увидел, что примитивная. Похожий на пробку от канистры взрыватель был ввинчен в середину. Артём взялся за него без боязни. Было ясно, что «пробка» рассчитана только на сильный нажим по вертикали, от тяжелых колес. Артём попробовал повернуть. Сильнее... Взрыватель послушался и пошел мягко, как по смазке... Вот и всё... Артём встал, оглянулся и пошел с «пробкой» в руке от дороги. Шагов через тридцать он увидел в мелколесье круглую яму с бурой водой (кажется, про такие говорят «бочага»). Бросил взрыватель в воду. Потом, выгибаясь от тяжести, принес мину и тоже утопил в бочаге.

В это время за соснами и осинами прокатил пузатый красно-желтый автобус. Показалось даже, что слышен ребячий смех.

Артём вернулся к шоссе.

По-прежнему звенела тишина, но уже без тревожного ультразвука.

— Кей!

Тот не отозвался. Видать, далеко залег.

— Кей! Иди сюда! Все в порядке!

Снова не было ответа. Лишь сзади в сосенках раздался шепест. Вот балда, нашел время играть в индейцев! А впрочем, почему бы и не поиграть?

Артём оглянулся. В двух шагах стоял Птичка.

4.

Знакомый Птичка с растянутым в улыбке ртом, с ежиком на маленькой голове, с шеей шире плеч. С буграми мускулов на перекошенных плечах, обтянутых камуфляжным трикотажем безрукавки.

— Ха, птичка! — И губы сжались. Ехидная улыбка заползла внутрь рта.

Нет, это был не прежний Птичка. В глазах не ядовитая уверенность, а только усталая злоба. Майка на груди обуллена, щеки в саже. Пахло от Птички бензином и гарью. Из кармана десантных штанов он вынул пистолет — все тот же, длинный, с набалдашником-глушителем.

— Ну что, Студент? Кажется, мы слишком затянули нашу разборку. Пора ставить точку. А?

— Такое впечатление, что ты был в одном из бульдозеров, — сказал Артём. Он не верил, что Птичка выстрелит.

— Был! В правом крайнем, на всякий случай... Там ты меня переиграл, Студент, надо признать...

— О п я т ь переиграл, — уточнил Артём и поморщился. — Ну и разит от тебя, Птичка...

— Потерпи, это недолго... Хочешь еще что-то сказать напоследок?

— Спросить хочу.
— Валяй.
— Ты и к э т о м у делу, со взрывом автобуса, имел отношение?

— Чего?.. А! Вот этого ты, Студентик, так и не узнаешь. Так и помрешь с неразгаданной тайной в мозгах.

— Ну и хрен с тобой, — зевнул Артём, краем глаза следя за глушителем. — Теперь все равно. Взрыва н е б ы л о.

— Ха, птичка! Еще будет! Все равно будет! Для балланса! Потому что ты отпустил тех двоих на Бейсболке!

— Идиот! Какая связь?

— Всеобщая связь, Студентик. Спасаются одни, гибнут другие... И ты среди них. Ну? Ты готов?

— Последний вопрос... Ты чего ко мне привязался-то? Мы с тобой даже не знакомы.

Птичка мигнул:

— Ваньку валяешь?

— Ну, посуди сам! Какой сейчас год? Не было еще Саида-Хара, не было секрета на Бейсболке. И вообще н и ч е г о т о г о не было. И, дай Бог, не будет. А ты тут возникаешь со своей пушкой. Ты пойми, у тебя даже э т о й п у ш к и нет. Ее сделают только через год.

— Ха! Нету? — И Птичка вскинул пистолет. И Артём упустил миг.

Пистолет не выстрелил, а пукнул. Пуля выскочила из тугого оранжевого огонька и попала в левую сторону груди. Это закаменевший Артём увидел в растянувшемся почти до бесконечности времени. Потом время со звоном лопнуло, и удар тяжелой пули откатнул Артёма. Он отступил на два шага. Но не упал. Потому что пуля пистолета «Кобра» не смогла пробить космическое зеркальце, лежавшее в нагрудном кармане.

Птичка изумленно выкатил глаза. Выстрелил снова. Но на этот раз пуля прошла выше пригнувшегося в броске Артёма.

Да, кое-чему его все же научили. Захват, подсечка, удар в подбородок — и пистолет у него в руках. Птичка явно не ждал такого от Студента... Еще одно обманное движение, переброс пистолета в левую ладонь и — рукояткой по башке!

Птичка всей своей грудой мышц завалился спиной в колокольчики.

Артём поправил очки («Смотри-ка, даже не слетели»). По всем правилам военного искусства следовало сделать контрольный выстрел. Артём поморщился. («Интеллигент сопливый», как сказал бы Птичка). У Птички из-под век мертво белели закотившиеся глазные яблоки. Едва ли встанет когда-нибудь. Артём вынул обойму, снял затворную раму, достал боевую пружину и ударник. Все это отнес к бочаге и утопил по отдельности.

Вернулся к дороге (в стороне от Птички).

— Кей!

Отсутствие Кея тревожило теперь больше всего. Даже больше мыслей о Неплянске и Нитке. Куда канул этот паршивец? «Ну, я ему...»

Колочая боль с размаха вошла Артёму под левую лопатку. Он хрипло крикнул, шагнул вперед, обернул-

ся. Увидел сквозь жидкий туман Птичку с длинной трехгранной заточкой в откинутой руке. Птичка привычно ухмылялся.

Туман сгустился, стал плотным, как темная вода. И Артём, остановив дыхание, упал в него лицом. «Скорее бы прошла эта боль...» Но сквозь боль пробилась и другая мысль: «А все-таки автобус прошел... Вот и всё...»

Но это было не всё. Боль стала помягче, он передохнул. Увидел свет. Сильный, но ласковый свет, который образовал уходящий в неведомые пространства коридор.

«Значит, правду говорили, что бывает т-а к...»

Свет струился, убежал вдаль и там сиял особенно радостно. Звал Артёма. Все, что за пределами этого света, осталось в прошлом и было совсем не важно. А впереди — Артём знал это! — ждала мама. В этом было великое облегчение и счастье.

Боль пропала. Артём глубоко вздохнул. Понял, что сейчас встанет и пойдет. Нет, не пойдет даже, а поплывет среди струящегося света. И это будет путь нарастающей радости.

И в предчувствии этой радости он решил полежать еще, передохнуть полминуты.

И над ним склонились трое.

Артём понял сразу — это Те, кто решают его судьбу. Они сказали:

— Ну, Тём? Ты готов?

— Да... Да!

— Тогда шагай. Или плыви...

— Да... — Свет звал его, принимал в свои теплые волны... Но...

— А Нитка? А малышка?

— Послушай, — ласково сказали ему. — Теперь это неважно. Не бойся и не думай. Твой свет — впереди.

Конечно, это было правильно! И все же...

— Не тревожься, Тём. Когда-нибудь они догонят тебя.

Вот и хорошо. Но... это ведь «когда-нибудь». А что теперь?

— А Кей? Птичка не настигнет его в лесу?

— Тём, ты пойми. Э т о уже далеко. Э т а м. А ты з д е с ь. Ты исполнил все, что полагалось, и не должно быть в тебе тревоги.

Но если она есть...

Артёму было очень неловко. Он не хотел обидеть Тех Добрых, кто склонился над ним. И маму...

«Мама, прости».

«Да я-то что. Я подожду...»

— Ну так что же? — опять мягко, без досады спросили его.

— А Птичка... он больше не обидит ребят?

— Птичка скорее всего остался на Бейсболке...

— Да? А кто же тогда... меня?..

— Просто сорвалось сердце.

Ну, ладно. Пусть так, но... а если опять начнется атака на Пустыри? Не бульдозерами, а чем-нибудь похлеще?.. А кто будет встречать пацанов у школы?.. И что с Кеем? И опять же — Нитка, Нитка, Нитка! И та кроха, которую она ждет...

— Ты должен решить наконец, Тём, — сказал один из Тех, и в ласковости тона была уже нотка нетерпения.

— Он уже решил, — сказал другой.

— Но учти, снова будет очень больно, — предупредил третий.

— Пусть, — виновато выдохнул Артём.

Свет медленно, как в театре, угас, и колючая боль снова вошла под лопатку. Артём застонал.

...Но боль была недолгой. Проткнув Артёма безжалостным лезвием, она ослабела. Милостиво и быстро. Возможно, это была награда за его, Артёма, решение. Через минуту казалось, что он просто напоролся спиной на острый сучок... Может быть, так и случилось?

Артём сел, подобрал из травы очки, помотал головой. Ощутил запах цветов, нагретого асфальта и хвои.

— Тём!

Путаясь в синих колокольчиках длинными незагорелыми ногами, бежал к нему по ковету Кей.

V. Трепет крыльев

1.

Кей был в летнем пестром костюме, который сшила из шторы Нитка. Веселый и встрепанный, с длинной царapiиной на щеке. Остановился, мигнул. Сквозь веселье в глазах — темные точки тревоги.

— Тём, что с тобой?

— Да вот, на какую-то дрянь наткнулся спиной. Посмотри-ка...

— Ух ты, куртка разодрана... Сними... И рубашка в крови... Тём, да ничего особенного, ранка неглубокая. Сейчас найду подорожник...

— Только не плюй, когда будешь приклеивать. А то знаю я ваши обычаи...

Кей захихикал и убежал.

Артём посмотрел на карман рубашки. В ткани была дыра с обугленными краями (и как это Кей не заметил?). Но зеркальце, когда Артём вытащил его, оказалось гладким, без всякого следа.

«Спасибо тебе...»

Прибежал Кей с пучком листьев.

— Ну-ка, подставляй спину...

Подорожник оказался прохладным и влажным.

— Плюнул все-таки, обормот!

— Не плюнул, а лизнул. Не бойся, я стерильный.

— Щеку себе тоже залепи, стерильный... Где ты болтался?

— Тём! Я побежал навстречу автобусу! У них там как раз остановка была, чтобы сбегать в кусты, я затесался между остальными. Будто так и надо. И поехал...

«А ты не встретил там... с а м о г о с е б я?» — чуть не спросил Артём. Но прикусил язык. Впрочем, и так ясно, что не встретил...

— Зачем тебя туда понесло?

— Ну... Тём. Я должен был объяснить Вальке, что

мы встретимся через несколько лет. Чтобы он не удивлялся, что он уже вырос, а я все еще... такой...

— Объяснил?

— Ну да. Он поверил... А еще, Тём...

— Что?

— Если бы я не попал в автобус, я не смог бы из него сбежать. Значит, н и ч е г о бы не случилось! Я не попал бы на Пустыри, и все было бы по-другому...

— Может, и к лучшему...

— Ну да! А кто бы тогда спас Лельку?

— А как ты удрал из автобуса?

— Да очень просто, на следующей остановке. Два малыша запросились опять, я тоже выскочил — и сразу сюда...

— С р а з у с ю д а? — Артём прошелся по нему глазами от макушки до новеньких кроссовок.

— Да... А чего?

— Ты был в джинсах, в ковбойке и с курткой. Босой. А сейчас... Откуда на тебе этот прошлогодний наряд? И обувь...

— Ой, Тём, правда... — Кей взялся за щеку с прилепленным подорожником. — Я не знаю... Тём, я правда не знаю!

— Ладно, — вздохнул Артём. — Фокусы Нулевого пояса или как его там... Но, может быть, ты теперь знаешь другое?

— Что?

— Дорогу на Неплянск.

— Ох... — Кей стремительно поскущел.

— Что еще?! — капризным от нового страха голосом воскликнул Артём.

— Дорогу-то я найду. Но, Тём... там ведь сейчас тоже... нынешнее число. И Нитки там... еще нет.

— Елки-палки... — Артём сел, вдавившись спиной в колючие ветки сосенки. Глянул вверх, на Кея. Тот стоял перед ним тощий и виноватый.

— Что будем делать? — сухо спросил Артём.

— Не знаю. Кажется, мы влипли...

— Кой черт тебя понес через это Н и к о г д а? Ехали бы поездом...

— А тогда... кто бы достал с дороги мину?

— Д-да, ситуация... — выдохнул Артём. — Будто кто-то все спланировал заранее.

— Мы сами, — сказал Кей. — И еще Пространства... Тём, надо все обсудить. — Он сел рядом, завозился в колючих ветках голыми локтями. — Тём, не сердись...

— Какая разница, сержусь я или нет. Чтобы остыть, будет время. И для обсуждения тоже... Три года!

— Ага... И главное, нам нельзя уходить с этого места. Чтобы не наделать новых с о б ы т и й.

— Черт возьми! Но з д е с ь-т о мы можем сидеть вообще вечность! Здесь одно и то же число, время не движется!

— Уже двинулось. Когда прошел автобус...

— Ну, все равно... Ничего себе перспектива! Три года жить робинзонами на этой обочине?!

— А что делать? Зато через эти три года все наладится. Войдет в русло...

— Я тебя сейчас вгоню в такое русло... Скажи, ты это серьезно?

— Кажется, да. Нулевой пояс не выпустит нас...
— А кормить тут он нас будет? А зимнюю одежду и жилье с печкой даст?

— Шиш он даст, — убежденно сообщил Кей.
— Слушай, сейчас я дам тебе по шее!
— Дай. Только разве это поможет?
— Это облегчит душу.
— Ну, дай тогда... Ай!

Артём дал. Правда, слегка. Кей коротко посмеялся, почесал в затылке, запрокинул голову и стал смотреть в небо. И вдруг будто закаменел. От обиды?

— Кей, ты чего? Я же шутя!
— Тём, смотри. Вверху...

В синеве среди редких желтых облаков покачивался воздушный змей. Белый. Сложной коробчатой конструкции. Чуть различимая нитка шла от него вниз, далеко за шоссе.

— Тём, пошли! Скорее!
— Куда?

— Туда! Не спрашивай! — Кей вскочил, потянул Артёма за руку (подорожник отклеился от щеки). Через дорогу, через осинник и сосняк, потом через густой низкорослый ельник.

Затем пересекли луг и болотце. Кей не спускал с нитки взгляда (она делалась все заметнее). И вот они выбежали на широкую поляну. Здесь среди зацветающего иванчая стоял пацаненок лет девяти. Это он держал нить.

Он был с желтыми пушистыми волосами, в пестро-зеленой рубашонке с рисунками из мультфильмов про короля-льва и Маугли, в таких же трусиках и с плямбами зеленки на коленках и подбородке. Он следил за змеем и долго не замечал Артёма и Кея.

— Подожди, — строго сказал Кей Артёму. И тот послушно замер. А Кей пошел к мальчику.

Они что-то тихо сказали друг другу.

Кей взял мальчика за плечо, и с полминуты они молча смотрели на змей. Потом заговорили опять. Мальчик серьезно и часто кивал.

Кей оглянулся на Артёма.

— Иди сюда.

И Артём пошел — с ощущением, что его снисходительно (и не полностью) приобщают к какому-то тайному делу. Мальчик смотрел со стеснительной улыбкой, но доверчиво. Прижимал к груди большую катушку, от которой тянулась нить.

— Тём, это Гриша Сапожкин. Один из тех, кто построил Город.

— Приятно познакомиться, — сказал Артём с неуклюжей учтивостью. Мальчик застенялся, шевельнул губами: что-то вроде «здрассте». Поднял катушку и стал скрести ею зеленку на подбородке.

— Да вы знакомы, — весело напомнил Кей. — Вы виделись в Городе, под колоколом. Забыл?

— Там было темно, — шепотом оправдал Артёма Гриша.

— Тём, дай зеркало, — велел Кей.

Артём ничего не понял, но дал. Хорошо, что нет следа от пули...

Кей в полуметре от катушки взял нить, обмотал зеркало несколькими витками.

— Правильно, Гриша?

— Да, — шепнул он.

Кей щелкнул по краю зеркала ногтем. Послышался негромкий, но какой-то всюду проникающий звон. Он ощутил, почти заметно для глаза побежал вверх по нити, и Артём следил за ним, и увидел, что змей шевельнулся как живой.

Потом был еще один короткий звон, и еще, еще. Они слились в дребезжащую морзянку, и змей в дальней синеве дрожал, как от щекотки. А потом замер.

— Тём, возьми зеркало. Да не потеряй, может, еще пригодится.

«Не дай Бог», — вспомнил Артём Птичку.

Гриша стал наматывать на катушку нить.

— Смотаю, чтобы о н не зацепился...

— Да. Спасибо, — сказал Кей.

Змей спускался, спускался, вырастал и наконец лег среди иванчая. Этакая конструкция вроде метровой этажерки. Гриша Сапожкин легко вскинул его над головой.

— Я побегу?

— Беги, — согласился Кей. И еще раз сказал: — Спасибо.

И Гриша побежал, не оглядываясь. Скоро он, зеленый, затерялся среди высоких стеблей, и змей как бы летел над верхушками сам собой. А потом растаял в мареве и он.

— Ну и... что же означало это действие? — спросил Артём. В нем опять зашевелились нетерпение и досада.

— Означало... Змей был как антенна.

— Ну, допустим. А дальше-то что?

— А дальше — ждать, — веско сказал Кей. — И не спрашивай больше, а то слезишь.

2.

И Артём не спрашивал. Он ждал чего-то, стоя посреди поляны, которую накрывал летний жар. Струился воздух, жужжала какая-то крылатая мелочь. Время от времени сквозь траву пробегали непонятные существа. Стайками. Пробегают и скроются. Возможно, это были скворечники.

— Они ждут, когда мы уйдем, — сообщил Кей. — Будут здесь устраивать летние пляски. Видишь, месяц и луна опять выкатились вместе.

Артём видел. Но этим его было не удивить.

— Ты мне зубы не заговаривай. Скажи, чего ждем.

Кей молчал. Поджимал по очереди и почесывал исколотые в ельнике ноги.

— Я, кажется, с тобой разговариваю...

— Тём, ну я же просил не спрашивать! Потерпи... Или, если хочешь, дай мне снова по шее.

— Очень нужна мне твоя шея!

— Тём...

— Что еще?

Кей придвинулся к нему, коснулся плечом.

— Тём, а ты простишь ее, если она вернется? Т у д а, к нам.

— Да! — сказал он быстро, будто качнулся вперед.

— Да! — И лишь потом спохватился. — Господи, да за что мне прощать ее? Это она должна...

— Нет, она тоже виновата.

— В чем?!

— Ну... в том, что боялась... Тём, слышишь?

— Что?

— Слушай. Не дыши...

В тихий звон летнего луга проник новый звук. Похожий на стрёкот кузнечиков, но не прерывистый, а ровный. Слово кто-то за дальними кустами вертел швейную машинку.

— Ура... — шепотом сказал Кей.

— Что ура?

— Тише...

Среди двух пухлых облаков возник в синеве белый трепещущий клочок. (Еще один змей? Нет...) Он увеличивался вместе с нарастающим стрекотом, обретал форму и наконец превратился в дрожащую парусиновую птицу с колесиками и мерцающим пропеллером. Эти колесики с пухлыми шинами и перепончатые белые крылья пронесли в трех метрах над головой Артёма и Кея, обдали ветром (Кей даже присел). Аппарат зачиркал шинами по верхушкам иван-чая, сел, пробежал немного и остановился в десяти шагах. Желтый винт помахал лопастями и замер.

— Чудеса... — выдохнул Артём.

— Тише, — опять сказал Кей.

На матерчатом, со шнуровкой и рейками фюзеляже был странный знак: пятиконечная морская звезда с изогнутыми концами. Ярко-голубая. Над бортом со звездой показался мальчик. С длинными светлыми волосами, в синей матросской блузе старинного покроя — с широким воротником и галстуком. Был он постарше Кея, лет четырнадцати на вид.

Он спросил негромко, но с тем же проникающим звоном, что у зеркала:

— Это вы сигналили мне?

— Да, — сказал Кей. Взял Артёма за руку и повел сквозь траву к самолету. И опять глянул строго: «Не спрашивай...»

Мальчик смотрел спокойно и весело.

— Садитесь... — И спустил из кабины легонький трап — два деревянных бруска с бамбуковыми перекладками. Кей легко взлетел по ступенькам, оказался внутри.

Летний мир звенел волшебным и празднично. Скворечники, уже не таясь, шастали в траве. Коричневые бабочки стаями носились над лиловыми и желтыми соцветиями. Было все как во сне. И все же Артём спросил с сомнением:

— Вы думаете, эта штука выдержит меня?

Юный пилот улыбнулся белозубо и бесстрашно:

— А вы уменьшите свой вес.

— Как? Похудеть? Я и так кожа да кости.

— Представьте, что вы мальчик. Как он, — пилот озорно кивнул на Кея.

Проще всего было возмутиться и заспорить: до шуток ли? Но здесь, на лужайке, где собирались плясать скворечники, были свои законы. Артём поправил очки, помолчал несколько секунд и... представил. Как он, две-

надцатилетний, в лагере «Приозерном» бежит к будке-водокачке, за которой ждет его Нитка. По такой же высокой траве, как здесь. И метелки травы щекочуще пролетают у его голых локтей. И ребячья невесомость вошла в Артёма (он потом еще долго будет ощущать эту невесомость — много дней после того, как закончится эта история).

Артём вскочил на лесенку, взялся за матерчатый-рейчатый борт (самолет заходил ходуном; сама собой повернулась лопасть воздушного руля — белая с синим номером «L-5»). Позади плетеного пилотского сиденья раслирала борта доска-скамейка. Кей подвинулся. Артём втиснулся между ним и тонким шпангоутом, самолет закачало опять. «Ох, брякнемся», — подумал Артём, но без боязни, а как мальчишка, усевшийся на высокие качели. Он уселся поудобнее.

— Тише ты. Прямо как бегемот, — шепотом сказал Кей.

— А ты как школьная завуч: только и знаешь воспитывать...

Мальчик-пилот засмеялся и оглянулся. Глаза его были синие, лучистые. И чем-то он (чуть-чуть) был похож на Зонтика.

— Летим? — все с тем же звоном спросил он.

— Да! — радостно выдохнул Кей.

Желтый винт качнулся, замелькал, превратился в размытый стрекочущий круг с россыпью солнечных искр. Крылатый аппарат задрожал, зашевелился, будто пробуя силу в напружиненных птичьих мышцах. Поехал... Побежал. Зашуршала по парусиновому днищу трава. Из-под колес прыснули скворечники. Артём на миг разглядел даже их тонкие птичьи ноги. Самолет подпрыгнул и повис в летящем навстречу теплом воздухе. Кусты, шоссе, перелески стали уменьшаться, земля наклонилась в плавном развороте.

Перед пилотским сиденьем был изогнутый стеклянный щиток, но летчик не прятался от ветра.левой рукой покачивал рычаг управления, а правым локтем лег на кромку борта и подставил встречному воздуху лицо. Голубой воротник затрепетал как флаг, волосы рванулись назад. В них, как в пропеллере, задрожали искристые огоньки.

Летчик оглянулся.

— Ну как?

Мотор урчал негромко, будто отлаженный холодильник, было слышно каждое слово.

— Прекрасно, — сказал Артём, вцепившись в скамейку. А Кей показал большой палец:

— Во!

Летчик опять белозубо засмеялся, и тогда Артём спросил, забыв о строгостях Кея:

— Вы — Максим?

Острый локоть Кея тут же саданул его под ребро. Но летчик, не гася улыбки, отозвался сразу и просто:

— Да! Меня так зовут! — И плавно вывел аппарат из долгого разворота.

Кей сердито шевельнул губами:

— Говорил: не болтай...

— Я больше не буду.

Внизу медленно-медленно плыла пятнисто-зеленая

земля с желтыми жилками дорог и тенями облаков. Потом проступила еще одна жила: набухшая, голубая.

Мальчик снизил самолет и повел его вдоль русла. Все ниже, ниже...

— Что-то случилось? — спросил Артём, пряча опасение под небрежностью тона.

— Не-а... — небрежно отозвался Максим. — Просто у самой воды легче лететь, больше подъемная сила. А то ведь нас все-таки трое...

И они полетели у самой воды. Ударил навстречу запах речного песка и камышей. Один раз во время крена колесо зацепило воду и потом долго вертелось, искры спиц перепутались с искрами брызг.

Потом река ушла в сторону, парусиновая дрожащая птица опять набрала высоту. Ее накрыла тень облака.

Вместе с тенью к Артёму вернулась тревога и память о недавнем.

— Кей, а куда мы летим-то? В Неплянск?

Кей сидел, как в саду на лавочке. Поставил ноги пятками на скамью, обхватил колени и смотрел перед собой. Будто не слышал Артёма.

— Кей!

— Нет, не в Неплянск. Туда пути по воздуху нет. Да и что нам теперь делать в Неплянске...

— Там все еще то самое число?

— Не в этом дело...

— Объясни!

— Да ничего я не могу объяснить! Потерпи.

До чего же вредная личность! Так бы и дал «о-плеуху». Или другую «опле...», ниже спины. Ну, ладно... Артём стал терпеть.

Показался город. И х город. Со знакомыми колокольнями, многоэтажками и башней Главной почты. С похожими на бургистый, изрытый плюш Пустырями. Там и тут на этом плюше виднелись длинные коробки цехов, трубы и нитки рельсовых линий.

Заблестела маковка церкви. За нею на миг возникло прозрачное пространство, где угадывались очертания причудливых зданий и башен. Впрочем, возможно, что Артёму это лишь показалось. Мысли его были о другом.

Самолет стал снижаться круто-круто, почти падал. Кей даже взвизгнул тихонько и вцепился в борт. Побежали под колесами кусты и кочки. Толчок... И почти сразу аппарат замер посреди ровной лужайки.

Артём узнал эту лужайку. В ста шагах от дома!

Подбежал Бом, взвалил на борт тяжелые лапы, улыбался розовой пастью. Максим потрепал его по укороченным рельсами ушам. Рядом высоко прыгал рыжий Евсейка — и при каждом скачке ухитрялся сделать лапами множество движений.

Кей, не дожидаясь трапа, махнул через борт. Упал на четвереньки, вскочил. Артём дождался, когда Максим сбросит лесенку. Выбрался.

— Пока... — шепотом, без улыбки сказал Максим и

протянул руку в полосато-голубом обшлаге. Артём осторожно пожал ее — пальцы были тонкие и легкие, как трубчатые птичьи косточки.

— Пока... Максим.

Бом все прыгал и ластился.

— От винта, — строго сказал ему летчик. Бом отскочил. Винт взорвался шуршащим свистом, и самолет взлетел почти без разбега. Евсейка перепуганно сел, по-человечьи раскинув задние лапы. Кей запоздало замахал вслед парусиновой птице. Она ушла за тополя.

Кей взял Артёма за руку.

— Пошли.

— Да, скорее! — рванулся Артём. Хотя непонятно: куда спешить?

— Нет, не скорее. Нельзя торопиться.

— Почему?

— Нарушишь структуру...

— Ох и зануда... — И Артём пошел рядом с Кеем неторопливо (тот опять слегка прихрамывал). Внутри у Артёма все стонало от непонятного ожидания, и под левой лопаткой напомнила о себе колючая боль.

Из кустов цветущей сирени повернули к дому.

Нитка стояла на крыльце. С распущенными по плечам волосами, в цветастой, очень широкой кофте, которая охватывала ее колоколом.

Артём и Кей подошли. Стали.

— Нагулялись? — сказала Нитка. — Ох и бродяги. Я жду, жду... Кей, почему ты опять такой растрепанный? Нет на тебя управы...

Из дверей показалась Лелька. Подскочила, ухватила Кея за рубашку. Заставила нагнуться, что-то зашептала в ухо. Он закивал. Потом независимо сообщил Нитке и Артёму:

— Мы пошли, погуляем. — И они пошли.

— Опять! Тём, посмотри на этого беспризорника! Не успел появиться, и снова...

— Беспризорник и есть, — сокрушенно согласился Артём.

— Ты возьмись за него наконец.

— Ладно, — и Артём встал к ней близко-близко. Щекой коснулся ее волос.

Из кустов к Лельке и Кею вышел мальчик. Похоже, что Зонтик. Только в незнакомой одежде. В старинном матросском костюме, вроде как у Максима, только солнечно-желтом. И они пошли втроем.

Потом их догнал маленький желтый скворечник на петушиных ногах. Втиснулся между Кеем и Лелькой. Они взяли его за тонкие обезьяньи ручки.

— Кей! Чтобы к ужину был дома! А то я не знаю, что с тобой сделаю! — пообещала с крыльца Нитка.

Ребята не оглянулись. Спинами они говорили: «Мы немало повозились с вами, сделали все как надо. Теперь дайте нам заняться своими делами».

Над Пространствами поплыл знакомый полуденный звон.

J.R.R. — КАК ЖЕРТВА «НАЦИОНАЛЬНОГО» ПЕРЕВОДА

(полемические заметки на критическую тему)

«Good! That's settled. Three cheers for Captain Frodo and company!» they shouted; and they danced round him. (J.R.R. Tolkien «The Lord of the Rings», «The Fellowship of the Ring», book 1)

«Сказано — сделано. Атаману Фродо и всей шайке его — ура!» — закричали хоббиты и заплясали вокруг Фродо. («Хранители», немного сокращенный перевод с английского А.Кистяковского и В.Муравьева)

В дни юности нашего поколения — поколения не столько по возрасту, сколько по корням и по мировосприятию — было не так уж много книг, что влияли на умы. «Три мушкетера» Дюма — за ними тянулся (и тянется до сих пор) шлейф «шпажно-приключенческой» романтики. «Понедельник» Стругацких, после которого все лирики шли учиться на физфаки и физтехи. «The Lord of the Rings» скромного британского профессора лингвистики, с которого во всем мире возродился интерес к героическому эпосу, переросший в повальную «фэнтезимианию».

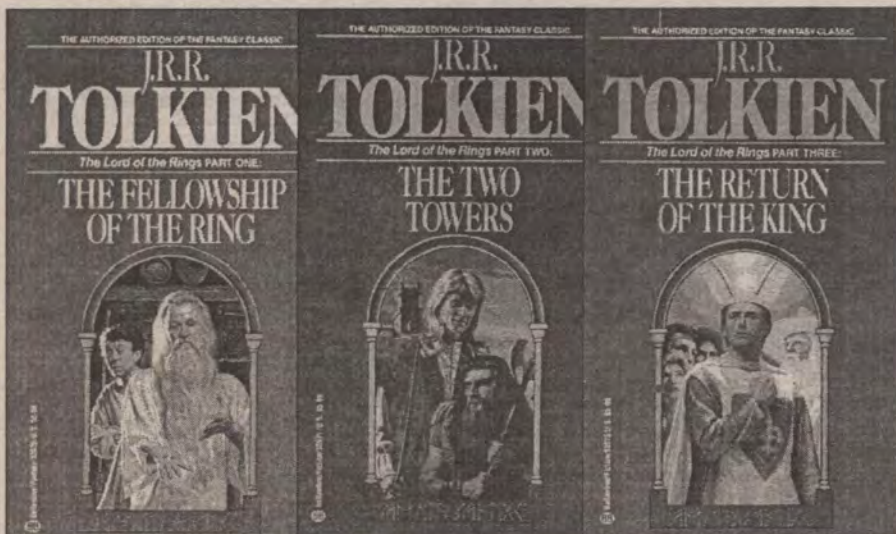
И я считаю долгом присоединиться к словам благодарности, адресуемым Джону Рональду Роуэлу Толкину по всему литературному миру, и еще раз сказать ему спасибо за то, что мир этот сегодня такой, каким он его сделал.

Моя юность подходила к плавному советскому претеканию в студенческую пору, когда я прочитал и заболел «Хранителями». Полный перевод, который затем издал «Северо-Запад», ходил тогда в самиздате;

мы переснимали его на фотоплёнку, затем перепечатывали на машинке. После более-менее литературного перевода «Радуги», он казался нам «подстрочником», и мы понемногу его обрабатывали.

Разночтения в названиях, нестыковки в общем настроении переводов, а порой и просто абсолютная несовместимость двух вариантов, казалось бы, одного и того же текста настойчиво звали нас обратиться к первоисточнику. Каким-то чудом, от знакомых через пару лет мне попали в руки англоязычные оригиналы «Хоббита» и первого тома «Властелина колец».

Увы! Оригинал оказался совершенно другой книгой. Настолько другой, что позднее своему сыну я уже не дал читать ни перевод «Радуги», ни, тем более, «Северо-Запада». После нескольких месяцев блуждания по полкам домашней библиотеки они не смогли найти свое место даже рядом с «Волшебником...» Волкова, «Айболитом» Чуковского и «Буратино» Толстого, которые кажутся мне теперь честнее, поскольку не прикрывали свои «вариации на тему...» именами авторов первоисточников.

Переводчики «Радуги» начали с того, что подменили название первой летописи, и из «The Fellowship of the Ring» («Содружество кольца») она превратилась в «Хранителей». Вне всякого сомнения, «Хранители» — гениальное название внутри русской литературной традиции. Слово «Хранитель» влечет за собой сразу роман ассоциаций, с обложки придавая книге привкус героических усилий удержать и сохранить вечно падающий во тьму русский мир. Но чем было оригинальное название в англоязычной традиции? Не забудьте, Толкин — профессиональный словист, слова и их происхождения занимают в каждой его книге отдельное, весьма значимое и всегда обоснованное место! «Содружество Кольца» — это отсылка к рыцарским временам, когда вассал должен был исполнять свой долг по отношению к сюзерену в любых условиях (дальше пусть будет, что будет), а Круглый стол короля Артура был не просто символом, но действующим идеалом рыцарской верности в дружбе.

Одним только названием наши литераторы смогли перевернуть смысл целой книги трилогии, превратив Содружество Кольца — хоббитов, людей, гнома и эльфа, добровольно взявших на себя долг перед Хранителем, долг дружбы, — в сборище героев-одиночек, готовых пожертвовать собой, всем и всеми ради спасения мира.

Кольцо хранил лишь один, остальные хранили дружбу...

Следом за заглавием, серьезной правке подвергается весь текст повествования. Для начала займемся именами и названиями.

Baggins заменен на Торбинса, Bag-End на Торбуна-Круче, Underhill (имя, взятое Фродо как псевдоним в трактире в Бри — в переводе «Радуги» в Пригорье) на Накручинс и т.д. — полный ряд имен всех действующих персонажей. Спору нет, внутри русской традиции «говорящих» фамилий велико искушение перевода фамилий английских, но что у нас получилось? Вместо звучных имен, за которыми неизбежно проступает весь

пласт английской культуры со всеми ее отголосками в образе мыслей и поступков, в манере и стереотипах поведения, в особенностях английского юмора, наконец, мы получили скопище висящих в воздухе прозвищ и кличек, не имеющих корней ни в культуре оригинала, ни в той, под которую их пытались приспособить переводчики. Точно также повис бы в воздухе Вильям Шекспир, переведенный как «Ванька — Тряси Копьем», а породисто-невозмутимый Бэрримор с его классическим «Овсянка, сэри!», переведенный как «Сорная Ягодка» или «Крыжовник», вряд ли смог выдать что-либо более благозвучное, чем «Алё, гараж!».

Именно это и произошло практически со всеми переводными персонажами («Властелина Колец», и, в первую очередь, с ведущей четверкой хоббитов. Из дружеского союза трех представителей наиболее уважаемых и богатых клановых семейств, несомненно, получивших «эскваерское» воспитание и образование, и потомственного семейного слуги Сэма в путь отправляется шептунья компания пацанов-переростков, разговаривающих между собой на вульгарном наречии городских окраин с естественными для этой среды «наездами» и «приколами», переходящими в откровенное хамство.

Следовало ли оставить все имена и фамилии в транскрипционном варианте написания? Пожалуй. Хотя у самого Толкина есть ряд персонажей, чьи имена или прозвища стоит перевести или, по крайней мере, дать их перевод в выносных комментариях. Это, несомненно, Арагорн, чье прозвище Straider (Делающий большие шаги) почему-то переведено как «Бродяжник» (русское — «Скорород»). Это жена Тома Бомбадила, чье имя Goldberry (Золотая ягода), переведена «Золотинкой» (русское — «Золотиника», как земляника, черника и т.д.). Это владелец трактира «Гарцующий Пони» в уже упомянутом Бри — мистер Барлимен, по прозвищу Butterbur (Прилипчатый, словно намазанный маслом). И, естественно, так далее, потому что книга большая и всех мы здесь перечислять не будем.

Но должно же быть чувство меры и осознание ответственности! Иначе право переводчика на поиск звучный и аналогов перерастает в право деформировать, уродовать и попросту писать отсебятину, вычеркивая целые куски авторского текста, которые ты оказался неспособным понять, либо которые не вписываются в навязываемую тобой картину уже не авторского мира и не авторских взаимоотношений между персонажами. Примеров масса. Один из них — песенное состязание (competing songs), мимоходом выброшенное из бытовой сцены принятия хоббитами бани в пятой главе первой книги.

Вслед за именами уже понятной переработке подверглись географические названия. Удел (The Shire), в котором проживают хоббиты, просто обязан называться «Уделом» а не «Хоббитанией», потому что переселенцы-хоббиты были «наделены» этой землей от щедрот князя Арнора. И делится он на четыре графства-фарфинга (Farthings), как делится на графства Англия, — потому что в хоббитах (что с некоторой натяжкой можно перевести с английского как «местный житель») Толкин с любовью и иронией описывал себя и своих земляков.

Вековечный лес в оригинале всего лишь Old Forest, что и в русском звучании имеет совершенно другую окраску: Старый лес. Горы Луны (The Mountains of Lune) превращены в Голубые горы; река Барандуин (Baranduin), переименованная хоббитами в Брендивайн (Brandwine = бренди+вино) по той же причине, по которой древние славяне нарекали особо чистые источники «бражными ключами», становится бессмысленным Брендиуимом; столица Удела город Хоббитон (Hobbiton) — Норгордом; а эльфийские Серые Гавани (The Grey Havens) — Серебристыми Гаванями.

Как и с именами собственными, подобных примеров масса. Одни из них просто смещают акценты, другие приводят к полнейшей неразберихе, как произошло со всем, что связано со старейшим и наиболее воинственным хоббитским кланом Олдбаков (Oldbuck). Используя самое легковесное значение слова «buck» (самец животного, передвигающегося скачками, в т.ч. заяц, олень, кабан), переводчики «Радуги» махом окрестили «старых секачей» Олдбаков в Кролов (кроликов?), Брендибаков — в Брендибайков (пьяных зайчиков?), а клановые земли Бакленда (Bucklend) — в Заячьи холмы и Заягорд.

Являются ли все эти неточности, огрехи, замещения и чистые выдумки лишь техническим вопросом соответствия одного текста другому? Мне не кажется, я уже уверен, что — нет. Потому что искажено настроение повествования, смещены оценки героев автором, подсунуты читателю другие взгляды, нарушена многослойная взаимосвязь географических и исторических названий и, в конечном итоге, изменен смысл всей книги в целом.

Отдельной критики заслуживают переводы стихов, в отношении которых традиционно допускается большая свобода интерпретации. Но прежде хотелось бы процитировать Максимилиана Волошина, чьи критические труды являются для меня образцом для подражания.

В книге 4-й своего труда «Лики Творчества» в статье о переводах Сологубом Поля Верлэна он пишет:

«Возможен ли перевод такого поэта на иной язык?

А priori я ответил бы: нет, невозможен.

Вообще установившаяся в русской литературе традиция — переводить стихами иноземных поэтов произвольна в основе своей, особенно когда переводится стихами полное собрание сочинений. Такие переводы невозможны, как правило. Перевести чужие стихи несравнимо труднее, чем написать свои собственные. К стихотворным переводам нельзя никак предъявлять требования точности. Как читателю разобраться в том, что от поэта, что от его переводчика?

Самое верное разрешение задачи — это то, которое ей дают французы: добросовестный гипсовый слепок в прозе...»

Что же у нас со стихами в «Хранителях»? Я сознательно писал ранее «перевод «Радуги», потому что трудно понять сейчас, кто именно из двух переводчиков ответственен за тот или иной промах и замещение. Другое дело стихи. Указано точно, стихи в «Хранителях» переводил Кистьяковский, в двух остальных томах — один Муравьев.

И я снова хотел бы обратиться к Волошину и его статье о переводах Сологубом Верлэна:

«Только чудом перевоплощения стихотворный перевод может быть хорош. Но чуду не стать правилом, и потому только отдельные стихотворения в случайных совпадениях творчества могут осуществить чудо».

Даже в «Хранителях» чуда не произошло. Переводы же лично Муравьева — безобразны. Вот пример: референ всей книги, заклание Саурана, выбитое на Великом Кольце:

*Three Ring for Elven-kings under the sky,
Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,
Nine for Mortal Men doomed to die,
One for the Dark Lord on his dark throne
In the Land of Mordor where the Shadows lie.
One Ring to rule them all. One Ring to find them,
One Ring to bring them all and in the darkness bind them
In the Land of Mordor where the Shadows lie.*

Перевод Кистьяковского:

*Три кольца — премудрым эльфам —
для добра их гордого,
Семь колец — пещерным гномам —
для труда их горного,
Девять — людям Средиземья — для служенья черного
И бесстрашия в сраженьях смертоносно твердого,
А Одно — всесильное — Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли
Под владычеством всесильным Властелина Мордора.*

И «французский» вариант по Максимилиану Волошину:

*Три Кольца для Королей Эльфов под небом,
Семь для повелителей Дварфов в их залах из камня,
Девять для Смертных Людей, обреченных умирать,
Одно для Темного Властелина на его темном троне
В Земле Мордор, где Тени лежат в ожидании.
Одно Кольцо, чтобы править всеми остальными.*

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

Одно Кольцо, чтобы находить их.

Одно Кольцо, чтобы вести их все и во тьме связать их
В Земле Мордор, где Тени лежат в ожидании.

Был ли Толкин поэтом большого таланта? Нет. Но это не дает права никому коверкать его стихи до неузнаваемости, порой полностью извращая их смысл. Тем более, что внутри «Властелина колец» выверено каждое слово и нет ни единой случайной фразы, которая вступала бы в конфликт с содержанием всего цикла книг, связанных с историей Среднеземья (Middle-Earth), и, в первую очередь, с «Сильмариллионом».

Но вернемся к тексту. Только что я обрушился на Кистяковского за плохой перевод стихов, однако, мы все, познакомившиеся с творчеством Дж.Р.Р. по «Хоббиту» и «Хранителям», обязаны быть ему благодарны — он сдерживал бесчинства Муравьева; и первый том трилогии еще хоть как-то похож на оригинал. О двух остальных томах — о «Двух Башнях» и «Возвращении Короля» — я говорить и писать попросту не желаю. Как Вульф из одного из романов Стаута, я готов топить ими камин на кухне.

Даже из «Хранителей» мы опустим первую часть, которую перевел Муравьев — ему не нужно больше заниматься в жизни такими вещами. Не стоит.

В принципе, вторая часть переведена не плохо. Нельзя сказать, что там есть грубые ошибки или вовсе приписки, которых нет у Толкина и которыми полны следующие два тома. Но то тут, то там изъят кусочек текста. Здесь — с описанием природы, которое введено было автором для создания нужного настроения, там — опущено из фразы слово, которое, как удачный блик на картине, было необходимо для описания данного героя.

Самый яркий пример — эпизод, когда Гэндальф падает с морийского моста. У Кистяковского под редакцией Муравьева:

«...Улекаяемый в пропасть тяжестью Балрога, Гэндальф ухватился за Мост руками, однако не удер-

жался и, вскрикнув «Беги-и-ите!», исчез в пасти Морийского рева; черный обломок разрушенного Моста, похожий на высунутый из пасти язык, мелко подрагивал в наступающей тьме...»

В более точном переводе:

«С ужасным воплем Балрог повалился вперед, и тень его нырнула вниз и исчезла. Но в падении он взмахнул кнутом, и плети захлестнули и оплели колени мага, сдергивая его за край. Маг пошатнулся и упал, тщетно цепляясь за камни, соскальзывая в бездну.

— Бегите, вы, дураки! — крикнул он и исчез».

В оригинале:

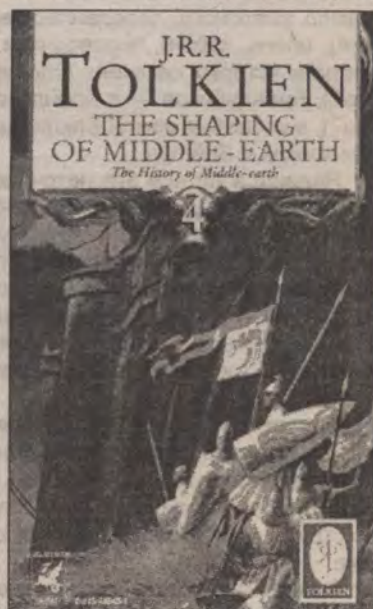
«With a terrible cry the Balrog fell forward, and its shadow plunged down and vanished. But even as it fell it swung its whip, and the thongs lashed and curled about the wizard's knees, dragging him to the brink. He staggered and fell, grasped vainly at the stone, and slid into the abyss. «Fly, you fools!» — he cried, and was gone».

И в завершение этого короткого экскурса в первый официальный перевод «Властелина Колец», я позволю себе привести большой кусок текста, взятый из Кистяковского и из оригинала, и переведенный специально для данной статьи «по-французски», чтобы показать, как накапливаются неточности, искажая весь рисунок книги.

Кистяковский:

«Гости собрались в Трапезном зале, уставленном рядами длинных столов. Элронд сел во главе стола, стоявшего отдельно от остальных, на возвышении, а возле хозяина, лицом друг к другу, привычно расположились Всеславур и Гэндальф.

Фродо смотрел на них — и не мог насмотреться: ведь Элронда, героя бесчисленных легенд, он видел впервые, а Всеславур и Гэндальф — даже Гэндальф, которого он вроде бы знал, — обрели рядом с Элрон-

дом свой подлинный облик, облик непобедимых и достославных витязей.

Ростом Гэндальф был ниже, чем эльфы, но белая борода, серебристые волосы, широкие плечи и благородная осанка придавали ему истинно королевский вид; а его зоркие глаза под снежными бровями напоминали приураженные до времени угольки... но они могли вспыхнуть в любое мгновение ослепительным — если не испепеляющим — пламенем.

Всеслаур — могучий, высокий и статный, с волосами, отливающими огненным золотом, — казался юным, но спокойно-мудрым, а глаза его светились решительной отвагой.

По лицу Элронда возраст не угадывался: оно, вероятно, казалось бы молодым, если бы на нем не отпечатался опыт бесчисленных — и радостных, и горестных — событий. На его густых пепельных волосах неярко мерцала серебряная корона, а в серых, словно светлые сумерки, глазах трепетали неуловимо проблескивающие искры. Он выглядел мудрым, как древний властитель, и могучим, как зрелый, опытный воин. Да он и был воином-властителем, этот исконный Владыка Раздола».

Оригинал:

«The hall of Elrond's house was filled with folk: Elves for the most part, though there were a few guests of other sorts. Elrond, as was his custom, sat in a great chair at the end of the long table upon the dais; and next to him on the one side sat Glorfindel, on the other side sat Gandalf.

Frodo looked at them in wonder, for he had never before seen Elrond, of whom so many tales spoke; and as they sat upon his right hand and his left, Glorfindel, and even Gandalf, whom he thought he knew so well, were revealed as lords of dignity and power. Gandalf was shorter in stature than the other two; but his long white hair, his sweeping silver beard, and his broad shoulders, made him look like some wise king of ancient legend. In his aged face under great snowy brows his dark eyes were set like coals that could leap suddenly into fire.

Glorfindel was tall and straight; his hair was of shining gold, his face fair and young and fearless and full of joy; his eyes were bright and keen, and his voice like music; on his brow sat wisdom, and in his hand was strength.

The face of Elrond was ageless, neither old nor young, though in it was written the memory of many things both glad and sorrowful. His hair was dark as the shadows of twilight, and upon it was set a circlet of silver; his eyes were grey as a clear evening, and in them was a light like the light of stars. Venerable he seemed as a king crowned with many winters, and yet hale as a tried warrior in the fulness of his strength. He was the Lord of Rivendell and mighty among both Elves and Men».

И перевод:

«Главный зал дома Элронда был полон народу: в основном Эльфами, хотя здесь были несколько гостей и другого сорта. Во главе длинного стола, на возвышении, в огромном кресле восседал, как и полагалось ему, Элронд; подле него с одной стороны сидел Гэндальф, с другой стороны сидел Глорфиндел.

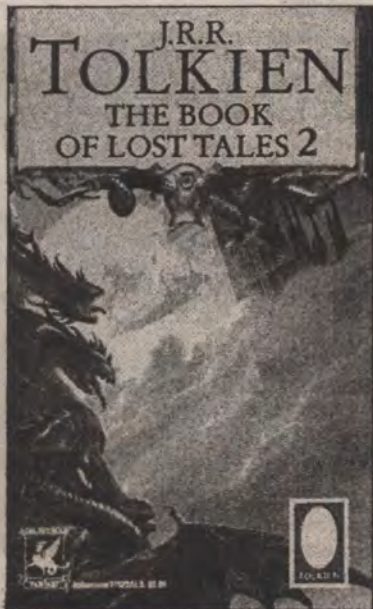
Фродо смотрел на них в изумлении, потому что ни разу до этого не видел он Элронда, о котором рассказывают так много легенд; и сидевшие по правую и по левую руку от него Глорфиндел и Гэндальф (о котором Фродо думал, что знает его хорошо) предстали перед хоббитом как властители, исполненные силы и благородства.

Гэндальф был ниже ростом, чем остальные двое; но его длинные белые волосы, его окладистая серебряная борода, его широкие плечи придавали ему облик мудрого короля из древнейшей легенды. На его старом лице темные глаза под густыми белоснежными бровями были словно уголья, что способны стать вдруг сразу огнем.

Глорфиндел был высок и статен. Его волосы были сияющим золотом, его лицо было прекрасным и юным, бесстрашным и полным радости, его глаза были пронзительными и ярки, его голос был подобен музыке; печать мудрости лежала у него на челе, и сила была у него в руках.

Лицо Элронда не знало времени — оно не было старым, оно не было молодым, хотя память множества дел и событий — полных радости и полных печали — оставили на нем свой след. Волосы хозяина дома были темны, как тени сумерек, и серебряный венец охватывал их. В его глазах, серых как безоблачный вечер, был свет, подобный свету звезд. В своем величии Элронд казался увенчанным множеством зим королем, еще крепким, как испытанный в сражениях воин в самом расцвете своих сил. Он был Повелителем Ривендэлла и самым могущественным среди Эльфов и Людей».

Я специально выбрал отрывок, имеющий не так уж много отличий в переводе, но несущий совершенно разную окраску в повествовании. У Кистяковского — это еще одно сказочное описание внутри сказочного мира. У Толкина — это профессиональная имита-

ция героического эпоса, место из Калевалы или Беовульфа, где описываются герои, их чертоги и пиры.

И тут возникают законные вопросы: следует ли обвинять персонально переводчиков в том, что мы так и не прочитали настоящего Толкина, и только ли Толкина исказили и переименовали при переводе? Ведь не на свои же деньги в советское время Муравьев переводил и издавал родоначальника Фэнтези? Была еще редакция, редколлегия, профком и партком, наконец!

Почему, скажем, Пастернак переводил Шекспира и не переводил Герберта Уэллса? Текст оригинала показался интереснее? Или потому что среда считала одного достойным внимания, а второго — нет?

Думаю, что изначально фантастика и фэнтези (особенно — фэнтези) казались второстепенной литературой, а, значит, серьезные переводчики игнорировали авторов данного жанра. Требования к чистоте и точности переводов были изначально занижены — не редакциями, не издателями — учителями литературы будущих переводчиков; и именно поэтому оригиналы большинства извещеннейших теперь авторов почти никогда не соответствуют переводам, сделавшим этих авторов известными.

Конечно, метод уже подзабытого соцреализма и его преподавание в советских школах сыграли в таком отношении к фэнтези и фантастике немалую роль. Однако, корни подобного отношения к вымыслу в литературе у русских переводчиков находятся на значительно большей исторической глубине.

Не имея возможности в ограниченном пространстве одной статьи подробно развернуть нижеследующую сентенцию, я призываю уважаемого нашего читателя задуматься вот о чем: в русской литературе отсутствуют сказочный эпос.

Вернее, отсутствует традиция увязывать в одно целое разрозненные сказания. Более того, у нас существует укоренившееся пристрастие к необработанным литературно (что, почему-то, выдается за истинную старину) сказкам, собранным по заводским окраинам или глухим поселкам. Автору известны лишь два примера литературной обработки сказочного наследия, причем, один — гениальный, а второй — не очень. Это «Слово о Полку Игореве» неизвестного автора и «Повесть о славных богатырях, златом граде Киеве и великой напасти на землю русскую» Тамары Лихоталь. Вторая из упомянутых книг, будучи попыткой свести в один роман весь героический эпос русских богатырей, оказалась настолько отягощенной присутствием автора, что осталась практически незамеченной, хотя именно с нее, как с корня, могла пойти в рост отечественная фэнтези еще в 1974 году.

И что интересно: никто не сомневается, что все «легенды Древней Греции» — позднейшая литературная обработка, но они включены в обязательное литературное образование русского человека; никто не сомневается, что тексты Старшей и Младшей Эдды, не говоря уже о Беовульфе — поздние переложения и обработки скандинавских сказок, но на их основе строили свои произведения Толкин, и Желязны, и Голливуд не один десяток раз. И только наша литературная традиция отрицает саму возможность обработки собственных народных сказок и сказаний, превращения их в

единый повествовательный слой, в котором отразилось бы наконец-то все то, что ищут русские мыслители — моральная основа, национальная идея, генезис общества и все его идеалы.

Однако, свято место пусто не бывает. И отсутствие собственного эпоса замещается, мягко говоря, вольным переводом эпоса иностранного. Самый классический пример — господин Волков и его «Волшебник Изумрудного города». Без комментариев. (Автор должен отметить, что он сознательно оставляет вне рассмотрения произведения Андрея Белого, Федора Сологуба, Алексея Ремизова — русского Толкина начала века и прочих авторов «серебряных» и «золотых» дореволюционных годов).

А другой пример — не менее классический, но более печальный — перевод Кистяковского-Муравьева.

Наш сказочный героический эпос внутри нас, мы лишь не написали еще книг о нем, не перевели в буквы те образы и характеры, которые с детства сформированы в нас Кощеями, Ягами и Муромцами. Но в каждой переводной сказке образы эти вылезают из наших авторов — у кого больше, у кого меньше, в зависимости от развитости самосознания, и в формах, соответствующих их личной культуре.

И вместо эпилога. Теперь наступает время русского фэнтези — первые книги уже появились. И как только эта ветвь большой литературы (а другой литературы нет — есть внутри нее маленькие авторы) сформируется, обрстет листьями и плодами, переводная фэнтези найдет своих серьезных переводчиков, а мы, читатели, познакомимся с книгами известных нам авторов именно в том виде, в котором могли бы их прочитать на языке оригинала.

Кстати, Дж.Р.Р. действительно заслуживает честных переводчиков, ничуть не менее талантливых, чем переводчики Фриша, Кортасара, Элиота и Шекспира, и уж тем более заслуживает «академического» перевода в самой этичной по отношению к авторам серии — «Литературные памятники».

Дж. Р. Р. Толкин

Дж.Р.Р.ТОЛКИН

СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ

(«Властелин Колец», часть 1 «Содружество Кольца»)

Там зелень трав была
и долгих листьев шелест,
и цвет болиголова был
высок, изящен и чудесен.
И на прогалины лесные
ложился звездный свет, когда
Тинувиэль там танцевала
под музыку невидимых свирелей.
И звезды путались
в сетях ее волос
и в одеянии мерцали.

Но Берен с хладных гор сошел
в Эльфийский заповедный край,
где Эльфов светлая река
уносит вдаль невозвратно воды.
И там под сумрачной листвою
бродил он в одиночестве, без цели,
убитый горем и скорбящий.
И в зарослях густых болиголова
он замер в изумлении, увидев
прозрачный отблеск
золотых цветов,
ее одежды покрывавших
и осыпавшихся в траву
с распущенных волос,
за ней летящих тенью.

И сила изнуренных ног
проснулась вновь,
и он, как прежде, ловкий
к ней поспешил

сквозь заросли густые
невидимую днем тропой
из лунного серебряного света.
Но лес Обитатели Эльфийской
под крышей крон переплетенных
укрыл ее, как шорох ветра,
и он, как прежде, одинокий
продолжил путь среди стволов
высоких, строгих и молчаливых.

И часто слышался ему
звук, убегаящий в леса,
звук ног, что легче листьев лип
и чище звона родника.
Но дни ушли. Болиголов
на землю стебли уложил,
и буков темная листва
с шуршанием тоскующего вздоха
слетела вниз, подвластная зиме.

И он искал ее повсюду,
все дальше уходя в леса,
где листья лет ложатся наземь
все тяжелеющим покровом
под лунным серебром и светом звезд
холодного, мерцающего неба.
И на вершинах дальних гор
в лучах луны ловил он отблеск
ее сверкающих одежд
и серебристым колыханьем
у ног струящийся туман.

Зима ушла. И вновь она
вернулась, песней возвещая
приход весны,
как жаворонок, ввысь летящий,
как падающий с неба дождь,
в смятении вод себя перемешавший.
И вновь
увидел он эльфийские цветы,
что из-под легких ног
тянулись жадно к небу.
И голосом от горя исцеленный,
он поспешил к танцующей легко
в непотревоженных зеленых травах.

Но вновь она,
как шелест ветра, ускользала,
но он неслышно шел за ней.
— Тинувиэль! Тинувиэль! —
позвал он, по-эльфийски окликавая.
И Эльфов Дочь застыла
на мгновение.

И звуки голоса его
ее настигли, и она,
послушная судьбе и року,
легла цветком в его ладони.

И прядь волос рукою отстраняя,
в глазах ее он встретил отраженье
трепещущего света звезд.
И было так.

И дочь Высоких Эльфов,
бессмертное и чистое создание,
вокруг него обвила тень волос
серебряным мерцающим потоком,
ему на плечи руки возложила.

И дальше их вела судьба
сквозь горный камень,
серый и холодный,

сквозь мертвые железные пещеры,
и двери, что всегда во тьме,
и чащи черного паслёна.

И воды Разделяющих Морей
их разлучили, но однажды
пути их вновь сошлись
и вместе
ушли они, сплетая голоса
под крышей леса
в песне беспечальной.

Перевод О.Водопьянова
1992 г.

Рисунок Маргариты ВОДОПЬЯНОВОЙ

Антон КВАСОВАРОВ

г. Вологда

Любит иллюстрировать

Дж.Р.Р. Толкина и

произведения в стиле

фэнтези.

Гном Гимли

Без названия

Древобрад

Старый добрый Бильбо

Король и шут

Кольцо Всевластия

ИНТЕРНЕТ-ПУТЕВОДИТЕЛЬ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

ИМЯ: Арда-на-Куличках

ТЕМА: Без преувеличения можно сказать, что это основной сервер для поклонников «Властелина Колец» и иже с ними. Если вы считаете себя толкнутым 1-4 степени, то вам сюда!

АДРЕС: <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/>

арда -на- куличках

Гарцующий пончик

Байки с Игрищ

Большой Кринн-95

Вспоминает Тин из Кендермора
(Надпись на значках скелетных воинов Лорда Сота: «Хочешь умереть, спроси меня как»).

Подошла как-то к Лорду Соту (Рыжий Сакс) эльфийка и говорит: «Лорд Сот, скажите, каким словом Вы убиваете?» А тот ей плотоядно так шепнул: «Дай». Бедная девочка, зардевшись от смущения, вцепилась ему пощечину и прочь пошла с видом оскорбленного достоинства. Обалдевший Лорд Сот сначала не мог постичь такой ее реакции. И только потом до него дошло, что девочка знала только эльфийский, а по-английски не понимала.

Mad Russians

Рассказал Антон Хавторин
(Барахир)

Ситуация — лето 1997. В Финляндии игра по завоеванию Англии. К малочисленным и довольно слабым саксам попали семеро наших маньяков-железячников. А у этих финнов есть традиция: начало игры — театралка, снимает-

ся на ТВ и т.п. Наши об этом не знали... Короче, картина: подплывает драккар, с него на берег, размахивая топорами, выпрыгивают злобные норманны, а саксы, зная, что это театралка, ничего не предпринимают. И тут-то наши ребята с криком «Мать вашу, что ж вы застряли!» ломанулись вперед. В течение нескольких минут на поле брани стоит пыль столбом, потом пыль рассеивается и всем становится ясно, что Англия уже никогда не будет завоевана, ибо завоевывать ее некому... Финны сильно обиделись и наших иначе как mad russians не звали...

Июнь

Рассказал Арадан

Одинокий рыбак где-то далеко от города удит рыбу. Вдруг сзади раздается шум. Он обернулся.

Из кустов вывалился парень с табличкой на груди. На табличке было написано «хорек». Парень оглянулся по сторонам и шмыгнул в кусты.

— ?? — подумал рыбак.

В кустах раздался грохот и на тропинку выскочил человек в меховой шапке и с лыжей в руке. В другой руке он держал трубку, привязанную к доске. На груди висела табличка «охотник».

— «Хорек не пробежал?» — деловито осведомился он.

Радиоперехват

Как известно, на крупных играх Мастера обмениваются информацией по рации. Ну а частоты разных раций лежат довольно близко.

И вот однажды милиция перехватывает следующее сообщение:

«В Мандосе шесть трупов, кому нужно, забирайте».

Встреча

Идет команда. Навстречу — одинокий путник.

- Кого видим?
- Никого
- Детект мейджик! Постоянный!
- Какого уровня?
- 1-го
- Видите страшную тень, явно монстр, очень большой.
- Детект мейджик направленный! Кого видим теперь?
- Мастера!

Балрог

Балрог + 4 орка пришли к крепости Эльфов.

Вперед вышел Балрог и сказал: — Щас я вам ворота разнесу, воинов поубиваю, а с эльфийками орки займутся!

- А у нас артефактные мечи есть!
- Да? Ну, тогда не буду, пойду дальше...

Спелеология

Идет Игра в пещерах. Спелеолог-любитель идет по подземелью. Вдруг из-за поворота выходит некто с факелом, в кольчуге и с мечом на поясе.

- Т-ты к-к-кто? — поинтересовался цивил.
- Да мертвый я, мертвый!!!...

Бдительный Мир — 98

Записали Индис, Алекс, Мориол и Эрн

Сидят Тэлери на берегу, любуются морем и едят помидоры. Вдруг сзади шум. Оборачиваются, видят — Мелькор. Тэлери зывают к Валлар — те не слышат. Тэлери чертят охранные знаки — Мелькор приближается. Тэлери шепчут самые сильные заклинания — без толку. Тэлери берутся за руки и ждут неизбежного. Мелькор подходит, опирается на трость, и произносит:

- Помидор можно?
- И-и... Конечно!
- А еще можно? Там Эсте голдная...

С тех пор Тэлери знают, что Мелькор не враг, а друг Валлар.

Мирное лихолесское поселение. Вдруг часовой кричит «Балрог!» Все хватаются за оружие. Балрог подходит, и говорит: «А у вас воды нет?»

Волки

Рассказал Манул

Дело было на одной из игр в Подмоскovie. Прибегает под вечер к мастерам парочка чайников-туристов и начинает рассказывать, как к ним в лагерь ворвался огромный волк и слопал весь хавчик из котелка. (Это на самом деле была собака сторожа с дачи неподалеку. Хотя, как говорил Баграт, на волка и впрямь похожа).

Я уж не знаю, что там они мастерам с перепугу наговорили, но по всему полигону объявили тревогу, велели с наступлением темноты сидеть в лагерях и дрожать. Все, значит, сидят, дрожат. И вдруг слышат, как в темноте кто-то к лагерю идет.

Ну, все ему кричат: «Осторожно! Тут волки бегают!» А в ответ бодро и деловито спрашивают: «А сколько на них хитов?».

Как Мудрые хотели Средиземье надурить...

Рассказал Ингвалл Волшебник

Питерская регионалка, 92. Игра начиналась с большим скрипом. В конце-концов игроки разделились на два отражения: в одном (по классификации Ниэнны) — маньяки, в другом — ненормальные и астралопитки. Так вот, два брата-дегенерата, Гэндальф и Саруман, решили, что дела в Средиземье в 4-ю эпоху идут как никуда скучнее. Приходят они к нам (свободным оркам) в наш Минас Мелькор и говорят:

— Эльфы и люди затемнились и сейчас вызывают Темного Властелина!

Мы:

— Без нас???

— Вы пока собирайтесь, — говорят маги, — а мы дальше пойдем.

Пришли они к эльфам и говорят: — Люди затемнились и сейчас вызывают Темного Властелина!

Эльфы потрясают оружием и

рвутся в бой.

Маги приходят в Гондор. — Эльфы затемнились и сейчас вызывают Темного Властелина!

Маги приходят в Мордор. — Люди, эльфы и свободные орки затемнились и сейчас вызывают Темного Властелина!

Короче, на большой поляне собирается огромная толпа.

— Отдавайте Кольцо!

— Нет, это вы отдавайте!

— Нету у нас никакого Кольца!

— А как вы Властелина вызывать будете?

— Какого Властелина? ... и т.д.

Тут выскакивает король Харада (убейте, не знаю, чего он там делал) и кричит:

— Маги затемнились и сейчас вызывают Темного Властелина!!!

Успевшие отойти на пару сотен шагов Мудрые замирают, поскольку слышат многоголосый вопль, в коем звучит жажда крови и мести. Потом Саруман рассказывал, как стояли они спина к спине, держа перед собой на вытянутых руках карточки магического щита (рука устанет — щит исчезнет), и ждали неигрового мордобоя...

А я со своими уруками на большую битву опоздали, и потом над нами долго прикалывалось все отражение маньяков.

Надежда Сарумана

Рассказываем Nightwolf

Второй или третий день игры. Вечер. В Лориене, у самой границы между Лориеном и окружающим миром, сидит и дежурит эльф-лучник. А к Пределам Лориена подходит Саруман Белый и спрашивает:

— Есть ли Надежда?

Наступает тишина, лишь на лице эльфа отражается усиленная работа мысли, потому как неясно, отырыш это или «пожизненный» вопрос, и о чем вообще идет речь: то ли о надежде на победу, то ли о том, есть ли в лагере команды Лориена девушка по имени Надежда, то ли еще о чем. В конце концов Саруман не выдерживает:

— Я ж не о победе Светлых Сил! Есть надежда на пожрать?!

(Эльф, конечно, тут же просто ложится на землю от смеха.)

Невинный мальчик Саурон

Как-то раз, на Хоббитских Игрищах решили ввести понятие секса и даже «игрового изнасилования». Правила заключались в том, что женщины носили на руке браслет, особым образом завязанный. Развязал игрок узелок — значит, поимел любовь.

Так вы думаете, девушки ограничились ролью невинных жертв? Как бы не так! В племени халадинов вообще царил матриархат, и в определенное время женщины племени ходили на «любовную охоту», подстерегая в кустах подходящих потенциальных отцов и... мягко уговаривая их при помощи кинжала. Случаи отказа истории неизвестны.

А еще отличилась Турингветиль: соблазнила самого Саурона. А в решающий момент выяснилось, что великий и страшный Гортхауэр — «девственник» (то есть он не знал, «какие тут узелки-то развязывать надо»). В скором времени об этом узнали все в Ангбанде, и начальственный авторитет был сильно подорван...

О встречах с местным населением

Рассказал сержант Копыто

Уфа. XI-92. Узбаши (Росс) ведет фалангу. Вдруг замечает, как на одиноко стоящее дерево при виде их быстро лезет какой-то мужик. Звучит команда и урукхай берут дерево в кольцо.

— Мужик, ты кто? — традиционно спрашивает Узбаши.

— Я — человек.

— Ну тогда давай слезай. Убивать будем.

— ПОМОГИТЕ-Е-Е!!! МИЛИЦИЯ-Я-Я!!!! — истошно вопит перепуганный дачник и пытается забраться выше.

Екатеринбург, XI-93

К лагерю пристает моторка, из нее выгружаются двое подвыпивших «братков». Начинается традиционный базар аборигенов с игроками: «Кто такие, да че делаете в нашем лесу?». Им квалифициро-

ванно объясняют о творчестве Профессора, ролевых играх и т.д. Мужики дуреют, а потом вдруг начинают проситься поиграть. Нашим, конечно, прикольно, но неизбежных напрягов в игре с такими волонтерами никто не желает. Ну и говорят:

— У вас же подготовки нет, да и оружия тоже...

— Как это нет? — удивляется один — вот у него двустволка в подке, а я подвесной мотор сниму...

Почему затонул Нуменор

Рассказал сержант Копыто со слов Бориса-Хэлнора (Тюмень)

В 1992-93 гг. в России крайней популярностью пользовался спирт «Рояль». Собрались тюменцы-мастера на регионалку «Нуменор», а дабы греться, взяли да купили этого самого «Рояля». В объеме рюкзака. Первый день мастера еще сдерживались. Но на в второй!

...Эльфы изрядно были изумлены нападению недавно убитых ими орков, которые передвигались теперь почему-то исключительно прыжками и не реагировали на удары. В традиционно возникшей разборке выяснилось, что это, оказывается, не орки, а мишки-гамми. И пока прыгают — неуязвимы.

На третий день уже никто не удивлялся появлению в Нуменоре лягушки-убийцы, ходившей только на карачках (бедный игрок) и убивавшей ударом языка (отыгрывалось кнудом).

Финальное утопление Нуменора было воспринято с нездоровым энтузиазмом, облегчением и полным пониманием гнева Эру.

Кольцо Всевластия

Рассказывает сержант Копыто со слов Стефана

В Кр-ске на одной из регионалок у мастеров под конец игры сорвало крыши. И решили они выйти и, значит, тоже поиграться. А вот кем выйти? Одного прибило — хочу, мол, Гэндальфом и никаких! Ему говорят: «У нас Игра-то по русским сказкам, какой, на фиг, тебе Гэндальф?» А в ответ:

— ХОЧУ, ХОЧУ, ХОЧУ!!!!

— А я — говорит другой мастер — буду тогда Кольцом Всевластия!

И сворачивается в этакое колечко вокруг бутылки спирта (с которой собственно все и началось). Ну раз такое дело, голосованием выбрали Фродо, Сэма и других.

...Теперь представим ночь. Тревожные костры под Киевом. Из леса вываливает толпа мужиков и дам в кольчугах. Кого-то несут.

— Стой, кто идет?

— ГЭНДАЛЬФА-А-А УБИЛО В МОРИ-И-И!!!! — и мощные рыдания.

В Киеве потрясенное молчание.

А Леголас уже стучит в ворота и орет:

— Отворить, именем Элронда! Вот он — Ородруин! — и на костер указывает.

— Я не могу нести эту ношу, она гнетет меня к земле, — хрипит Фродо, по-жизни заколебавшийся тащить «Кольцо» на плечах.

— Хозяин, давай я его понесу, — очень натурально предлагает Сэм.

Киев испуганно начинает строить фалангу.

— Нет, я его брошу в кратер, — сипит Фродо и на подгибающихся ногах бежит к костру.

— Э! — кричит Кольцо, — это еще не Ородруин! Я не согласен!

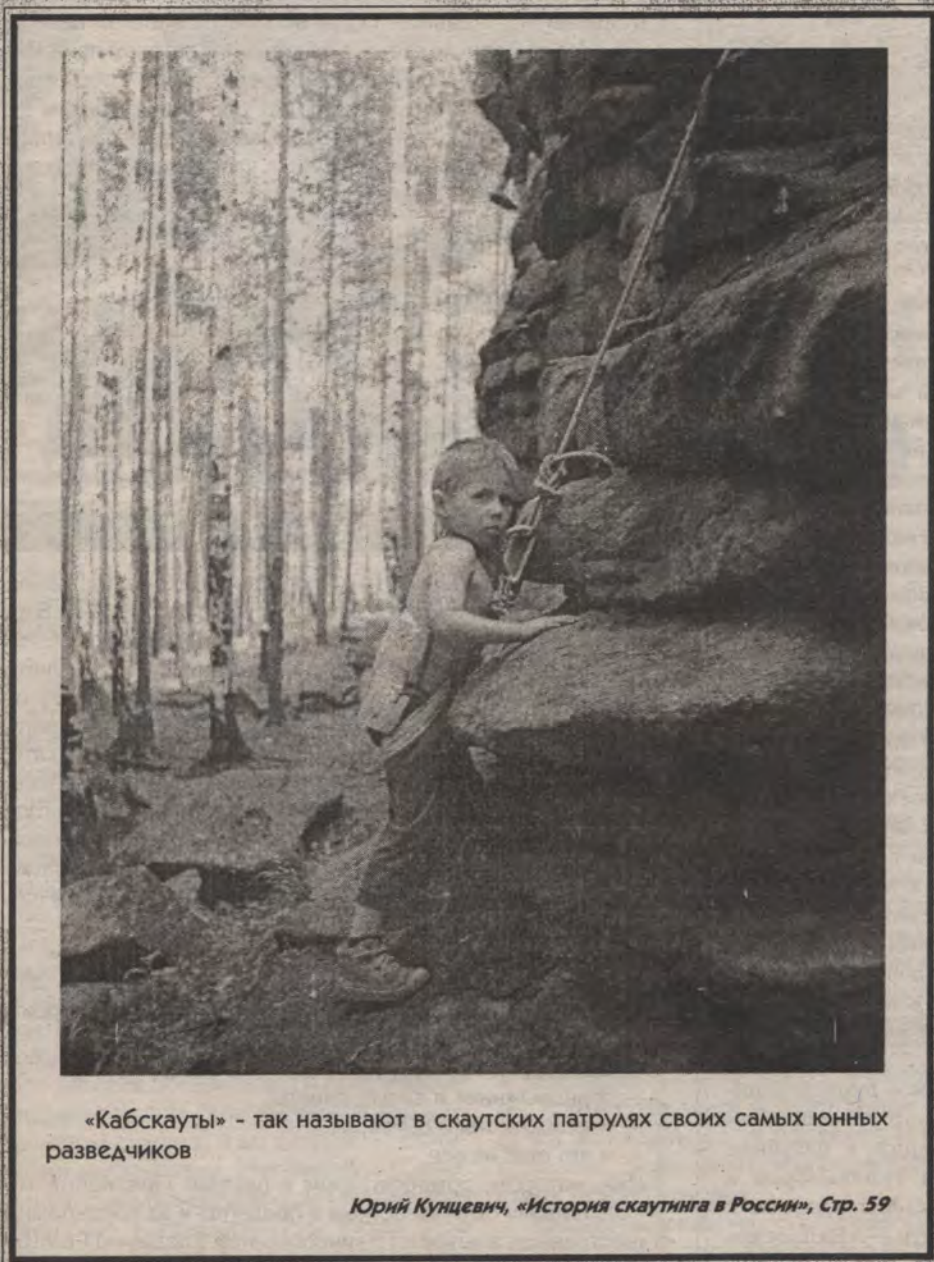
— Тогда разделим ношу на всех, — предлагает Сэм, вытаскивая кружку...

...Некоторое время спустя пущырь сухого вина в Западной Сибири называли не иначе как «эльфийское кольцо», крепленого — «гно-мье», водки — «назгулье», а спирта — «Кольцом Всевластия».

"Хоббитские Игрища - 2000"

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

«Кабскауты» - так называют в скаутских патрулях своих самых юнных разведчиков

Юрий Кунцевич, «История скаутинга в России», Стр. 59

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА:

Новости	-----	стр. 54
Валерий НЕСТЕРОВ «Детские организации и организации для детей»	-----	стр. 55
Юрий КУНЦЕВИЧ «История скаутинга в России»	-----	стр. 59
Владимир СТЕПАНОВ «Рубикон Леонида Никитина»	-----	стр. 62
Проекты «Уральского следопыта»	-----	стр. 64
Валерий ПЕРШИН «Экспедиция «Лхоцзе-2000»	-----	стр. 65
Михаил АЗЁРНЫЙ «Каких-то» сто лет...». (Продолжение)	-----	стр. 68

НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ СОРНЯК НЕ РАСТЕТ

Не надо далеко ходить. Достаточно выехать за город, отшагать километра два от замусоренных обочин междугородних трасс и посмотреть под ноги и вокруг. Здесь совсем другая трава и другие цветы. Здесь нет пыльной крапивы, и даже репейник, промытый дождем, цветет ярче садовых роз.

Мы слишком много говорим о деньгах, о бюджете и финансировании, полагая, что наши дети — цветы нашей жизни — нуждаются именно в них. Как будто жизнь не учит, а природа не подсказывает: выращенные на подоконниках и в оранжереях растения одинаково беспомощны как перед сорной травой городов, так и перед сквозняками лесов и полей.

Роберт Баден-Пауэлл, основавший скаутское движение (см. «УС» 1'2000), в 1907 году принял самое простое и до сих пор верное решение. Он не стал обивать пороги английского парламента и не стал обвинять в безразличии к детям власть предержащих и имущих. Он просто вывез детей своих друзей и знакомых из пыльного, дымного Лондона и прожил с ними вместе в палатках и под открытым небом всего лишь один месяц.

Мы пишем о дурном влиянии улиц, об отсутствии детских организаций, о пагубном воздействии телевизоров и компьютеров... Мы взываем к обществу — «Нашим детям некуда пойти!» Дешевый самообман, призванный лишь оправдать собственную лень. Пойти есть куда... Вот только не с кем.

И не надо далеко ходить. Достаточно выехать за город и отшагать со своим ребенком километра два...

Китайцы продолжают удивлять мир глобальностью своих проектов и многочисленностью людей к ним привлеченных. Пробразом очередного «проекта века» стала Великая китайская стена, несколько столетий защищавшая Поднебесную от набегов северных кочевников. Новая Великая стена, к возведению которой привлечено 130 млн. добровольцев и рабочих, будет представлять собой систему лесозащитных полос, которые преградят дорогу пустынным суховеям. Общая площадь новых лесопосадок займет до 40 % территории Китая. Учитывая трудолюбие китайцев, в успехе экологического чуда можно не сомневаться.

ПРОЕКТ - 2000

Почти позабытый лозунг пролетариев об объединении подхватили уральские туристы и экстремальные спортсмены. В феврале этого года в Екатеринбурге начался глобальный процесс объединения всех клубов, обществ, товариществ и просто физических лиц, предпочитающих активный отдых на дикой природе пассивному прозябанию в многозвездочных отелях и на комфортабельных курортах. Процесс близок к завершению, и к выходу этого номера в г. Екатеринбурге будет зарегистрирована Общественная организация «Ассоциация «ЭКСТРЕМ», объединяющая почти все имеющиеся на сегодня клубы, занимающиеся экстремальными видами спорта и туризма. В их числе:

- Федерация альпинизма и скалолазания Свердловской области и Екатеринбургский городской клуб альпинистов «Урал» (см. «УС» 10'99, 01-02'2000);
- Екатеринбургский городской клуб спелеологов (см. "УС"10'99);
- Уральский "Клуб приключений" (см. «УС»11'99) — дайвинг;
- Водный клуб Уральского государственного университета;
- Городской пейнтбольный клуб (см. «УС» 03'2000);
- джиперы и байкеры (см. «УС» 11-12'99);
- горнолыжники и сноубордисты;
- парашютисты и бейсеры;
- и это еще не все.

Инициатором, организатором и первым Президентом Ассоциации «ЭКСТРЕМ» стал известный в пределах и за пределами России путешественник, альпинист и кинооператор Владимир РЫКШИН (см. «УС» 12'99). В планах ассоциации — создание единой информационной базы по туристическим маршрутам и услугам, единой службы рекламы и пропаганды экстремального спорта и туризма, туристического агентства «ЭКСТРЕМ», видеотеки видовых и экспедиционных фильмов, клубного бара для членов ассоциации и их друзей, поддержка экспедиционных проектов и проведение соревнований и фестивалей. Базовыми периодическими изданиями, освещающими работу ассоциации и деяния ее членов, станут региональная газета «Спорт-Аншлаг» и российский журнал «Уральский следопыт».

НЕСТЕРОВ Валерий Вениаминович

Министр общего и профессионального образования Свердловской области. Родился 16 декабря 1943 г. в Свердловске. В 1979 году окончил Челябинский государственный педагогический университет, специальность — учитель истории и обществоведения.

Заслуженный учитель школы РФ, кандидат педагогических наук, доцент, действительный член Академии социального образования и Международной Академии наук Педагогического образования. После окончания школы до службы в армии работал старшим пионервожатым школы № 65.

ДЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Никто в мире не может сравниться с нами по масштабу, охвату и организации детских движений, по опыту педагогического руководства, а правильнее сказать — управления детско-юношескими организациями на основе соответствующих директив. И сегодня мы достаточно часто слышим: надо восстанавить, возродить; как было хорошо, а самое главное, как удобно было управлять всем этим.

Язык наш велик и могуч, могуч до такой степени, что, нарушая практически все каноны и нормы языка при построении предложения, мы все-таки умудряемся понимать друг друга. Эта наша простота порождает много лукавства. К примеру, мы говорим «детский театр», имея в виду как, скажем ТЮЗ, так и театр Наталии Сац. Но на самом-то деле ТЮЗ — это театр для детей, а театр Наталии Сац — это именно детский театр, и разница принципиальная: в одном месте дети — зрители, а в другом — актеры.

Нечто подобное у нас и с детскими организациями. Существуют детские организации и организации для детей. В первом случае дети являются подлинными действующими лицами, а во втором — статистами, объектами воздействия. Нет никаких сомнений в том, что и те, и другие организации имеют право на существование. К примеру, если какая-либо группа добровольцев объединяется и создает «Лигу борьбы с детской беспризорностью», то понятно, что дети в ней неизбежно участвуют, но это не детская организация, а организация для детей. Когда, скажем, где-нибудь в подъезде возникает негласный и юридически не оформленный «клуб друзей нашего двора», то это, безусловно, детская организация. Я несколько не утрирую, ибо, если не подменять понятия, то именно такое сообщество во много раз ближе к существу «детской организации», чем большинство бывших и ныне здравствующих.

Если говорить о педагогическом опыте по поводу, условно говоря, «подъездных» организаций или сообществ, то он в подавляющем большинстве носит «разгонный» характер, поскольку зиждется на абсолютном убеждении, что «ни для чего хорошего они там собираться не могут». Однако, все это было, есть и будет до той поры, пока мы не попытаемся изучить явление, понять причины, его вызывающие, не хватая объяснений с поверхности, объясняя все подряд экономическим кризисом, хотя и сами мы, и наши дети в более благополучные времена «тусовались» по подъездам и дворам, по выражению Розова, «в поисках радости», в поисках общения. Пока не поймем этого, будем способны только на организацию рейдов по вылавливанию, на крупномасштабную борьбу с собственными детьми и на выдумывание все новых и новых форм «охвата и организации». На заре демократических преобразований была слабая попытка услышать этот самый подъезд в телепередаче «Лестница». Ребята заговорили, а мы опять испугались и опять стали призывать друг друга вытащить их из подвалов и подъездов. Но, возможно, они и сами при определенных обстоятельствах выйдут оттуда?

Обращусь к нашему опыту работы с такими организациями, как пионерская. Это была детская организация или организация для детей? Данный случай подпадает под все юридические характеристики общественной организации — добровольного, самоуправляемого, некоммерческого формирования, созданного по инициативе участников, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе. Вспоминая историю Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, мы можем с натяжкой сказать, что с февраля 1922 года на Красной Пресне и

до 19 мая этого же года первичные признаки общественной детской организации в этом движении присутствовали, а дальше начинается стремительный процесс превращения детской организации в организацию для детей. Несколько широко известна цитата: «По поручению партии руководит работой пионерской организации — комсомол», «в советской школе учитель — умелый организатор пионерского коллектива...». Это теория. Практика, как известно, дает еще более яркие образцы «добровольности», «самоуправляемости», «изъявления интересов». Кто определял, быть или не быть ребенку пионером, тематику и содержание сборов, кто готовил тексты выступлений и литмонтежей, вызывающих радостное умиление у самих же авторов? Все это не так страшно, если существует некая альтернатива для ребенка, право выбора. Однако мы имели дело с единственно возможной формой организации, носившей тотальный характер, и при всех добродетельных сторонах дела, которые мы не пытаемся отрицать, оказывались участниками и носителями самого тяжкого греха, который возможен в педагогике: психологического давления на ребенка. Возьмем только один факт: в 10-12 лет, т.е. в том возрасте, когда ребенок чрезвычайно дорожит складывающимися отношениями с товарищами, их отношением к себе, когда начинается процесс внутреннего становления личности, ему объявляют: ты не будешь принят, ты не достоин. Не каждый взрослый способен перенести такое унижение. Этот факт мог многое определить во всей жизни человека. И это на фоне добровольности и благих целей организации.

Нельзя не обратить внимание и на полувоенную структуру организации: звено, отряд, дружина, строй, рапорт, хоровые заклинания и т.п. Дело даже не в организации по принципу: взвод, рота, батальон. Это, наверное, допустимо при условии общности интересов. Класс, тем более школа, — искусственное, формальное объединение детей, поскольку основной фактор этого объединения — место жительства. Но именно класс становится отрядом, школа — дружиной, а звено — просто, как правило, ряд парт. Смысл же добровольной организации — в общности интересов ее участников. Трудно представить такое совпадение, когда тысяча собранных без отбора детей, вдруг оказались носителями одного и того же интереса.

В начале 90-х годов в области прошла конференция по проблемам внешкольных учреждений. Конференция была довольно острой: по существу это было первое обсуждение перехода от внешкольных учреждений к юношеским клубам свободного общения с необходимой отработкой цивилизованных клубных традиций: членства, правил, участия в создании и управлении с последующим развитием таких подструктур, как клубы по интересам, дополнительного образования, ставших сегодня общепринятыми. Идея дополнительного образования, каза-

лось нам тогда, а сейчас мы в этом просто убеждены, — наиболее педагогически грамотным способом возникновения и развития детских и юношеских объединений, товариществ и организаций, в том числе в условиях общеобразовательных школ и учреждений начального профессионального образования. Такой подход позволяет избежать главных зол: заорганизованности, давления «взрослых», иногда тешащих только свое самолюбие, политизированности и партийного ангажирования детских объединений. К сожалению, тогда эти идеи были восприняты не многими и только частично, основные силы были потрачены на переименование «вывесок», но и здесь долгие поиски закончились тем, что вместо «Дом пионеров» появилось банальное «Дом творчества». Появление же организаций, практически стопроцентно воспроизводящих клише предыдущего периода, вряд ли можно назвать движением вперед. Политическая ангажированность, некая «эмоциональная конъюнктура», занятость всех возможных должностных мест в организациях взрослыми, а иногда и солидно взрослыми людьми, попытки использовать экстремизм молодости и т.д., за очень редким исключением — это то, что успело вырасти, а иногда, судя по проявлениям «лимоновцев» и «баркашовцев», и махрово зацвести.

И все же постепенно решалась проблема осознания педагогами факта отсутствия в стране детских общественных организаций. Мы имеем теперь возможность вернуться к проблеме детских организаций в образовательных учреждениях как к педагогической проблеме. При этом возникает одно принципиальное обстоятельство, которое отличает нашу деятельность от работы тех, кто создает масштабные детские организации и движения. Мы должны понимать и помнить, что возрастное, природосообразное объединение детей в группы и сообщества происходит на совершенно иных основаниях, чем это бывает у взрослых, и поэтому мы не можем подменять педагогический процесс юридическим. В этом смысле важно понимать некорректность педагогического употребления термина «общественное объединение» или «общественная организация».

Мы любим повторять (неизбывная любовь к лозунгам — чуть ли не национальная наша черта), что все мы родом из детства, и тепло вспоминаем свое детство, но в нашей профессиональной деятельности не всегда поднимаемся до признания факта реальности этого мира, уважения к его существованию, и очень часто заставляем ребенка жить в двойном мире: своем, детском, подростковом, и взрослом. Признание существования мира детства, принятие его таким, как есть, погружение в него (как способ педагогической деятельности), способность принимать его диалектику и одновременно воздействовать на него — основополагающее условие участия педагога в общественной жизни детей.

Чего мы хотим и к чему призываем? Начнем от обратного: мы не призываем педагогов и образова-

тельные учреждения заняться организацией и педагогическим сопровождением массовых общественных движений детей и подростков в масштабах городов и весей, тем более — каких-либо политических или политизированных движений, что нам, кстати, запрещено законом. Мы не призываем педагогов к попыткам формулировать какую-то общенациональную идеологию. Какую еще консолидирующую идею, кроме идеи хорошего общего и профессионального образования, нужно выдумать для молодежи?! Будь образованным, квалифицированным, будь гражданином — это и есть серьезная и реальная надежда на нормальную жизнь. Вот консолидирующая идея.

Нередко мы слышим от людей, считающих себя крупными специалистами в педагогике и особенно — в понимании проблем патриотизма, что школа перестала заниматься воспитанием и «ударилась» в образование. Кстати сказать, лозунг «Возродим пионеров и комсомольцев» также возникает в среде людей, убежденных, что стоит одеть всех в галстуки и начать воспитывать, как раньше, и все будет хорошо. Они наивно убеждены, что воспитывать — это значит произносить назидания и проводить мероприятия, лучше с барабанным боем.

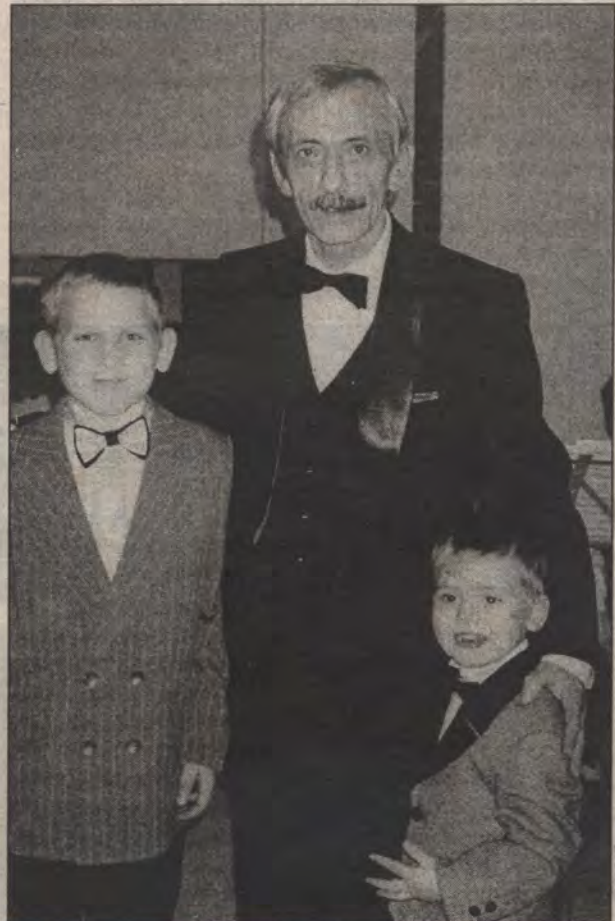
Мы тоже за воспитание. Но мы признаем и такое понятие, как семейное воспитание, то есть право семьи на сохранение своих устоев и традиций, системы отношений между членами семьи, когда они не входят в противоречие с правами человека. Мы признаем такое понятие, как общественное воспитание, то есть необходимость принятия отдельным человеком порядка и правил, выработанных этим обществом, если эти правила не входят в противоречие с правами человека. Мы признаем воспитание как личностный процесс, когда сам человек ставит себя в определенные условия и требует от себя их соблюдения. Мы признаем воспитание и как процесс по отношению к школе, но только как субъективный процесс.

Недавно я был в одной из национальных татарских школ Нижнесергинского района. Думаю, что видел определенный образец такой работы с детьми. Мы все хорошо понимаем, что одно из самых больших зол — оторванность от корней: человека, не знающего своих дедов и прадедов, вряд ли можно назвать образованным, особенно, если предположить, что этимология словообразования связана с осенением человека иконой с ликом господним, т.е. приобщением к общему земному существованию. Конечно, мы говорим на уроках о корнях, о связи времен. Понятно, что больше учебное время сделать не позволяет. В школе же, о которой я говорю, это стало предметом глубокого общего интереса, предметом общения и объединения. Учитель, «подбросивший идею», вместе с детьми погрузился в нее, как и его ученики, попытался восстановить свое генеалогическое древо.

Если мы хотим достичь успеха в деле передачи

предыдущего опыта человечества новому поколению, в том числе опыта нравственности, морали, культуры, который, будучи добровольно воспринят человеком, становится его воспитанием (равно как может стать воспитанием и отторжение, отрицание его), то должны понять, что воспитание (как часть и результат образования) — это такая форма отношений, когда обе стороны верят друг другу, не ждут подвоха и обмана, на равных воспринимают аргументы, их позиции уравновешены, т.е. выстраиваются отношения существ, наделенных в равной степени сознанием и волей. Если же один для другого — объект назидания, это не воспитание, а зомбирование. На фоне воспитания ребенка как «объекта воспитания», странно слышать вопросы: «Откуда у нас «дедовщина» в армии?» и призывы с ней бороться. Формировать некую мораль, воспитывать нравственность методом принуждения — значит, сеять зубы дракона, культивировать «дедовщину» в самом широком смысле в масштабах страны.

Задача в том, чтобы стремиться к достижению

*В.В. Нестеров с воспитанниками Полевского детского дома Бурлюком Костей и Полушенко Лёней на губернаторской ёлке в резиденции губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя.
Январь 2000 года.*

высшего педагогического мастерства: способности погружаться в особое возрастное состояние; понимать этот особый мир изнутри; каждый раз заново проходить вместе с детьми все возрастные коллизии в качестве равного субъекта, а не стороннего наблюдателя; не просто признать, а сделать сущностью своей педагогической деятельности тот факт, что перед ним не кусок сырого материала, не внешний предмет деятельности, а такой же субъект, существо, наделенное сознанием и волей. Такие педагоги у нас есть, и их немало, они способны, независимо от собственного возраста, оставаться понятыми и признанными лидерами в детской и подростковой среде, именно от них добровольно и осознанно воспринимается нравственный опыт, благодаря им формируется совесть, воспитывается личность.

Понятно, что такое погружение при урочной системе, особенно для среднего и старшего уровня, очень затруднено, практически невозможно. Мы ведем речь о той части деятельности педагога, которая связана с детскими клубами, объединениями, союзами, обществами, т.е. не преподавательской, а педагогической деятельностью. Конечно, нет и не может быть принципиального разрыва между тем, что происходит на уроках и в свободное от них время в школе или училище, поскольку все это образовательный процесс.

Урок — классическая форма. Но даже если мы имеем высокий уровень обобщенности до области знаний и целостной образовательной программы, уроки все равно представляют собой некий калей-

доскоп сведений, разных сторон опыта человечества. Эти сведения не только не успевают стать достоянием, но просто нет возможности их осмысления, тем более — обобщения. Нужно время, место и предрасположенность, т.е. условия, чтобы все, что осталось недосказанным, все, что сформулировалось как явные или тайные вопросы, сомнения, возражения, неуверенность и убежденность — все это выплеснулось, было обсуждено, развилось или закрепились как достояние отдельного человека. Другими словами, нужно общение в других обстоятельствах, не формальных, никак не напоминающих урок с его неизбежными назидательными элементами. Важна ли при этом форма организации? Да, конечно! Но как следствие понятых и принятых общественных потребностей даже самой маленькой группы детей и подростков, как выражение их согласия с такой системой отношений, таким проявлением формы.

Только такой путь педагогического осмысления нашего участия и нашей роли в детской общественной самодетельности и для учреждений дополнительного образования, и для всех тех взрослых, кто уже как-то подвизался на ниве детских движений. Путь не прямого выхода на животрепещущие социальные, экономические и даже политические проблемы страны, а через природосообразный процесс передачи, осмысления, принятия и развития опыта человечества педагогическими средствами, основанными на возрастных особенностях детей и подростков, позволит прийти к гражданскому обще-

Губернатор Свердловской области Э.Э. Россель, министр образования Свердловской области В.В. Нестеров с преподавателями и воспитанниками Кадетской школы-интерната Качканарского профессионального училища. Апрель 1999 года.

Юрий КУНЦЕВИЧ

ИСТОРИЯ СКАУТИНГА В РОССИИ

Когда-нибудь социологи будущего будут изучать историю развития этого движения детей и молодёжи. И они определят, почему именно Баден-Пауэллом в 1907 году был сделан революционный переворот в идеологии и во всей системе воспитания детей и подростков.

Баден-Пауэлл обладал двумя важнейшими качествами педагога, что и выделило его талант: умением понимать детей и умением прививать любовь ко всему, чему он учил. Как же возникло Скаутское Движение? В Англо-бурской войне (1899-1902 годы) Баден-Пауэлл очень успешно обучал английских новобранцев, чем снискал себе славу национального героя. Потом он решил всерьёз заняться воспитанием молодёжи.

Летом 1907 года на острове Броунси в Великобритании Лорд Баден-Пауэлл собрал 20 мальчиков из самых разных семей — разных по достатку и уровню жизни (всё это были дети его знакомых и друзей). По прибытии в лагерь дети расположились в палатках (такого ещё не бывало в их жизни). Каждый из ребят должен был как-то отличиться в походном искусстве, например проявить выдержку, дисциплину, наблюдательность, научиться помогать другим. Этот лагерь был «полигоном» для испытания будущей скаутской формы (знаков отличия). Все скауты (а это были именно первые скауты) жили в патрулях — маленьких группах по 4-5 человек, и каждый патруль носил на плече шерстяной узел своего цвета (например «волки» — голубой, а «львы» — жёлтый). У всех мальчиков был латунный знак — лилия, который они носили на груди (символ всех скаутов). Как только скаут проходил испытание, ему выдавался свиток с надписью «Будь готов!» (девиз всех скаутов) и прикреплялась ещё маленькая лилия. Если скаут достигал высоких результатов, то ему выдавался галстук цвета хаки.

Испытания у скаутов были самые разные: они вязали узлы, учились разводить костёр с одной спички, ориентироваться на местности, играть в спортив-

ные игры. Скауты во многом соревновались патрулями, а вечером все садились у костра, пели песни и рассказывали истории. Так в Англии зародились основы скаутинга. Он быстро стал набирать популярность. Пришёл в США, Францию, Австралию, Голландию, Данию, Швецию и, наконец, в 1910 году — в Россию.

Начинателями скаутского движения в России были одновременно и независимо друг от друга сразу два человека: в Царском селе — полковник Олег Иванович Пантюхов, а в Москве — ротмистр Захарченко. Как тот, так и другой, заинтересовавшись своеобразной организацией скаутов в 1910 году посе-

Авторы скаутской программы «Служба спасения»
Наталья СЕДАНОВА и Дмитрий РЫЖОВ.

Переправа — это серьезно...

тили Англию, а Пантюхов ещё и Голландию, Данию и Швецию. Вернувшись из-за границы, они с величайшим энтузиазмом принялись за организацию скаутских отрядов в Москве и в Царском Селе.

В 1911 году вышла в свет книга Пантюхова «Бойскауты», а ещё через год — перевод книги Баден Пауэла «Русский разведчик». В это же время в Петрограде в одной из гимназий возникает «Легион юных разведчиков», организованный Янчевецким и команда юных разведчиков, организованная Пантюховым и Петровым. «Легион» скоро прекращает своё существование, а команда юных разведчиков преобразуется в первый Петроградский отряд юных разведчиков при организации «Русский скаут», во главе которого становятся вице-адмирал Бострем и О.И.Пантюхов.

В Москве, по примеру северной столицы, организуется «Общество содействия организации юных разведчиков», принятое под покровительство императрицы (жены Николая II Елизаветы). Статьи и заметки в журналах о скаутах всколыхнули российскую провинцию. Скаутские отряды были организованы в Саратове, Астрахани, Батуми, Перми, Ставрополе, Одессе, Киеве. Возникали эти отряды в

основном при учебных заведениях. Очень большая организация была в Киеве под покровительством видного спортсмена Анохина. В 1915 году в том же Киеве возник первый в России отряд разведчиц, за первый же год своего существования достигший численности 130 человек. Девочки дополнительно к общей скаутской программе обучались кулинарии, цветоводству, уходу за детьми. Несмотря на некоторое недоверие, отряд этот стал очень популярен. В Петрограде вскоре возникла подобная организация. А в 1915 году состоялся первый в России съезд скаут-инструкторов. На этом съезде были освещены многие важные вопросы: объединение скаутов во Всероссийский Союз, скаутская пресса, педагогические вопросы.

В конце 1980-х годов началось возрождение скаутинга в СССР, а потом и в России. Всероссийская Объединённая Скаутская Организация Движения (ВОСХОД) была учреждена в 1989 году, зарегистрирована в 1997 году. Туда входит более 4000 скаутов и около 200 скаут-руководителей. Штаб-квартира находится в Екатеринбурге.

В ВОСХОДЕ существует несколько программ работы со скаутами: проведение скаутских лагерей, участие в службе спасения, занятия различными видами спорта, программа «Телефон доверия», культурная программа.

В России в настоящее время существует три организации. ВНСО — Всероссийская Национальная Скаутская Организация, НОРС-Р — Национальная Организация Российских Скаутов Разведчиков и наша организация ВОСХОД.

Россия на сегодня — 20 января 2000 года не входит в ВОСД (Всемирная Организация Скаутского Движения). Но российские скауты поддерживают постоянный контакт со скаутами ВОСД. Начиная с 80-х годов, скауты совершают поездки друг к другу на слёты и другие мероприятия. Зарубежные скауты первыми откликнулись на трагедию в Чернобыле и оказали помощь детям Армении после землетрясения.

Замок скаутов в Германии.

Роберт Баден-Пауэлл

Из книги «Наука выживания для скаутов» (Издание «Русская скоропечатня», Спб., 1911)

ПРИСЯГА РАЗВЕДЧИКОВ

Прежде чем стать разведчиком юноша должен принять присягу в следующей форме:

«Честным словом обещаю, что:

- 1) Буду исполнять свой долг перед Богом и Государем.
- 2) Буду делать все от меня зависящее, чтобы помогать близким, чего бы это мне ни стоило.
- 3) Знаю закон разведчиков и буду ему повиноваться».

Принимая присягу, разведчик должен стоять с рукой, поднятой до уровня плеча ладонью вперед, большой палец должен касаться ногтя согнутого мизинца, остальные три пальца — прямо, концами вверх.

Это же перстосложение употребляется при отдавании чести и также является тайным знаком разведчиков.

Когда рука поднята до уровня плеча — это называется «Половинный Салют»; когда же она поднята к козырьку — «Полный Салют».

САЛЮТ РАЗВЕДЧИКОВ И ТАЙНЫЙ ЗНАК

Три пальца, поднятые вверх (как три оконечности значка разведчиков), напоминают разведчику о трех обещаниях, данных им при присяге:

- 1) Почитать Бога и Государя.
- 2) Почитать ближних.
- 3) Повиноваться закону разведчиков.

Когда разведчик встречает другого первый раз в течение дня, будет ли то его товарищ или посторонний, он салюует ему тайным знаком в полсалюта.

Полным салютом он салюует офицеру, то есть вожатому и старшине, а также всем офицерам армии, флота и полиции в форме.

Таким же самым салютом он салюует при поднятии национального флага, полковым знаменам, при исполнении национального гимна и при встрече с похоронами.

Разведчик, имеющий звание «Волка», пользуется правом делать знак, выставив большой и указательный пальцы и пригнув остальные.

Как-то раз один человек мне заявил, что «он свободный гражданин и не хуже других и ни за что не поднимет пальца в знак отдавания чести так называе-

мым «старшим», что «он им не раб» и т.д. В нем был холопский дух, часто встречающийся среди людей, не приученных быть разведчиками.

Я с ним не считал нужным спорить, но мог бы ему сказать, что он совершенно превратно понимает значение салюта.

Салют — это просто знак, которым обмениваются люди известного положения. Это известное преимущество иметь право салютовать кому-нибудь*.

В рыцарские времена все свободные люди имели право носить оружие и, встречаясь друг с другом, они поднимали правую руку, чтобы показать, что она не вооружена и что они встречаются друзьями.

То же делалось, когда вооруженный человек встречал беззащитного или даму.

Рабы и крепостные не имели права носить оружие, а потому должны были проходить мимо свободного, не делая никакого знака.

В наше время люди оружия не носят, но, тем не менее, те, кто в былое время имел бы право его носить, как, например, рыцари, оруженосцы, воины и вообще всякий, имеющий собственность или добывающий себе свободное пропитание, продолжают салютовать друг другу, прикладывая руку к шляпе или даже снимая последнюю.

Дармоеды не имеют право салютовать, поэтому должны проходить и обыкновенно проходят, не замечая свободного человека или человека, зарабатывающего себе пропитание трудом.

Салют просто обозначает, что вы порядочный человек и доброжелательно относитесь к другому; в этом нет ничего рабского.

Если посторонний сделает вам знак разведчика, то вы должны тотчас ответить ему тем же и затем подать ему левую руку. Если после этого он вам покажет свой значок и докажет, что он разведчик, то вы должны отнестись к нему как к сотоварищу и помочь ему, чем можете, если это ему понадобится.

* Надо объяснить, что и в армии принят этот же прием приветствовать друг друга или отдавать честь старшему начальнику. — Прим. ред.

Владимир СТЕПАНОВ

РУБИКОН ЛЕОНИДА НИКИТИНА

От судьбы не уйдешь. Не ушел и Леонид Никитин, с детства став инвалидом. Диагноз — церебральный паралич. Но при всем при этом он:

- 3-кратный чемпион Всемирного зимнего спортивно-культурного фестиваля;
- призер чемпионата Европы по лыжным гонкам;
- 12-кратный чемпион России по лыжным гонкам среди инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата;
- победитель и 4-кратный призер чемпионата России в беге на средние дистанции;
- 5-кратный победитель в велогонке «Тур-Пайпер»;
- был кандидатом в сборную России на Паралимпийские игры в Нагано, но не поехал ввиду того, что на играх не было группы с его заболеванием.

«НЕ ХОЧУ ИЗ-ЗА ТЕБЯ СЕСТЬ В ТЮРЬМУ»

...До 13 лет Лёня, живший в Сысерти, сопровождал на тренировки всех знакомых ребят. К нему уже привыкли и знали, как самого преданного зрителя. Он вел глазами каждого из участников от старта до финиша. И очень хотел, чтобы ему тоже разрешили тренироваться вместе со всеми, чтобы ребята приняли его в свою среду, и тогда он будет самым счастливым человеком на свете.

Наконец, Лёня решился, пришел на стадион с сумкой, где лежали кеды, майка и спортивные трусы. Друзья, вмиг переодевшись, убежали. Лёня долго завязывал шнурки. Справившись с ними, подошел к тренеру, нараспев сказал: «Можно я буду тренироваться?» Тренер от удивления вытаращил глаза. Знал он этого щупленького, дергающегося телом паренька. Ходит чуть боком, речь порой не очень связная, сразу и не разберешь. «Это не для тебя», — твердо сказал тренер и отвернулся.

Леонид сел на скамейку. Молча плакал. Не только от обиды. Не знал, что скажет родителям. Дело в том, что в семье Никитиных было правило: крупные покупки обсуждались на семейном совете. И когда Лёня попросил для себя спортивную экипировку, совместно решили — приобрести ее на мамину зарплату. И теперь, когда ему отказали, он сильно переживал, что семья зря потратила на него деньги.

Уже давно опустел стадион, наступили сумерки, когда Леонид вернулся домой. Сразу пробрался в свою комнатку и зарылся в постель.

Вместе с ним тяжело переживали и родители. Но отец успокаивал сына: «Ну что ты растерялся, этот не взял, ты иди к другому, другой не взял, иди к третьему...» Через несколько дней на стадионе все вновь увидели знакомую фигурку. Леонид тыкался от одного тренера к другому. Ему отвечали: «Я не хочу из-за тебя в тюрьму попадать». Или прямо: «Инвалидов не берем». Это был конец 80-х — в нашей стране инвалидов вообще официально как бы не существовало. А чтобы взять такого человека в секцию — и речи быть не могло.

УПАЛ-ОТЖАЛСЯ

Наступила зима. В подвале одного из соседних домов размещались женская и мужская секции по лыжам. Всякий раз, когда спортсмены шли на лыжную трассу, Лёня сопровождал их. С горящими глазами наблюдал, как лихо они мчат по лыжне. Не-

сколько раз подходил к тренеру ребят, но все безрезультатно, а однажды услышал: «Иди — и чтобы я тебя больше не видел».

И надо же такому случиться, пожалел мальчишку тренер девочек Сергей Михайлович Беляев. Он знал всю его историю. Как-то обнял его и сказал: «Не плачь больше, будешь у меня тренироваться».

Начались тренировки. С жалостью смотрели лыжники, как Леонид падал, не сделав и шага. Шутили: «Вон Лёня опять снег собирает». Но парень не сдавался.

Летом Лёня стал самостоятельно осваивать велосипед. Конечно, сначала было тяжело, но, благодаря зимним тренировкам, дело пошло. Упорство и настойчивость дали свои результаты. Он начал понемногу управлять своим телом. Это было поразительно, ведь медики такие дефекты организма считали неисправимыми.

ФИНИШ НА «АВТОПИЛОТЕ»

В начале 90-х в Екатеринбурге образовался спортивный клуб «Родник». С задачей реабилитации инвалидов через занятия спортом, проведение различных состязаний. В Сысерть, в городское общество инвалидов, от директора клуба Людмилы Михайловны Семенкиной пришло приглашение на областные соревнования по лыжным гонкам. В состав команды одним из первых включили Леонида. Так Никитин впервые, в 93-м году, приехал на областное первенство.

Здесь он сразу проявил бойцовский характер и стал призером. Потом успешно выступил и на чемпионате России. На следующий год становится чемпионом России в лыжных гонках, затем призером по легкой атлетике на дистанциях 800 и 1500 метров. Еще через год — победителем велогонки «Тур-Пайпер». Теперь уже никому не приходило в голову подшучивать над ним.

Чего стоит такой случай. Выступая в Тобольске на первенстве Европы, он, вместе с тренером, не совсем правильно подобрал мазь. На половине дистанции в 20 км она полностью сошла, лыжи не держали, при каждом толчке проскальзывали назад. Леонид бежал из последних сил. В какой-то момент закралась мысль — не сойти ли. Вдруг услышал голос тренера: «Лёня, нажми, осталась пятерочка». И он начал «нажимать».

Перед финишем был затяжной, крутой подъем. К нему Леонид подошел весь мокрый, в голове шумело. Порой уже не представлял, где находится: все плыло перед глазами. После жуткого подъема Леонид смог немного прибавить, хотя уже ничего не видел и не слышал, шел на «автопилоте». Когда осталось пройти метров десять, он практически остановился. Медленно делал шаг, потом, как бы подумав, следующий. Весь стадион замер, наблюдая за драматичным финишем. Уже рядом с Леонидом шли врачи, готовые в любую секунду прийти на помощь. Всем показалось, что особенно долго Никитин сто-

ял перед последним шагом у финишной черты. Наконец, медленно-медленно сделал его — победил!

ДИПЛОМ — ХОТЬ В КНИГУ ГИННЕССА

Не знаю, то ли интуитивно, то ли как, но десять лет назад Леонид понял, что справиться с недугом ему поможет только спорт. И он перешел своей Рубикон. Добился ощутимых результатов в улучшении своего здоровья. Более того, благодаря спорту Леонид закончил общеобразовательную школу, поступил в училище олимпийского резерва. Он — единственный инвалид, которому удалось получить диплом этого престижного учебно-спортивного заведения.

Он изменился не только внешне, но и внутренне. По-другому стал смотреть на мир. Теперь Леонид — студент третьего курса Челябинской государственной академии физической культуры, и недалек тот день, когда он сам станет тренером.

Сегодня его тревожит тенденция к сворачиванию многих видов спорта. Так, совсем закрылись лыжные секции, где он начинал свою спортивную карьеру, жалкое существование влечат спортбазы. Леонид мечтает восстановить лыжный спорт в городе, сделать его в Сысерти одним из главных. У него есть наработки и задумки, специалисты из Екатеринбурга и академии, где учится Леонид, признали их заслуживающими внимания. Он готов работать, лишь бы дирекция лыжной базы «Спартак» согласилась предоставить ему такую возможность.

С наступлением тепла Леонид садится на своего железного коня — велосипед. Он — председатель сысертского велоклуба «Горизонт». Организует соревнования, велопоходы. Сам обязательно участвует в них. А в будущем году будет снова стартовать в велогонке «Тур-Пайпер». Честно говоря, не знаю более ярого поклонника и пропагандиста спорта в нашей области.

Фото автора

Материал взят из газеты «Спорт-Аншлаг», № 25, 1999 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Спорт
Аншлаг!

Учредитель и издатель:
ЗАО «Редакция газеты «Спорт-Аншлаг»

Адрес издательства и редакции:
620062, Екатеринбург, ул. Генеральская, 3,
оф. 425. Тел./факс (3432) 75-87-17.
E-mail: tournet@yava.ru.

«ПРОЕКТ — 2000» «УРАЛ-ТРОФИ — 2000»

2000 НЕЗАБЫВАЕМЫХ КИЛЛОМЕТРОВ!

Заявки на участие принимаются до 1 мая 2000 г.

Оргкомитет «УРАЛ-ТРОФИ 2000»

Тел.: (3432) 33-00-83, 23-02-45

Адрес в Интернете:

www.off-road.basko.ru

Этот спортивно-краеведческий автомобильный рейд когда-нибудь назовут «Среднеуральской кругосветкой». За 20 дней участники «Урал-трофи — 2000» преодолют 2000 километров бездорожья на стыке двух континентов — Европы и Азии — и посетят самые красивые и примечательные места Среднего Урала.

I этап: По границе Европа-Азия (420 км).

II этап: Путь Ермака (580 км).

III этап: Аномальные зоны (660 км).

IV этап: Бажовские сказы (340 км).

- «категорийный» переход по пути, пройденному в 1581 году Ермаком во время его похода в Сибирь;
- красивейшие реки Урала — Чусовая и Серебрянка;
- ночевка и ночное ориентирование в аномальной зоне «М-ский треугольник» (д.Молебка);
- жемчужины Урала — оз.Иткуль и природный парк «Оленье ручьи»;
- ожившие Бажовские сказы — Азов-гора, Марков Камень, Тальков Камень;

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ «ПРОЕКТ-2000»

НАЗВАНИЕ ПРОЕКТА:

Энциклопедия-справочник «История физической культуры, спорта и туризма в Свердловской области»

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЕКТА:

В ноябре 1996 года два энтузиаста-екатеринбуржца ЗАДОРИН Юрий Михайлович и ЦЫГАНОВ Владимир Николаевич после долгого обсуждения приняли решение попытаться написать историю физкультуры и спорта в Свердловской области.

3,5 года работа велась на общественных началах. Но сегодня можно сказать, что путь, казавшийся когда-то непреодолимым, пройден и труд, воистину титанический и благородный, близок к завершению. Более 200 авторов откликнулись на предложение и поделились своими знаниями и воспоминаниями.

В феврале 2000 года проект был представлен на рассмотрение губернатору Свердловской области Эдуарду РОССЕЛЮ, получил его одобрение и поддержку на уровне министерства физкультуры и спорта Свердловской области.

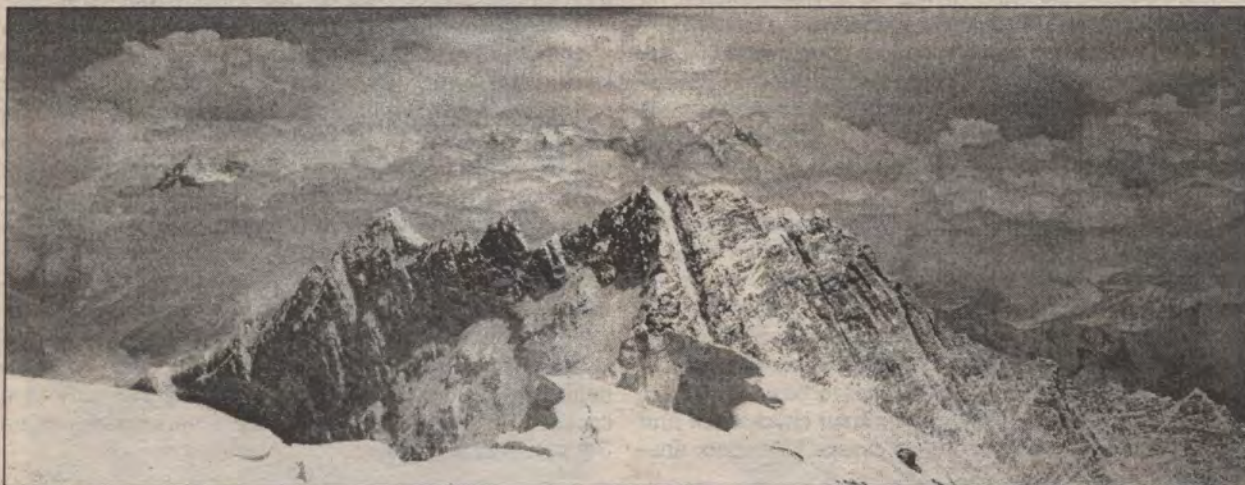
Инициаторы проекта приглашают к сотрудничеству всех, кто желает стать соавтором этого большого труда. Принимаются любые материалы: статьи о знаменательных событиях и людях, автобиографии мастеров спорта и спортивных работников, истории развития спортивных клубов и коллективов поселков и городов области, воспоминания ветеранов спорта и т.д.

«Смысл и содержание нашей работы сводится к тому, чтобы не забыть никого, кто вбил хотя бы один гвоздь или уложил один кирпич в здание, которое называется Физическая культура и спорт».

Контактные телефоны: (3432)55-31-98 — Ю.М.Задорин, (3432)70-02-08 — В.Н.Цыганов

Валерий ПЕРШИН

ЭКСПЕДИЦИЯ «ЛХОЦЗЕ - 2000» КОМАНДА ГОТОВИТСЯ К ШТУРМУ

Экспедиция «Лхоцзе — 2000», спланированная российскими и грузинскими альпинистами осенью минувшего года начинает приобретать конкретные очертания. Президиум федерации России дал рекомендацию для министерства туризма Непала на участие в экспедиции четверем российским альпинистам: **Евгению Виноградскому, Валерию Першину, Глебу Соколову, Александру Фойгту**. Заказано кислородное оборудование на фирму «Поиск» (г. Санкт-Петербург), изготавливаются палатки для установки высотных лагерей.

Наряду с поисками денег для экспедиции, проведением переговоров на изготовление и поставку снаряжения, продолжается тренировочный процесс. Тренировки включают кроссы, бег на лыжах, лазание на искусственном рельефе в зале, отработку технических приемов на скалах, скоростные подъемы по лестнице на 16-й этаж.

«Уральский следопыт» знакомит читателей с участниками экспедиции.

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ. Заслуженный мастер спорта, восходителем на 10 восьмитысячников (в том числе четыре раза на Эверест). Самый титулованный альпинист России.

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ. Заслуженный мастер спорта, врач специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва горных видов спорта г. Екатеринбурга. Первое восхождение совершил в 1964 году на вершину Сулахат на Кавказе. Сейчас, спустя три десятка лет, он — самый титулованный альпинист России. Семикратный чемпион СССР, трехкратный чемпион России, имеет за плечами 20 восхождений на семитысячники бывшего СССР, «снежный барс», тринадцать раз поднимался на вершины выше 8.000 метров.

Рассказать обо всех выдающихся восхождениях Виноградского в рамках журнальной статьи невозможно. Истории многих восхождений на большие горы по изобилию приключений, комических, а порой трагических событий, по закрученности сюжета могут поспорить с лучшими детективными романами. Женя всегда затрудняется ответить на вопрос о своем самом значительном восхождении. До гималайского периода это — серия новых проблемных маршрутов по отвесным стенам Памира, Тянь-Шаня и Кавказа в составе сборной команды Свердловской области. Уникальная команда — С.Ефимов, А.Лебедихин, Е.Виноградский, М.Самойлин, В.Брыкеин, С. Абрамов — шесть раз подряд, начиная с 1979 года, становилась чемпионом СССР.

Зимнее восхождение на высочайшую вершину страны — пик Коммунизма (7495 м) в 1986 году явилось для всех участников экспедиции тяжелейшим испытанием. Сборная страны, составленная из альпинистов по

территориальному признаку («хохлы», «казаки», и т.д.), готовилась к своей второй гималайской экспедиции на Канченджангу. Стояли необычные для этих широт морозы в 45-50°C и сильные ветры. Холод преследовал альпинистов всюду — на маршруте, на ночевках в высотных лагерях, в базовом лагере. Особенно страдали ноги. Месяц акклиматизации и обработки маршрута до последнего штурмового лагеря на высоте 6800 м. Наконец, поочередно одна группа за другой выходят на штурм вершины. У всех групп проблемы на спуске. Суровые погодные условия, короткий световой день, накопившаяся «холодная» усталость заставляют совершать ошибки даже эту элиту высотного альпинизма. В результате — возгорание палаток от неосторожного обращения с примусами, «холодные» ночевки вне палатки, обморожения.

Вот и «россияне» и «казаки» после своей вершины на спуске. Женя в числе первых возвращается в штурмовую палатку на 6800, чтобы приготовить для всех горячее питье. Палатка установлена в ледовой пещере для защиты от ветра. Измученные восходители наслаждаются тишиной и теплом от горящего примуса. Вдруг во время сеанса радиосвязи с базы приходит сообщение: «Двойка Першин-Антипин спускается для оказания помощи сорвавшейся связке узбекских аль-

пинистов. Нужно кому-то выйти им навстречу на помощь». Выход из тепла снова на холод в крошечную тьму ночи подобен иезуитской пытке. Вышло трое, среди них Женя Виноградский.

С 1989 года после триумфального шествия по четырем вершинам массива Канченджанги начинается отсчет гималайская одиссея нашего героя. За Канченджангой последовало восхождение в составе 1-ой российской экспедиции в 1992 году по восточному гребню на Чо-ойю (8201 м), пройти который до этого пытались шесть иностранных экспедиций. Женя обладает удивительным качеством — абсолютной коммуникабельностью, и его приглашают (учитывая огромный опыт, устойчивость к высоте, большую работоспособность, умение лечить людей) в свой состав российские экспедиции из разных регионов. В 1992 году в составе тольяттинской экспедиции помог взойти на Эверест известному путешественнику Федору Конюхову, в 1995 — второй раз на Эвересте с альпинистами Северной Осетии. В 1997 году вместе с В. Башкировым и А.Букреевым за несколько месяцев подготовил и в полном смысле слова «завел» на высшую точку земли теплолюбивых индонезийцев, не видевших до этого ни снега, ни гор. В 1998 году — в составе группы из Екатеринбурга в четвертый раз на Эвересте! Для России это абсолютный рекорд.

Валерий ПЕРШИН в палатке штурмового лагеря на высоте 7400 м при восхождении на Шиша-Пангму (8013 м) в 1996 году.

Валерий ПЕРШИН. Заслуженный мастер спорта, заместитель директора СДЮШОР горных видов спорта г. Екатеринбурга. Первое восхождение совершил в 1969 году на вершину Софруджу на Кавказе. Многократный чемпион и призер СССР и России по альпинизму и скалолазанию. Является мастером спорта по скалолазанию, в начале 80-х годов входил в пятерку сильнейших скалолазов страны. В 1980 году в связке с красноярцами совершил за месяц 10 восхождений 5-6-й категории сложности (самая сложная — 6-я категория). Такую результативность возможно было осуществить благодаря великолепной скальной технике. Это событие вско-

лыхнуло альпинистскую общественность и изменило представление о возможностях человека в горах. Прежде восхождение на 3-4 маршрута высшей категории сложности за сезон (три летних месяца) считалось событием. В 1983 году «влился» в команду С.Ефимова, позднее стал ее капитаном. В 1990 году в плане подготовки к экспедиции на Чо-ойю в двойке с Сергеем Тимофеевым совершил скоростное восхождение на семитысячник — пик Е.Корженевской. Подъем из базового лагеря на 4200 м до вершины и спуск занял 14 часов. С 1991 года, после трудного восхождения на Чо-ойю в Гималаях и прохождения нового маршрута по проблемному восточному гребню, начало гималайского периода в его спортивной биографии. В результате шесть успешных восхождений на восьмитысячники. Осенью 1996 года

(вместе с Е. Виноградским) осуществил уникальный проект — восхождение в рамках одной экспедиции на два гималайских гиганта — Чо-ойю (8201м) и Шиша-Пангма (8013м). Разрыв между восхождениями составил всего две недели, причем второй маршрут пройден с хода в «альпийском» стиле, то есть без обработки и организации промежуточных лагерей. В 1998 году руководил группой Екатеринбургских альпинистов во время восхождения на Эверест в честь юбилея города. Самое запомнившееся восхождение — зимний пик Коммунизма в 1986 году и первая гималайская экспедиция на Чо-ойю.

Глеб СОКОЛОВ на тропе, ведущей к базовому лагерю во время экспедиции на Лхоцзе Главную весной 1997 года.

Глеб СОКОЛОВ. Мастер спорта, работает в туристической фирме в Новосибирске. Имеет рекордное для российских альпинистов количество восхождений на семитысячники Памира и Тянь-Шаня — 35. Любитель скоростных восхождений. Трижды участвовал в необычных соревнованиях — «забегах» (скоростных восхождениях) на пик Хан-Тенгри (7005м). Лучшее время со спуском на место старта на 4200м — 14 часов. Скоростное восхождение на пик Победы (7439м) за 20 часов. Самое сложное восхождение в «догималайский» период, который для него начался в 1996 году: траверс вершин М.Горького — Хан-Тенги. Сложность и опасность заключалась в том, что в течение многих дней нужно было двигаться на высоте около 6500 метров по ажурному снежному гребню со множеством карнизов, нависающих то в одну, то в другую сторону. Часто единственный способ обеспечить себе более-менее надежную страховку — зарыть как можно глубже свой рюкзак, используя его в роли своеобразного якоря. В 1996 году — восходитель на пятую вершину мира Макалу, в 1997 — Лхоцзе Главную, в 1998 — Лхоцзе Шар. Последние две экспедиции — попытка достичь непокоренной Лхоцзе Средней.

Глеб СОКОЛОВ после восхождения на Лхоцзе Главную в 1997 году в лагере на 6300 м.

Александр ФОЙГТ. Мастер спорта, работает директором ремонтно-строительной фирмы в Новокузнецке. С успехом совершает восхождения как по технически сложным стенным маршрутам, так и на большие высоты. В 1987 году — призер Чемпионата СССР в высотном классе за восхождение на северной стене пика Революции на Памире. В 1994 и 1995 становится Чемпионом России в скальном и ледовом классах. Хорошая физическая подготовка, организаторские способности и уравновешенность характера позволили ему стать лидером в команде кемеровской области и стать одним из руководителей их региональных экспедиций в Гималаях. В результате совершены восхождения на Макалу, Лхоцзе Главную и Лхоцзе Шар. Планируемая экспедиция — это уже третий «заход» на осуществление его мечты — восхождение на непокоренный восьмитысячник.

Александр ФОЙГТ в базовом лагере во время экспедиции на Лхоцзе Главную в 1997 году. Базовый лагерь на высоте 5300 м на леднике Кхумбу.

Организаторы экспедиции: Федерация альпинизма и скалолазания Свердловской области (адрес: 620019, Екатеринбург, ул. Московская, 28 б, Тел.: (3432) 12-76-77, E-mail: valeri@dialog.utk.ru), Екатеринбургский городской клуб альпинистов «Урал».

Михаил АЗЁРНЫЙ

«КАКИХ-ТО» СТО ЛЕТ...

Жизнь К.К. Вейланд-Шульца, рассказанная им самим

К.К. Вейланд Шульц. 1985 год

Михаил Лазаревич АЗЁРНЫЙ — заслуженный работник культуры РФ, профессор Российско-Американского гуманитарного университета в Атланте (США), известный и уважаемый спортивный журналист, корреспондент газеты «Советский спорт», шеф-редактор спортивно-обозревательной газеты «СПОРТ-АНШЛАГ». Проживает в г. Екатеринбурге.

Глава 2. КТО ЗАВОЕВАЛ ЕВРОПУ

КУМИРЫ МОЕЙ ЮНОСТИ

Мне посчастливилось прийти в борьбу в трудное и интересное время. Пожалуй, ни одна другая страна тогда не располагала таким длинным списком знаменитых атлетов. Пытлясинский, Гаккеншмидт, Лурих, Аберг, Янковский, Романов, Поддубный, Елисеев, Глинкин, Разумов, Матюшенко, Бороданов, Коссовский, далее — Кащеев, Крылов, Шемякин, Заикин, Буль, Спуль... Очень сильные люди. Это они завоевывали своим искусством Европу. Это они воздвигали борцовскую славу России.

Владислав Францевич Краевский — первый, кто этой славе радел всей своей жизнью. Он был не просто тренером, да и не существовало в нашем лексиконе такого слова, применительно к тем временам оно звучит непривычно. Учитель, преподаватель, доктор — так вернее. С обязательным добавлением: «господин».

В русской спортивной истории Владислав Францевич занимает почетнейшее место. Видный физиолог своего времени, умелый популяризатор атлетической культуры, умный педагог и организатор физического воспитания. Он был Ушинским в спорте того времени. «Милейший человек и друг всех атлетов», — характеризовали его те, кто был с ним знаком.

В 1885 году доктор Краевский, приехавший в северную столицу из Варшавы, организовал Петербургский «Кружок любителей атлетики». Поначалу в нем проводились занятия по гимнастике и с тяжестями. Это он на должность технического руководителя кружка пригласил в 1892 году широко известного уже Владислава Пытлясинского, с приходом которого борьба стала еще одним направлением в деятельности первой русской неофициальной спортивной школы.

Впрочем, если судить по ее вкладу в развитие силовых видов спорта (громкие победы учеников, тренерская, организаторская, пропагандистская, издательская, научная работа), то кружок Краевского — это настоящая академия тяжелой атлетики и борьбы.

Идеи Краевского энергично воплощал всю свою жизнь Иван Лебедев. Журналист, редактор популярного атлетического журнала «Геркулес», тренер, великолепный мастер конферанса и незаурядный спортсмен, весьма заметная фигура в демократических кругах Петербурга. Врач и спортсмен Александр Андрушкевич создает «Клуб атлетов-любителей» в Таллине и одновременно ведет большую тренерскую работу с группой эстонских силачей. Врач Евгений Гарнич-Гар-

ницкий и писатель Александр Куприн основывают «Клуб атлетов в Киеве»...

Внимательны к возрастанию интереса к борьбе были передовые представители русской интеллигенции — Максим Горький, Антон Чехов, Владимир Короленко, Владимир Гиляровский, Влас Дорошкевич, Федор Шаляпин...

Кажется, первым, кто приступил к «завоеванию Европы» был Владислав Пытлясинский. В 1889 году в парижском цирке он победил немца Поля Абса, не знавшего до тех пор поражений. Много лет Пытля, как мы, близко знавшие этого добродушного богатыря, называли Владислава, оставался одним из самых ярких мастеров России и Европы.

Успех Пытлясинского, разумеется, дал толчок к возрастанию интереса к борьбе в России. Создается Санкт-Петербургское атлетическое общество (1896), в программу которого включается и борьба. Руководителем общества был председатель Олимпийского комитета России граф Григорий Рибопьер. Обе организации, главенство которыми осуществлял этот вельможа от спорта, разумеется, были далеки от желания способствовать массовому развитию борьбы и штанги. Но справедливости ради скажем, что популярность кружка доктора Краевского обязывала и «графскую компанию» думать о престиже своего предприятия. Санкт-Петербургское атлетическое общество очень гордилось тем, что из его состава вышел такой действительно сильный борец, как Александр Шмеллинг. В 1897 году он вышел победителем первого чемпионата России. В ответ Пытлясинский, представитель кружка Краевского, занял второе место во Всемирном чемпионате во французской столице.

Затем пришел триумф Георга Гаккеншмидта. Сначала он стал чемпионом Европы, в 20 лет от роду!

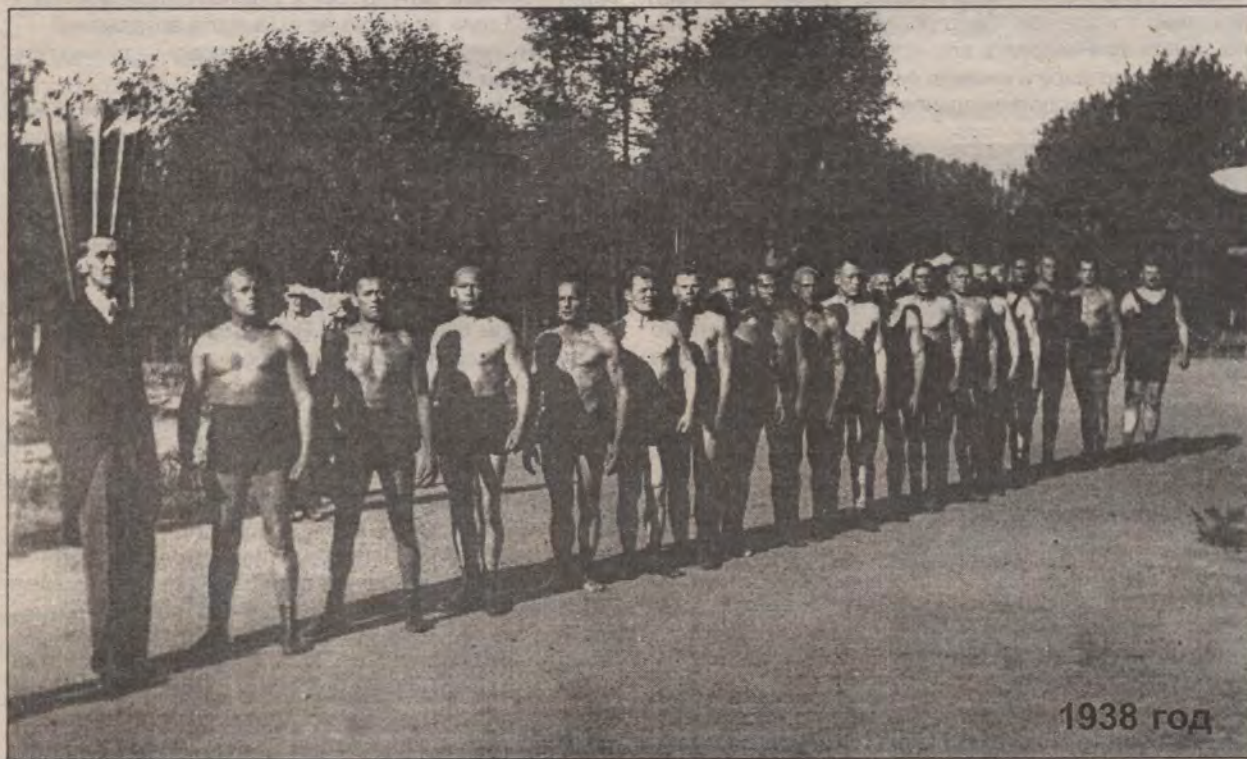
Чемпионский возраст Георга рисовался мне чем-то вроде рубикона — надо спешить совершить что-то значительное.

Если Георг сумел, то почему не сумею я! Никто не поощрял меня в такой постановке задачи перед собой — у самого хватало честолюбия. Возможно, это была болезнь возраста. А может быть, черта характера. Но ни то, ни другое мне не вредило. Напротив, суммировало стремление быть сильным.

Вскоре Гаккеншмидт станет еще и чемпионом России. Причем, в один день и тот же год — 1899-й — дважды! Случай этот по-своему уникальный. Дело в том, что в 1898 году, когда проводился второй чемпионат России, в финале Шмеллинг (победитель первого чемпионата — 1897 год) и Гаккеншмидт так и не сумели положить друг друга на лопатки. Спор был отложен... на целый год.

И вот — третий чемпионат России. Организаторы сначала назначили схватку за титул чемпиона, который остался не разыгранным в предыдущем сезоне. За 26 минут (очень быстро) победил Гаккеншмидт. А через несколько дней «старые соперники» встретились вновь в финале. Борьба продолжалась 46 минут. И опять победил Георг. Вот таким успешным был для него 1899 год.

В 23 года Гаккеншмидт стал еще и чемпионом мира в Париже (1902), особенно важно при этом иметь ввиду то, что именно из Парижа, как известно, шли мировые моды на классическую борьбу. На местную публику Георг произвел тогда праздничное впечатление — техникой, гармоничными пропорциями тела, рельеф-

1938 год

ной мускулатурой (недаром лучший гиревик Европы по тем временам), смелой манерой ведения схваток.

«Русский лев» — так писала о нем европейская пресса, а российские газеты с удовольствием повторяли эти слова. Зарубежные репортеры предрекали соотечественникам Гаккеншмидта громкую славу уже в скором времени.

Успехи Гаккеншмидта — и особенно на международной арене — были убедительным доказательством спортивной талантливости наших соотечественников, в самый канун нового столетия прорубивших «окно в Европу».

Конечно же, информация о таких победах оказывала активное влияние и на наши молодые умы. Мы сами выбирали себе кумиров. Но среди первых несомненно оставался Гаккеншмидт. Чем не «Почетный гражданин» Прибалтики, где он был особенно популярен! Его портреты висели во всех клубах и присутственных местах. Иметь автограф Георга считалось чуть ли не показателем положения в обществе. По популярности он стоял в одном ряду в самыми известными людьми государства.

После «загадочной победы» Гаккеншмидта (кто бы мог предполагать!) устроителями очередного парижского чемпионата французским спортивным обществом и журналом «Спорт» было послано в Россию два приглашения на участие наших борцов во «всемирных состязаниях». Одно адресовалось таллинскому «Клубу атлетов — любителей», другое — Санкт-Петербургскому атлетическому обществу. Тут возникли проблемы. Гаккеншмидт, в участии которого были заинтересованы парижские победители чемпионата, участвовать в нем отказался по ряду причин: во-первых, он годом раньше, по следам своего шумного успеха, подписал несколько контрактов с антрепренерами на выступления в цирках. Разорвать эти контракты он мог — его бы пустили по миру и никакая сила ему не помогла бы. Во-вторых, он продолжительное время болел, потерял соревновательную форму, отсюда опасность поражения, которое потом не оправдаешь ничем. В-третьих, с 1902 года Георг жил в Лондоне, хоть и формально сохранял прежнее гражданство. Решись он представлять не чемпионате России — официальная Великобритания могла бы счесть поступок чемпиона бестактным по отношению к ней. Словом, Гаккеншмидт, как говорится, должен был считать варианты. Он выбрал самый безобид-

ный. Сославшись на болезнь, «русский лев» следил за событиями в Париже из Лондона.

«Дублером» Гаккеншмидта был назначен его земляк и одноклубник, широко уже известный в борцовских кругах Александр Аберг. Через год после Парижского чемпионата я познакомился с ним. Станем друзьями, будем много разъезжать по Прибалтике и России в группе Георга Луриха.

Алекс, так мы звали Аберга, чуть старше меня — с 1881 года. В 19 лет он выиграл титул чемпиона Эстляндии. Очень большая победа по тем временам! В 20 лет — очередной успех (да какой!). Второе место во Всероссийском чемпионате в Санкт-Петербурге. Первое занял его одноклубник Лийв. Затем Аберг получил главные призы на турнирах в Риге, Ревеле, Вильно, Ковно, опять в Санкт-Петербурге.

Среди молодых атлетов России не было ему равных в те годы. Его сила сочеталась с необычной выносливостью и хорошей тренированностью — характерные качества для эстонских атлетов, поскольку «система Андрушкевича» предусматривала самую разностороннюю подготовку силачей. Они бегали кроссы, занимались акробатикой, гимнастикой, тяжелой атлетикой, тренировали фигуры и позы, отличались гармоничностью сложения. Кстати, Аберг нередко «брал отдых» от гирь и борьбы и отправлялся в любимую им «северную Пальмиру», чтобы принять участие в состязаниях велосипедно-атлетического общества. И здесь ему тоже сопутствовал успех — возвращался с призами.

Но главная известность Аберга — конечно же от его побед на ковре. Наравне с Лурихом и Гаккеншмидтом он считался лучшим мастером тех лет по французской борьбе в России. Словом, кандидатура 22-летнего Александра Аберга на участие в парижском чемпионате мира 1903 года ни у кого не вызывала возражений.

А кому лично вручить другую путевку — ту, что пришла в Санкт-Петербург?

Здесь надо сделать небольшое отступление, чтобы объяснить причину «уважительного отношения» организаторов Парижского чемпионата к атлетическому обществу русской столицы, которое по тем временам (1903 год) фактически еще не имело заслуг в мировой борьбе. Впрочем, организаторы Парижского чемпионата руководствовались не столько спортивными заслугами Санкт-Петербургского общества, сколько тем, что его президентом был француз Рибоьер, прародитель которого парижский цирюльник Рибоьер оказался в свое время главным брадобреем царского двора и «сделал себе имя» на прическах для членов императорской семьи, придворных вельмож и сановников.

За эти «заслуги» французский парикмахер получил от щедрого двора аж титул русского графа, а в придачу большой надел земли, лесные угодья и прочее. Со временем стал конезаводчиком, одним из самых богатых людей России. Справедливости ради заметим: был он хорошим наездником и красиво катался на коньках — благо, возможности для этих увлечений у него имелись неограниченные.

Граф отличался практичностью и обостренным чувством на моду. Собственно, именно этим, а не искренним желанием способствовать физическому развитию

русских людей, и следует объяснить основание им «с высочайшего утверждения его императорского величества государя императора» столичного императорского общества.

На деле же «предприятие Рибоьера» было всего лишь «кабинетом» для привилегированных любителей-спортсменов, атлетической ложи для избранных представителей знати, дворянства и буржуазии. Покровителем общества состоял брат императора великий князь Владимир Александрович.

Разумеется, кружок любителей атлетики, которым руководил доктор Краевский, не мог пользоваться такой поддержкой «сверху», да и финансовое положение «конкурентов» было явно в пользу графского предприятия.

Итак, письмо-приглашение из Парижа было лестно «масонам борьбы», но застало их врасплох, ведь выбирать на Парижский чемпионат из членов общества оказалось по сути некого — Шмеллинг был уже «не тот».

Рибоьер не на шутку обеспокоился. Что скажет великий князь? Не обернется ли эта ситуация скандалом в прессе, недовольством общественных кругов? А царь?! Гнев его опасен.

И тогда граф вынужден был пойти на крайнюю меру: обратиться к помощи человека из нашего сословия — прославившегося на цирковой арене своей силой — Ивана Поддубного.

Никто не мог предполагать, что с этого имени и начинается легендарная — вечная! — слава России на борцовских аренах мира.

РУССКИЕ В ПАРИЖЕ

Поддубные — вообще широко известная фамилия на Руси. В повести «Князь Серебряный» Алексей Толстой упоминает современника Ивана Грозного, смело и стойкого воина «со множеством шрамов на лице» Федьку Поддубного. Еще один Поддубный известен в русской истории как участник Полтавской битвы со шведами, человек огромной физической силы, состоявший в личной охране Петра I.

Но то — литература и «предания старины глубокой». А Иван Максимович Поддубный — натуральный герой моего времени, олицетворение крепости и талантности простого народа. «Как Поддубный» — это выражение и сейчас подразумевает силу человека...

Родом Иван Поддубный из-под Полтавы, там крестьянствовал его отец. Старший сын не захотел отрезать себе клин от родительского надела и решил податься на заработки в Феодосию, определился там портовым грузчиком.

Как-то заезжие борцы давали в приморском городе в цирке Бескоровайного «гастроль». Молодежь любила ходить на такие представления. В один из вечеров на арену были приглашены «желающие из публики», которые могут получить установленную хозяином цирка сумму, если смельчак продержится против настоящего борца десятков минут. Дружки и вытолкнули Ивана на манеж. А осьь!..

Соперником новоявленного претендента на скромный денежный приз оказался Петр Янковский, популяр-

ный по тем временам атлет, настоящий богатырь. «Папаша» — звали его между собой борцы — за возраст, степенность и авторитет. Весил он девять пудов, рост имел около двух метров, сидя выжимал на ладони 3-х пудовую гирию (рекорд тех лет), был, разумеется, опытен и, несмотря на габариты, техничен. Но все эти качества Янковскому не помогли — Поддубный выстоял, не поддался, арбитр объявил ничью.

Иван получил свое вознаграждение, а зрители, воодушевленные этим успехом «своего человека», стали требовать, чтобы Поддубный каждый вечер выходил на манеж — мол, знай наших! Так состоялось «явление Поддубного народу» — на 27-ом году жизни.

Иван Митрофанович Бескоровайный в угоду интересам публики заключил с грузчиком маленький контракт, не подозревая, что наткнулся на самородок, на алмаз, которому суждено будет стать крупнейшим бриллиантом мировой борцовской арены.

В чемпионате Бескоровайного выступали также крестьянин Псковской губернии Бурый, хлебопашец «великан Проня» из-под Воронежа, нижегородский речник Абасов, ростовский грузчик Михайлов — все сильные атлеты. «Борцы из народа» нужны были расчетливому хозяину цирка, чтобы не пустовала галерея и задние

ряды, куда билеты были сравнительно недороги, а стало быть по карману рабочему люду, с его помощью представления будут идти при аншлагах — показатель интереса к мероприятию и гарантия финансового благополучия.

Итак, ничья Поддубного с Янковским. А потом — победы над всеми остальными, в том числе за две минуты над уже весьма известным, очень техничным, но справедливости ради надо сказать, более легким (примерно на два пуда) Георгом Лурихом, который в 1896-97 годах вообще никому не проигрывал, владел титулами «Первый борец России» и «Атлет-чемпион России».

А на следующее лето Поддубный получил приглашение бороться в севастопольском цирке Труцци. И там тоже не имел себе равных.

Далее его путь в составе чемпионата лежал в Киев. Боролся он в цирке братьев Никитиных, здесь обратил на него внимание писатель Куприн, кстати, сам неплохой атлет, хорошо знавший «кухню» цирка и борьбы в том числе. На правах одного из руководителей киевского Клуба атлетов, Куприн пригласил Поддубного «на уроки» в свой клуб, там изучали французскую борьбу. Для Ивана Максимовича это было очень важно, потому что хозяева чемпионатов и цирков все более склонялись в сторону «модерна» — французского стиля. Поясная борьба (русский фольклорный вид) космополитами от цирка оставлялась в программе представлений лишь для того, чтобы разнообразить репертуар.

Вот такая школа была за плечами Поддубного к 1903 году, когда Рибоьер решил обратиться к помощи Ива-

на Максимовича, бывшего феодосийского грузчика, для спасения авторитета аристократического атлетического общества в Парижском чемпионате.

С этого визита Поддубного и Аберга во французскую столицу и начался «русский вал в состязании силы» (из прессы тех лет). За Иваном и Александром хлынет на европейские арены еще одна мощная «русская волна» — Иван Заикин, Иван Шемякин, Николай Вахтуров, Климентий Буль, Иван Чуфистов, Григорий Кашеев...

А пока предстать перед Парижем готовились «академик борьбы Аберг и русский медведь Поддубный» (из французских газет). Кстати, Александр на «парижское предложение» согласился моментально, а вот Иван сначала поартачился, отказывался, говорил, что ему и дома не срамно, дел хватает, а ехать к «хранцузу» интереса нет, надо им — пусть приезжают в Феодосию, «щоб хлопцы усе бачили».

Однако Поддубному доказали, что речь идет о чести России. И он согласился.

Интерес к участию в Парижском чемпионате борцов из России был исключительно велик, здесь хорошо помнили «русского льва» Гаккеншмидта, его фурор в 1902 году, когда Георг открыл Западной Европе новую борцовскую величину. До этого мировую табель о рангах возглавляли: I чемпионат мира, 1889 год — Поль Понс (Франция); II чемпионат, 1899 год — Кара-Ахмет (Турция); III чемпионат, 1900 год — Лоран де Баккеруа (Франция); IV чемпионат, 1901 год — Кара-Ахмет; V чемпионат, 1902 год — Георг Гаккеншмидт (Россия).

Словом, русских ждали в Париже. Дадут ли они сно-

Рига, 1908 год

ва бой избранным мастерам? И тут выяснилось, что из предыдущих чемпионов никто в турнире 1903 года участвовать не будет. Кара-Ахмет накануне неожиданно (!) умер в Константинополе от разрыва сердца. Понс и Баккеруа под разными предлогами не захотели выйти на ковер. Гаккеншмидт отказался еще раньше, сославшись, как я уже писал выше, на неважное здоровье после болезни и «дипломатические обстоятельства», связанные с его новым местом жительства — переездом из России в Англию.

Турнир 1903 года оказался на диво представительный. 130 участников! И среди них такие звезды борцовской арены, как поляк Станислав Збышко-Цыганевич, бельгиец Омер де Бульон, датчанин Иесс Педерсен, немец Генрих Вебер...

Огромная сумма по тем временам была учреждена в качестве первого приза — 10 тысяч франков!

Удачно складывался турнир для Поддубного. 11 схваток — 11 побед. А в следующей, двенадцатой — выход на француза Рауля ле Буше (настоящее имя Рауль Мюссон) — опытного и хитрого борца.

Это была схватка двух гигантов. Поддубный: вес — 120 кг, рост — 184 см, окружность груди — 134 см, пояса — 104 см, бедра — 72 см, икры — 47 см, шеи — 50 см, бицепса — 45 см. Рауль ле Буше: вес — 121 кг, рост — 188 см т.д.

На стороне француза — болельщики, организаторы чемпионата, пресса. Он для них — «свой парень», Рауль-мясник (ле Буше — по-французски означает «мясник»). Прозвище от его прежнего занятия — работал рубщиком туш у владельца мясной лавки в городе Шатоден, что в верховьях реки Луар, впадающей в Луару.

В часовой (три периода по двадцать минут) схватке Поддубный — Рауль ле Буше никто из соперников не уступил друг другу. Однако судьи со счетом 2:1 присудили победу французу. «За красивые уходы», — так формулировали свое решение арбитры в пользу «хозяина ковра».

Схватка Рауль ле Буше — Александр Аберг была прекращена на 27-й минуте в связи с плохим самочувствием Аберга.

В общем, первый приз в том чемпионате был вручен Раулю ле Буше.

Но Поддубный, вернувшись на родину, сказал слова, которые потом много лет повторяли его современники:

— Борьба хоть и называется французской, но дело это наше, русское, надо нам, братцы, это доказать. Чтоб весь мир знал.

...Через год в Петербурге в цирке Чинизелли, был организован международный турнир по образцу парижских чемпионатов. 30 участников. Самых-самых! Поскольку это был первый опыт организации соревнования такого ранга, то в качестве директора, распорядителя и консультанта турнира пригласили известного в прошлом французского борца Шарля Дюмона. Вместе с ним приехали его соотечественники, уже знакомые нашим атлетам, Поль Понс и Рауль ле Буше, очень сильный Эмбаль де ля Кальметт, группа знаменитых мастеров ковра из других стран Европы. Но особый ин-

Шульц и Лебедев (Дядя Ваня). 1909 год

терес безусловно представляли французы — законодатели борцовских мод в мире.

В финал без поражений прошли Рауль ле Буше, Иван Поддубный, Поль Понс и болгарин Никола Петров. А в схватке за первое место встретились старые знакомые Поддубный и Рауль ле Буше. Очень старался «директор Дюмон» повлиять на ход этого поединка своими замечаниями, вмешательством. Однако русский богатырь оказался сильнее и ему был присужден первый приз.

Тот турнир наделал много шума в газетах, имел огромный резонанс. Я спал и видел себя борцом.

РЫЧАГ АРХИМЕДА

Мне очень хотелось быть сильным. И не скрываю — чемпионом. Все эти годы думал, что поднимать железо — и есть настоящий показатель силы человека. В вечерней школе для рабочих, куда я ходил, чтобы подготовиться к изучению бухгалтерского курса, мне особенно интересна была физика. Не знаю, насколько профессионально нам ее читал студент университета (в школе преподаватели на общественных началах — прогрессивно мыслящие интеллигенты — члены какого-то добровольного общества народного просвещения. Плату за

это они не получали, напротив — вместе с нами даже делали взносы для аренды школьного помещения), но закон земного притяжения (помните «яблоко Ньютона»?), закон рычага (Архимед не зря говорил о «точке опоры»!), формулу силы и некоторые другие правила интереснейшей науки я принимал очень буквально, применительно к своим занятиям атлетикой. Кстати, в те годы атлетика объединяла и штангу, и борьбу, и бокс.

«Значит, нехватку собственного веса (массы) можно компенсировать скоростью движения!» — торжествовал я, когда выводил формулу силы.

«Наверное, этот мудрец Архимед кроме всего прочего был и борцом*, — дал я волю фантазии. — Ведь без «его» точки опоры штангу не поднять, не провести борцовский прием, не устоять под напором соперника. Только научись верно рассчитывать рычаг».

О мышцах, сердце и легких узнавал из плакатов, развешанных в нашем клубе-подвале. Все больше вдумывался в смысл слов: «Бицепсом — толкаешь, трицепсом — притягиваешь».

«Так борьба или штанга?..» Ваня Романов посеял в моей душе смуту, и я ловил себя на том, что думаю над его советом в цеху, на занятиях в школе, на тренировке.

В штанге у меня уже имелись кое-какие победы. Пусть небольшие, резонанс от них, правда, не распространялся дальше бондарной мастерской и подвала, где размещался наш клуб. А борьба?.. Фактически надо все начинать с нуля. Конечно, в клубе я ее видел, даже

иногда выходил на ковер. Но это было не серьезно — для разминки, чтобы разогреть мышцы перед тем, как возьму в руки железо, от притяжения которого избавиться не так-то просто.

Но я еще не видел настоящей борьбы. Поэтому и сомневался в советах Вани Романова. Однажды компанией отправились в цирк, там шел чемпионат, в котором выступали наши старшие одноклубники, уже имевшие имя в атлетических кругах, Путринг (тогда он на афишах значился еще под своей фамилией, а став профессионалом, взял псевдоним «Патрик»), Рейман, Балин, Микул. Одноклубники-«подпольщики», как мы себя называли, поскольку тренировались в подвале.

И еще мы шли в цирк из-за Луриха и Аберга, имена которых назывались во всех газетах, открытки с их изображением продавались на каждом углу.

Из цирка выходил с желанием тотчас тренироваться в борьбе.

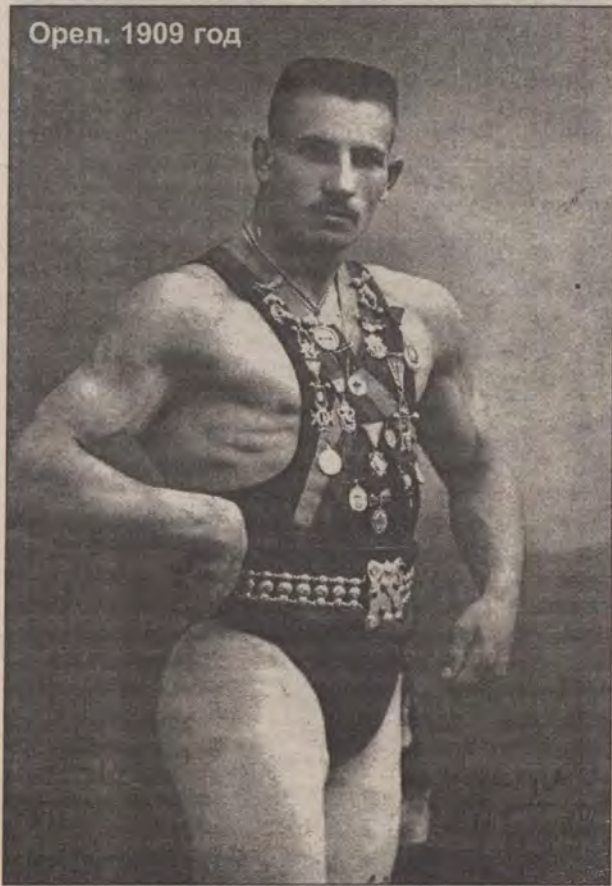
Мне повезло: с каждым из «нашей» знаменитой четверки — Путрингом, Рейманом, Балиным, Микулом — в течение какого-то месяца я встретился в подвале мастерской Завицкого. Они заглядывали к нам из чувства солидарности, проводили легкую тренировку, управляясь со своими спаринг-партнерами (т.е. с нами) в какие-то 2-3 минуты. Мы были «яшками» для них — так в старых борцовских кругах пренебрежительно называли заведомо слабых соперников-статистов, обреченных на бесславие и нищенские гонорары.

Как я хотел быть их достойным соперником! Но чем яростнее нападал, тем быстрее меня бросали на лопатки. Не сразу поумнел, лишь со временем понял (поражение — мать учения!), что борьба хоть и эмоциональный вид спорта, но требует рассудительности. Другими словами, скорость атак и сила приносят успех тому, кто умеет думать, а не сломя голову бросаться вперед.

Много позже узнал, что против каждой атаки есть десяток (!) контрприемов. Вот так приходило убеждение, что борьба — это творчество, а не спор голы силы.

Надо сказать, в те годы Россия переживала настоящий атлетический бум. Газеты, клубы и общества, чемпионаты в десятках больших и малых городов, цирковые арены, первые громкие успехи Романова, Луриха, Гаккеншмидта, других российских атлетов за рубежом — все это способствовало популярности борьбы среди молодых людей. Слава русских атлетов дошла и до деревни, и оттуда пошла искать своего счастья дюжие крестьянские парни, перед которыми совсем скоро распахнутся двери самых престижных арен уже тогда кичливой Европы. А уж борцовская столица Старого света — Париж, вообще помешался на наших соотечественниках. Чемпионаты считались обесцененными, «тихими», они грозили финансовой неудачей организаторам, неудовлетворение ими публично выражала пресса, если в том или ином всемирном турнире не участвовали атлеты России.

В принципе Русь всегда славилась своими богаты-

*Архимед действительно много занимался физическими упражнениями — был дискоболом, борцом, копьеметателем... имеются сведения о его участии в Олимпийских играх.

рями. Исполнок веков она выдвигала сильных людей, которые в единоборствах с иноземцами прославляли себя и свою землю. Былины, сказания, летописи, пословицы и поговорки, литература старых времен донесли до нас добрую молву о русских молодцах — героях ратного дела и мирного хлебопашества. Из глубин истории восходит к нашим дням русское борцовское искусство — тема особая, не просто спортивная, а патриотическая, в высшей степени нравственная. Она требует всестороннего исследования и заслуживает отдельного рассказа.

Но сейчас — о том времени, которому обязан атлетический мир появлением на его аренах чемпионов совершенно новой формации. Российской.

Без преувеличения больше всех для этого сделал петербургский доктор Владислав Францевич Краевский, основавший еще в 1885 году «Кружок любителей атлетики». Здесь по «системе Краевского» занимались светила русской атлетики — Георг Гаккеншмидт и Владислав Пытлясинский. К Краевскому ехали из других городов России и стран Европы уже известные чемпионы за наставлениями. У Краевского брали уроки «дядя Ваня» Лебедев, Георг Лурих, Иван Романов, Александр Аберг. Да и вообще каждый уважающий себя борец или штангист тех лет считал за честь «показаться доктору Краевскому», получить у него консультацию и добрый совет. Он никому не отказывал, даже представителям «конкурирующей фирмы» из Петербургского атлетического общества, президентом которого был обрусевший француз, небезызвестный меценат Г.И. Рибопьер. Его дед получил графский титул от царского двора за... парикмахерское искусство, которое продемонстрировал на сановниках Ее Величества Екатерины II.

С большим интересом позже я читал у своего старого доброго знакомого Владимира Алексеевича Гиляровского (дяди Гиляя) карикатуру, едкий сатирический шарж на «предводителя русского спорта»: «Рибопьер, вице-президент скакового общества*, был в гусарской форме... Рибопьер очень гордился своим графством, хотя титул этот и фамилию предок его получил по милости Екатерины II за заслуги, о которых потомок избегал распространяться. Придворный парикмахер Пьер был особенно милостив, когда смеялся, и Екатерина часто говорила ему: *Rire, beau Pierre***!

Отсюда и пошла фамилия, а потом к ней присоединился и графский титул». (В. Гиляровский «Москва и москвичи». М. «ХЛ», 1981, стр.312.)

География атлетических кружков, школ и обществ не ограничивалась Петербургом. В этом списке были также Москва, Ревель, Киев, Тифлис...

Первый публичный бойцовский турнир состоялся в тогдашней столице России.

Первый... Вот написал — и задумал-

*Граф Рибопьер «попутно» был одним из крупнейших конезаводчиков России.

** Посмейся, красавец Пьер (фр.)

ся: какую дату назвать? Дело в том, что в нашей отечественной литературе это событие приписывают 1897 году, когда в манеже графа Рибопьера состоялся, по утверждению прессы того времени, «Первый всероссийский чемпионат».

А между тем на девять (!) лет раньше (в 1888 году) турнир с таким же названием — «Первый российский чемпионат» — был организован под эгидой кружка Краевского.

Есть повод усомниться и в том, что «графский чемпионат 1897 года» надо именовать «всероссийским»; ведь в нем участвовало всего-то восемь человек, из них только один — иногородний спортсмен (рижанин), остальные — петербуржцы.

Но, как говорится, что написано пером, то не вырубишь топором. 1897 год считается началом отсчета официальных чемпионатов России. Коль был чемпионат, то должен быть и чемпион! Им стал Александр Шмеллинг, спортсмен сильный, высокого роста и тяжелый. Он долго будет числиться среди сильнейших российских борцов-любителей, уступая разве что Георгу Гаккеншмидту, который на следующих двух первенствах становился победителем, оставляя на втором месте А.Шмеллинга.

На 1890 год приходится первый официальный выход российских спортсменов на международную арену. Те же Гаккеншмидт и Шмеллинг участвовали во Всемирном атлетическом чемпионате в Вене. Проводился он для любителей, а со стороны хозяев выступали и профессионалы. Причем, Георг выступал от кружка доктора Краевского (кружок был преобразован в Петербургское велосипедно-атлетическое общество), а Александр представлял Петербургское атлетическое общество графа Рибопьера, «дворянское гнездо» — так его называли между собой легкие на слово борцы.

Оба наших спортсмена хорошо начали чемпионат. Шмеллинг за 1 час 25 мин. победил австрийца Ветазу. Но в следующей схватке произошло непредвиденное: на 13-й минуте он отказался от продолжения схватки с немцем Борхардтом, хотя и заставил соперника коснуться лопатками ковра. По российским правилам это-

го достаточно для победы. А по венским — надо зафиксировать прием, дожидаться, когда арбитр сделает три хлопка ладонью по ковру. Шмеллинг, не зная таких нюансов, после первого же хлопка отпустил противника, тот подхватился, занял стойку и принялся атаковать. Наш спортсмен не понял в чем дело, стал возмущаться, протестовать. Арбитр велит продолжать схватку, но Александр стоит на своем: все видели, что Борхардт лежал на лопатках! Словом, возмущенный Шмеллинг отказался бороться дальше.

Случай со Шмеллингом, в принципе, не трудно объяснить. Очень сильный борец из России имел шанс выйти в финал, а там еще неизвестно, чем могло кончиться «венское предприятие». А что если «квевести его из игры»? Так и сделали. Что же касается Гаккеншмидта, то он был менее известен в борцовских кругах, в России-то еще не ходил в чемпионатах, поэтому в Вене Георга не особенно боялись, считая его «слишком скорые» победы (например, на первые две схватки затратил в общей сложности всего одну минуту, а очень сильного немца Гиделя положил за две минуты) не показательными, случайными, объясняя их не

силой борца, а быстротой действий, несобранностью соперников.

В финале Гаккеншмидт боролся с Борхардтом, опытным, известным маэстро, который, конечно же, обязательно учтет манеру действий спортсмена из России. Но, очевидно, не так просто было противостоять Гаккеншмидту, который, кстати, был легче соперника на два пуда, если австриец рухнул уже на... 15-й секунде.

Гаккеншмидт — чемпион!

«Русский лев» — так венская пресса назвала молодого парня из России.

Между прочим, в Вене Георг получил несколько призов и за отличные результаты в упражнениях с тяжестями — гириями, штангой, чугунными шарами и гантелями.

Небольшой экскурс в не столь уж далекую по тем временам историю мне нужен был для того, чтобы показать, какие события влияли на наши юношеские стремления стать сильными, быть похожими на чемпионов и рекордсменов.

Но вернусь к своей «истории». Поражения от именитых одноклубников — Путринга, Микула, Реймана и Балина, цирковая борьба Луриха и Аберга, добрый совет Вани Романова сделали в конце концов свое дело. А тут еще пресса расшумелась: за границей русские борцы стали себя показывать большими мастерами, в Россию зачастили многочисленные иностранные атлеты для участия в турнирах. В газетах замелькали сообщения:

«Петербург. В летнем саду «Фарс», в помещении скейтинг-ринга на Невском проспекте состоятся чемпионаты...»

«Москва. Чемпионаты в летних театрах «Аквариум» и «Зоологического сада».

«Тифлис. В электротеатре «Ли́ра» открытие международного чемпионата борьбы... борцы выступают после каждого сеанса».

«Петербург. В «Семейном саду» Егерев работает женский чемпионат...»

Да, Северная пальмира особенно изощрялась в борцовских представлениях. Они интриговали, завораживали, звали. Они воодушевляли и не давали... спать.

В один из тех дней и случилась со мной беда: на очередном занятии в подвале сломал ключицу. «Помог» мне в этом Шмидт-Лутц, сильный атлет и борец — он часто заглядывал по старой памяти в наш клуб, когда возвращался в Ригу с гастролей по городам России.

«Вот тебе и рычаг Архимеда в действии», — раздумывал я над этим случаем и сжимал зубы от боли.

Наложили тугую повязку. Так и ходил, благо, в это время я подрабатывал частыми уроками географии и математики.

На здоровом теле, да и в молодости травмы заживают быстро. Постепенно боль в ключице исчезла. Вернулся к тренировкам.

Борцовская нагрузка давалась легко. Стали получаться захваты, подсечки, двойной нельсон. «Мост» мог держать по часу, два человека вставляли — и хоть бы что, терпел.

На следующий год неожиданно победил в турнире, организованном в Риге для молодых борцов. Получил в награду медальон — серебро с позолотой. На обороте: «К.Вейланд. I приз.» И дата: «14 мая 1906 года.» Выходит, 80 лет тому...

ЛУРИХ ПРИХОДИТ В ПОДВАЛ

1906 год вообще был очень плодотворным на турниры различного ранга. О них мне напоминают семь наград с гравировкой моей фамилии. Три награды — за первые места, все — в рижских турнирах, хотя их участниками, помнится, были и приезжие атлеты.

Очевидно еще кто-то вел учет тех наших выступлений. Потому что на одно из вечерних занятий к нам в клуб, прямо в подвал бондарной мастерской Карла Завицкого, где мы тренировались, пожаловал сам Лурих.

Это была сцена из «Ревизора». Все остолбенели. Лурих уже был чемпионом мира, лучшим в России техником французской борьбы и держал свой чемпионат в различных цирках Прибалтики.

Меня подвели к Георгу. Занятия прекратились. Все прислушивались к нашему разговору. Лурих спрашивал что-то. Я что-то отвечал. Он давал какие-то советы — я их слышу, но в голове они не укладываются, настолько растерян. Смотрю себе под ноги. Боюсь глаза поднять на знаменитость. Потом похлопал меня по плечу и удалился в сопровождении своей свиты.

А через некоторое время в наш клуб приходит письмо из Петербурга. Мой первый тренер Шмидт-Лутц, переехавший туда год назад и практиковавший там уроки борьбы, сообщал, что я приглашен на соревнования в северную столицу. Вскоре мне стало известно, чья это была идея — Георга Луриха! Он постоянно искал новые имена для своих чемпионатов. Но брать к себе никому неизвестного Кристапа Вейланда — в этом Луриха мало кто понял. Сочли бы за его неразборчивость, если хотите — безвкусицу, более того — неуважение к зрителю. А это очень опасно, оборачивается свободными местами на трибунах.

Хозяева цирков не любят, когда в кассах остаются билеты. Они очень чувствительны к конъюнктуре. Так что каждое имя на афишах — это показатель авторитета, благополучия или... краха предприятия.

У меня имени тогда еще не было. Но Лурих, очевидно, имел какие-то на меня виды в перспективе. У него все было рассчитано не на год — на много лет вперед. А я для него пока — кот в мешке. Вдруг поцарапаю! А может и когтей даже нет? Поди, знай.

Возможность проверить своего «крестника» Лурих использовал с характерной для него практичностью. В Петербурге организовывался большой борцовский «бал», на который созывались сильнейшие мастера России и других стран. Приглашалась группа молодых атлетов. Георг и «пристроил» мало кому известного К. Вейланда в этот список.

Ехать или остаться дома?

До того времени я кроме как в хуторе Граверы, волостном центре Ауэрмюнда, уездного городка Доблин и столице Курляндской губернии Риге нигде не был. Борцовское «натуральное хозяйство». А здесь — Петербург!

Ехать в неизвестность? И на какие деньги? Да и место частного учителя боялся потерять.

Конец сомнениям опять положил Г. Лурих. Он пригласил меня к себе в гостиничный номер и сказал без никакого давления, оставляя за мной право решать:

— Показаться в обществе не мешало бы. Петербург — именно то, что тебе сейчас надо. Не поедешь — следующий раз могут не позвать. Обойдутся без тебя. А вот ты попробуй без них обойтись! Это, брат, труднее.

Вот уж действительно тема для размышлений со многими вариациями...

Решил: еду! Но где взять денег?

А что, если заложить медальон?!

Так и сделал. И еще на помощь пришли товарищи по клубу. Шорники, бондары, извозчики, мастерские пустили шапку по кругу. Рабочая солидарность, истинно товарищеская. Я всю жизнь помнил их поступок, был благодарен за бескорыстие, порядочность и честность.

АБЕРГ — ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ СИЛЫ

В Петербурге я увидел настоящую борьбу. Увидел настоящих мастеров. Увидел, «как все это делается». Почувствовал и пережил такое, с чем никогда ранее не встречался — дух соперничества, торжество победителя, горечь побежденного, свою причастность к событию, единство публики и действующих лиц. Борцовский театр мне стал чуть-чуть понятней и... загадочней.

Но главное — мои кумиры! Живые, настоящие. Те, о которых раньше только читал и слышал. В параде я, правда, с ними не выходил — еще не дорос. Но в каких-то программках (не главных!) моя фамилия уже значилась, пусть без титулов, без званий — у меня их не было — и это выглядело какой-то интригой для зрителей. Я был горд своей «неизвестностью»! Неважно, что потом жребий разводил участников по разные стороны: у новичков — своя компания, у именитых — своя.

Основные события происходили в цирке Чинизелли и в саду «Неметти» — здесь боролись главные силы.

Бывший трактирщик П. Тумпаков, купивший сад «Фарс», и сделавшийся, таким образом, хозяином большого и популярного в Петербурге культурного учреждения, предоставил свою арену нам, молодым атлетам. Борцы с именем — рижанин Я. Розенблум из «Первого атлетического клуба» (он же — Ян Розенталь, он же — Иван Мамутов), болгарин Христов, поляк Беньковский и другие приезжали в «Фарс», чтобы провести за вечер несколько схваток с будущими «претендентами на признание», получали свои гонорары и возвращались к «месту приписки», где их ждали более солидные соперники и более искушенный зритель.

В Петербурге я впервые увидел гиганта Турбана из Германии, рост — 208 см, вес — 10,5 пудов. И что вы думаете, этот человек-гора был положен на лопатки нашим Абергом. Их поединок продолжался 1 час и еще 37 минут. «До победы». Такое условие. Представьте, какой изнурительной была схватка!

«Фарс» в тот год и стал местом поединка неизвестного Кристапа Вейланда с восходящей звездой первой величины Александром Абергом. Потом у нас будет очень много встреч, состоять будем в одном чемпионате — у Георга Луриха.

Но тогда, в «Фарсе», Аберг будет добросовестным, талантливым учителем, а я — только учеником, тоже добросовестным. Аберг выиграет два раза. Но публике мы понравимся. И Аберг скажет об этом Г. Луриху, своему старшему другу и тренеру, вместе с которым они держали чемпионат в цирках Прибалтики.

Много лет позже Алекс раскрыл и мне «секрет» своего визита в «Фарс» — он должен был «проверить» меня, посмотреть в деле, определить, есть ли что-нибудь «свое» у этого парня из Риги, или он «снимает копии» с других, и тогда это уже не интересно.

Словом, кое в чем я преуспел в Петербурге. Нет, не в победах, хотя и они были, не в комплиментах, которые иногда слышал в свой адрес, хотя я их не коллекционировал. Преуспел в главном — в учебе, наблюдая борьбу сильнейших атлетов, и испытал силу одного из них — Аберга — на себе. Не трудно себе представить, как я был рад нашей встрече.

Аберг, Аберг, Аберг... Пресса, борцы, зрители, директора чемпионатов называли это имя в числе самых популярных атлетов «белых ночей». Газеты приводили его антропологию: вес — 92,5 кг, рост — 178 см, шея — 47,5, грудь — 125, бицепс — 43, бедро — 64, икроножная мышца — 40,5.

Мы все, молодые борцы, взялись измерять себя и высчитывать пропорции «по Абергу». Хотели быть похожими на него.

Аберг стал единицей измерения силы и физического совершенства.

ПУБЛИКА ШТУРМУЕТ «НЕМЕТТИ»

В «Фарсе» программа заканчивалась несколько раньше, чем на других аренах. И мы, заранее заказав извозчика, мчались в «Неметти» или к Чинизелли взглянуть на поединки своих кумиров. Первым среди них был несомненно Иван Максимович Поддубный, популярность которого объяснялась истинно народными его корнями, и каждый из нас, уже не раз прочитавший биографию этого богатыря, видел в нем частицу самое себя.

Предки Ивана Максимовича были запорожскими казаками. Сам он при знакомстве представлялся не чемпионом, не борцом, не аристократом, не владельцем чемпионатов, а так:

— Поддубный з пид Полтави...

И всем все было ясно: тот самый Иван Поддубный, который...

Который из крестьян...

Который из портовых грузчиков...

Который в Феодосии случайно забрел в цирк Бескоровайного...

Которого друзья вытолкали на арену, когда был сделан «вызов из публики»...

Которого благословил сам Лурих, выступающий тогда же в Феодосии...

Который поехал в Париж на Всемирный чемпионат новичком, а вернулся оттуда под гром литавр и восторженный шум прессы...

Который совсем недавно — в 1905-м в том же Париже победил чемпионов мира Омера де Бултона (Бельгия), Лорана Бокеруа (Франция), Зигфрида (Германия), Пенгаля (Турция), Рауля ле Буше (Франция), Иесса Педерсена (Дания)...

Который, который, который...

Кто же, спрашивается, устоит против соблазна увидеть этого человека на арене!

Вот почему мы, едва переодевшись после своего номера в «Фарсе», сломя голову неслись «на Поддубного». Билеты приобретали заранее, здесь никаких поблажек и скидок никто из нас, молодых, не имел. Единственная льгота — разрешение бывать за кулисами, рядом с раздевалкой звезд. Счастьем было, когда кто-либо из них приглашал нас, чтобы сделать ему массаж. Это мы умели лучше любого доктора. А то в парную баню позовут, чтоб венником помахать. Тоже козырь перед другими. Гордились. Так мы познакомились. И 36-летний маэстро великодушно подарил «хлопчику з Риги» свою открытку с автографом.

А в «Неметти» в те же дни выступал классик французской борьбы знаменитый поляк Станислав Збышко-Цыганевич. Представлял он Австро-Венгрию, так значилось в афишах. Очень сильный атлет, при виде которого создавалось впечатление, что он невысок, а потому удобен для рослых соперников, особенно при борьбе в стойке. Но впечатление о его росте (в общем-то, не таком уж и маленьком — 175 см) было обманчивым в связи с его другими габаритами: вес — 120 кг, окружность груди в спокойном состоянии — 127 см, при вдохе — 135 см, бедро — 78 см, шея — 50 см, бицепс — 52 см. В «Неметти» у него не было ни поражений, ни ничьих.

И столь же успешно у Чинизелли выступал «мой» Поддубный. Все ждали, кто из них первым бросит вызов сопернику.

А они испытывали нервы — свои, публики, газетчиков. Два гиганта, владевшие уже множеством различных титулов, по разу побеждавшие друг друга, но так и не выяснившие окончательно отношений между собой, закручивали детектив.

Мне уже надо было возвращаться в Ригу, а Поддубный и Збышко никак «не отпускали». Да и мог ли я уехать, не повидав их схватки! Меня бы никто не понял в этом отъезде.

Наконец долгожданная весть разнеслась среди участников «петербургского бала»: Поддубный вызвал Збышко!

Но поднимет ли перчатку соперник?

Сутки Петербург терялся в догадках, чем ответит поляк. Тот дал согласие. Однако поставил условие: оба поединка должны состояться только на «его» площад-

ке, т.е. в «Неметти». Поддубный и на это согласился. Он был очень силен в те годы и нисколько не уступал в габаритах своему противнику. Иван имел рост 184 см, вес — 120 кг, обхват груди — 134 см, талия — 104 см, бедро — 72 см, икра — 47 см, шея — 50 см, бицепс — 45 см. Очень гармоничное сложение.

Конечно, в саду «Фарс» и цирке Чинизелли в те два вечера было пусто. Публика штурмовала «Неметти». Первая встреча — объективная ничья, ее зафиксировал самый популярный арбитр того времени И.В. Лебедев.

Вторая встреча тоже проходила примерно на равных. Станислав, умевший хорошо вести борьбу внизу, стремился сбить Ивана в партер. А Поддубный это знал и вообще всегда старался быть лицом к лицу с противником. Кое-кто в этом усматривал прямолинейность Поддубного. Ничего подобного. Просто привычка. Привычка сильного. Разве она осудительна?!

В один из моментов Иван взял Станислава на передний пояс («русский обхват»), а это, считай, дело кончено. У Поддубного из такого положения никто не вырывался. «Обнял» он Збышко, поднял над ковром, вот-вот упадет с ним и подомнет сверху. И вдруг развернулся, да ка-а-ак бросит перед собой, вперед! О чем уж думал Иван Максимович проводя этот «прием», не знаю. Но Станислав приземлился прямо... на стол судей. Стол сломался, судьи в миг повскакивали со своих мест, публика, сами понимаете, тоже не молчит. Збышко, к сожалению, ударился сильно, но поднялся и прихрамывая пошел в центр арены. Врач замахал полотенцем: «Хватит, кончено». Победил Поддубный? Но ведь противник на лопатках не был. Объявили ничью...

В том же, 1906 году, Поддубный дважды побеждал в чемпионатах мира. Сначала в Париже, где в финале он выиграл у немца Эберле, затем в Милане, где в заключительной схватке оказался сильнее датчанина Педерсена.

Продолжение следует.

Министерство связи РФ
«Роспечать»

73413

АБОНЕМЕНТ на журнал

(подписной индекс)

«Уральский следопыт»		Количество комплектов:									
(наименование издания)											
на ----- год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

73413

(подписной индекс)

ПВ	место	ли-тер									
«Уральский следопыт»											
(наименование издания)											
Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб.	Количество комплектов:								
		руб.									
на ----- год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Уважаемые читатели! Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт», начиная с любого номера в любом отделении связи России. Жители Екатеринбурга могут подписаться на журнал также в киосках «Роспечать» Кировского района и в агентстве «Урал-Пресс» (г. Екатеринбург, ул. Мальшева 101, офис 341. Тел.: 75-62-74).

АНОНС В следующем номере журнала

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

- ◆ Аркаим: город или завод? (новая версия)
- ◆ рассказы украинских фантастов;
- ◆ из архивов Игоря Халымбаджи (заочный КЛФ)
- ◆ Михаил Азерный «Каких-то» сто лет...» (продолжение);
- ◆ школа выживания Геннадия Чеурина («Половодье»); и др.

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
2 '2000

Учредитель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:

Игорь КОЛЕСНИКОВ
(директор)

Олег ВОДОПЬЯНОВ
(зам. директора, редактор)

Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)

Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор)

Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)

Дмитрий БАХТЕРЕВ
(Интернет-версия журнала)

Нэлля СТАРИКОВА
(координатор проектов)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,

Кир БУЛЫЧЁВ,

Сергей КАЗАНЦЕВ,

Владислав КРАПИВИН,

Станислав МЕШАВКИН,

Николай НИКОНОВ,

Олег ПОСКРЁБИШЕВ,

Геннадий ПРАШКЕВИЧ,

Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,

Адрес редакции:
20142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Телефон редакции: (3432) 224-501

E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 Министерством печати и массовой информации РСФСР. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора статей. ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает исключительным правом собственности на логотип и название журнала. По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Росвязьинформ».

Подписано к печати 24.02.2000

Формат бумаги 84x108/16.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1 700. Заказ № 205.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять редакции журнала «Уральский следопыт». Отпечатано в типографии «Уральские военные вести». Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Дизайн обложки: Маргариты ВОДОПЬЯНОВОЙ

Цена свободная.

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 2-2000

Огонь-камень

Недалеко от Ревды, что в Свердловской области, стоит большое село Краснояр. Отсюда самый близкий путь до Шунут-Камня. Это самая высокая гора в окрестностях Екатеринбурга (724 м высоты и 15 км длины), водораздельный участок Уральского хребта. Из Шунутского болота, что южнее Камня, начинаются реки Шунут, приток Бардыма и Ревда, впадающая в Чусовую.

На вершине горы — величественные скалы. Одна из них напоминает ворота, потому ее так и называют — Каменные ворота. Сложены скалы из кварцитов — породы очень прочной, трудно поддающейся выветриванию. С вершины Камня хорошо видны окрестности Ревды и Полевского, открывается панорама, типичная для Среднего Урала — лесистые увалы, разделенные долинами рек.

По мнению ученого-топонимиста А.К. Матвеева, объяснение названия горы проблематично. Одна из версий рассматривает его как мансийско-башкирский гибрид (мансийское ШУН — «существо», башкирское УТ — «огонь»). Якобы, огонь зажигали на этой высокой горе как сигнал о приближающейся опасности. И то сказать: вершина Камня издали напоминает развалины средневековой крепости. Однако в ряде геологических работ вместо Шунут-Камня фигурирует Белый Камень (может быть, за белый цвет скал). Зато указаны речка Шунут, Шунутский рудник и небольшой Шунутский увал.

Когда Ревдинский металлургический завод работал на древесном угле, среди углежогов выделялась секта идолопоклонников. Говорят, она существует и поныне. Однажды в туристском походе на Шунут-Камень мы слегка заблудились и на склоне горы вышли на поляну. Нашему взору открылась картина: деревянные идолы и группа молящихся бородачей, подстриженных «под горшок»...

Шунутский массив предлагалось включить в территорию Среднеуральского природного парка.

Олег ЩЕТИНИН
Фото из архива автора

